ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Каблуков Кирилл Сергеевич

РОЛЬ И МЕСТО ИНДОНЕЗИИ В ПРОЦЕССАХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Колдунова Екатерина Валерьевна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Феномен регионализации в современных международных отношениях и его специфика в Юго-Восточной Азии 29

1.1. Теоретические основы и эволюция региональных исследований: отечественные и зарубежные подходы 30

1.2. Концептуальные оценки феномена регионализации 42

1.3 Особенности процессов регионализации в Юго-Восточной Азии: эволюция и современное состояние 50

Выводы к Главе 1 65

Глава 2. Асеаноцентричный региональный порядок в Юго-Восточной Азии и роль Индонезии 67

2.1. Асеаноцентричный региональный порядок в Юго-Восточной Азии: формирование, свойства, механизмы регулирования 67

2.2. Роль Индонезии в асеаноцентричном региональном порядке 81

Выводы к Главе 2 97

Глава 3. Индонезия в процессах регионализации и макрорегионализации в Азии на современном этапе 100

3.1. Усиление противоречий ведущих держав в Юго-Восточной Азии: последствия для АСЕАН и Индонезии 100

3.2. Альтернативные проекты организации регионального и макрорегионального пространства: подходы АСЕАН и Индонезии 127

Выводы к Главе 3 146

Заключение 149

Список источников и литературы 155

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования

Актуальность темы настоящего исследования обуславливается интенсивностью трансформаций в Юго-Восточной Азии. В результате распада биполярной системы международных отношений активизировались прежде замороженные конфликты и международные противоречия низкой интенсивности. Кроме того, отсутствие явного глобального лидера привело к обострению отношений между крупными державами за влияние на региональном уровне и в глобальном масштабе[1]. В дополнение к вышеперечисленным изменениям в мировой политике в качестве реакции на происходящие трансформации стало все более явно проявляться изменение динамики и содержания процессов регионализации. Особенности, причины и следствия данных процессов нуждаются в детальном и последовательном анализе.

Стоит отметить, что в начале XXI в. особо заметными стали трансформации во внешней политике большинства мировых центров силы (США[2], России[3], Европейского Союза[4]), а также растущая роль таких держав, как Китай и Индия. Процессы движения мира к полицентричности, кризис «традиционных» институтов глобального лидерства вкупе со смещением центра мирового развития на Восток[5] приводят к тому, что региональные объединения по всему миру приобретают новые качества.

Вместе с тем наиболее явно процессы регионализации в начале XXI века наблюдаются в Азии, вбирая в себя весь спектр возможных межгосударственных взаимоотношений: начиная с сугубо экономического и гуманитарного

---

[1] Торкунов А.В. Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство (мифы и реальность) / Н.А. Симония, А.В. Торкунов. — М.: Международная жизнь, 2013. — С. 49.

[2] US National Security Strategy. — Текст: электронный // White House. October 2022. — URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[3] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). — Текст: электронный // МИД России. 31 марта 2023 г. — URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 01.05.2024).

[4] A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. — Текст: электронный // EU Commission. June 2016. — URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[5] Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник / А. А. Байков, Э. Я. Баталов, А. В. Бирюков [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 2022. – С. 7.

сотрудничества и заканчивая военно-политическим взаимодействием по обеспечению региональной безопасности.

По мнению ряда российских исследователей[6], на этом фоне Юго-Восточная Азия, включающая малые и средние державы, превращается в центр сосредоточения торговых потоков и капитала. В мировой политике интересы Юго-Восточной Азии представлены в основном благодаря деятельности Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН, Ассоциация), структурирующей в рамках своей институализированной системы весь спектр региональных процессов.

В ситуации усложнения региональной динамики особую актуальность приобретает анализ внешней политики ключевых стран, участвующих в формировании и структурировании регионального порядка, например, Индонезии, крупнейшей страны в Юго-Восточной Азии. Она стояла у истоков создания в 1967 г. главной региональной группировки – АСЕАН и по настоящее время активно оказывает ключевое влияние на организацию, участвуя и часто руководя разработкой программных документов Ассоциации. Одним из результатов такой дипломатической деятельности стала концепция Индо-Тихоокеанского региона АСЕАН (ASEAN Outlook on the Indo-Pacific)[7], где было выражено мнение не только Индонезии, но и всей интеграционной группировки по поводу желательного направления формирования нового регионального порядка большого азиатского макрорегиона.

С одной стороны, за прошедшие несколько десятилетий асеаноцентричные региональные институты добились существенных успехов. В рамках этих институтов Индонезии удавалось играть вполне весомую роль и даже в отдельные периоды претендовать на лидерские позиции в Ассоциации. С другой стороны, усиление американо-китайских противоречий, появление различного рода

---

[6] АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М. Мазырина, Е.В. Колдуновой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. — 608 с.

[7] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. June 2019. — URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

трансрегиональных проектов и форматов, далеко не всегда учитывавших мнение АСЕАН, привело к тому, что и возможности самой Индонезии в решении региональных проблем также оказались ограничены.

Представленное исследование нацелено на выявление причин трансформаций в процессах регионализации в Юго-Восточной Азии и последствий для Индонезии, в частности, её роли и места в новой формирующейся реальности.

Область исследования соответствует следующим пунктам паспорта специальности 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»:

1. Теория и методология, методы анализа, развитие понятийного аппарата исследования международных отношений и мировой политики. Западные и незападные исследовательские традиции. Международно-политический анализ;

2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин;

5. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики;

6. Мегатренды мирового развития;

11. Международные организации;

12. Внешняя политика и дипломатия.

Территориально-хронологические рамки. Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1945 г. до начала 2020-ых гг. Этот период поделен на несколько этапов, отражающих эволюцию процессов регионализации в Юго-Восточной Азии и одновременно позволяющий проанализировать роль и место в них Индонезии. Так, первый период охватывает отрезок времени с момента окончания Второй Мировой войны в 1945 г., когда страны Юго-Восточной Азии после японской оккупации и колониального

правления предпринимали первые попытки объединения Юго-Восточной Азии, и заканчивается на моменте создания АСЕАН в 1967 г. Данный этап также связан с образованием независимой Индонезии и формированием концептуальных основ индонезийского государства и его внешней политики. Второй период начинается с момента образования АСЕАН и длится до начала 1990-х гг. В это время страны-участницы АСЕАН стремились подобрать оптимальный для всех механизм взаимодействия в регионе, что было связано с достаточно медленным темпом интеграции и большим количеством противоречий между странами Ассоциации. Третий этап начинается с момента подписания Соглашения о всеобъемлющем политическом урегулировании Камбоджийского конфликта в 1991 г., когда наметилась положительная динамика в институциональном развитии АСЕАН, и завершается в начале 2020-х гг., маркирующем время активной макрорегионализации в Азии и трансформации региональных процессов под влиянием усиления американо-китайских противоречий и формирования новых проектов региональной интеграции.

Территориальные рамки исследования включают как региональный уровень, где исследуется влияние Индонезии на региональные процессы и объединения, так и макрорегиональный уровень, где анализируется не только роль и место Индонезии в международных процессах Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и Индо-Тихоокеанском пространстве, но и влияние вышеупомянутых макрорегиональных объединений более широкого масштаба на Юго-Восточную Азию и региональную политику Индонезии. Отдельное внимание уделяется глобальным форматам взаимодействия, так как они оказывают все большее влияние на региональную повестку и внешнюю политику Индонезии. К таким многосторонним площадкам относятся ООН, Группа двадцати, БРИКС, Организация исламского сотрудничества и другие.

Объект исследования – процессы регионализации в Юго-Восточной Азии на современном этапе.

Предмет исследования – роль, место и функциональные особенности внешней политики Индонезии применительно к современным процессам

регионализации в Юго-Восточной Азии, формирования и структурирования регионального порядка.

Цель исследования заключается в том, чтобы комплексно проанализировать роль Индонезии в процессах формирования регионального порядка в Юго-Восточной Азии, а также ее места в региональных институтах на основе рассмотрения ее позиции по вопросам, связанным с процессами регионализации в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие **задачи:**

- Рассмотреть теоретические положения, применимые к анализу региональных процессов, проанализировать феномен регионализации и его современные ипостаси применительно к процессам, происходящим на территории Юго-Восточной Азии;
- Выявить причины формирования, свойства и механизмы поддержания асеаноцентричного регионального порядка в Юго-Восточной Азии;
- Определить роль и место Индонезии в вопросах, связанных с дальнейшим развитием регионального порядка в Юго-Восточной Азии, проследить динамику этой роли в пространственно-временном выражении;
- Изучить функциональные возможности Индонезии оказывать конструктивное воздействие на решение проблем, которые препятствуют дальнейшему развитию и формированию устойчивого инклюзивного регионального порядка в Юго-Восточной Азии и в более широком макрорегиональном контексте;
- Проанализировать влияние великих держав, а также альтернативных асеаноцетричному проектов организации регионального и макрорегионального пространств и реакцию Индонезии и АСЕАН на эти процессы;
- Рассмотреть внешнюю политику Индонезии в контексте трансформации регионального порядка под влиянием вышеперечисленных факторов.

Постановка научной проблемы.

Индонезия с момента обретения независимости последовательно придерживалась курса на формирование независимого от внешних факторов регионального порядка, в котором сама смогла бы иметь решающий голос в вопросах определения политического и экономического векторов регионального развития[8]. Во много результатом данной политики стало формирование асеаноцентричной региональной архитектуры, в которой Индонезия безусловно определяется как системообразующий элемент. Вместе с тем за последние десятилетия под влиянием внешних факторов, связанных с обострением противостояния внерегиональных держав в Юго-Восточной Азии и более широких макрорегиональных рамках, а также формированием целого ряда новых форматов многостороннего взаимодействия, все отчетливее прослеживается феномен постепенного размывания асеаноцентричности[9]. Подобные масштабные трансформации региональной подсистемы неизбежно отражаются и на функциональной роли ее элементов. С учетом того, насколько тесно связаны процессы регионализации в Юго-Восточной Азии с внешней политикой Индонезии, следует **исследовательский вопрос:** почему при всех существующих факторах, способствующих лидерству Индонезии в регионе, ее роль и место в современных процессах регионализации в Юго-Восточной Азии ограничены?

Гипотеза:

Индонезия, придерживаясь традиционных для нее принципов активной и независимой внешней политики, реагирует на глобальные трансформации в мире и использует АСЕАН для повышения своего статуса в новых макрорегиональных форматах взаимодействия, которые могут влиять на региональную повестку в Юго-Восточной Азии. Такой подход приводит к ситуации, когда Индонезия не прилагает достаточно усилий для сохранения асеаноцентричного порядка в Юго-Восточной Азии (несмотря на то, что именно в его рамках может претендовать на

[8] Малетин Н. П. Индонезия в АСЕАН: от первой среди равных к равной среди равных? / Н.П. Малетин. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. – № 4 (45). – С. 181.
[9] АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М. Мазырина, Е.В. Колдуновой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. — С. 156.

статус неофициального лидера), но одновременно с этим неспособна единолично и эффективно конкурировать за лидерство с великими державами в рамках более широких макрорегиональных форматов.

Теоретическая основа исследования.

Теоретические основания исследования – концепции регионализма, представленные в отечественных и зарубежных исследованиях, теоретико-концептуальные наработки международного регионоведения школы МГИМО, в частности, в области анализа региональных подсистем[10].

В исследовании рассматривается система международных отношений в ее классическом понимании как глобальная взаимозависимость субъектов международных отношений[11], в частности, Юго-Восточной Азии, которая представляет пример региональной подсистемы международных отношений и подвергается комплексному анализу[12].

Другой кластер теоретических работ составляют исследования по теории функционализма, где в рамках исторического и сравнительного анализа определяются особенности становления региональных объединений через призму сотрудничества в функциональных сферах. Анализируются сходства и различия функционализма в региональном контексте на примере Европы и Юго-Восточной Азии[13], а также функциональные роли Индонезии в Юго-Восточной Азии, Индо-Тихоокеанском пространстве, Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе с целью их анализа и сравнения. Поскольку одним из значимых аспектов анализа в работе является рассмотрение категории национальных интересов

---

[10] Шаклеина Т. А. Великие державы и региональные подсистемы / Т. А. Шаклеина // Международные процессы. – 2011. – Т. 9, № 2(26). – С. 29-39; Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: РОССПЭН, 2002. – 523 с.

[11] Теория международных отношений : учебник для вузов / П. А. Цыганков [и др.] ; под редакцией П. А. Цыганкова. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — С. 26.

[12] Мировое комплексное регионоведение: учебник/ А.Д.Воскресенский, Е.В.Колдунова, С.И.Лунев, А.А.Киреева. —М.: Магистр, 2020. — 416 с.

[13] Ng Luang Jong, J. The ASEAN Model of Integration / J. Ng Kuang Jong, J.C. Liow. // The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. / Ed. Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller. New York, London. — Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. — P.103-122.

Индонезии, исследование также обращается к реалистской парадигме теории международных отношений[14].

Методологическая основа исследования представлена широким набором известных методов анализа международных отношений. Анализ источников используется повсеместно наравне со сравнительным анализом, который необходим для определения сходств и различий применения концепции функционализма к анализу региональных процессов в Европе и Юго-Восточной Азии.

Исторический подход применяется в целях периодизации процессов формирования концептуальных основ регионализации и становления асеаноцентричного порядка в Юго-Восточной Азии. Системный подход[15] позволяет определить особенности региональной подсистемы Юго-Восточной Азии, проанализировать специфику процессов регионализации в Юго-Восточной Азии, особенности процессов макрорегионализации и трансрегионализации, включающие Юго-Восточную Азию в качестве одного из пространственных элементов.

Вместе с тем одним из ключевых методов, применяемых в работе, является структурно-функциональный анализ. С помощью данного метода любая политическая или экономическая система рассматривается «как существующая во всех самостоятельных обществах система взаимодействия, которая выполняет функции интеграции и адаптации[16]». Одновременно с этим выделяются особенности данного подхода при рассмотрении интеграционных объединений, которые достаточно целостны как система, но в то же время сильно ограничены в определении повестки, механизмах исполнения поставленных задач по сравнению с политическими системами государств[17].

---

[14] Burchill, S. The National Interest in International Relations Theory. — Basingstoke: Palgrave, 2005. – 224 p.

[15] Парсонс Т. О структуре социального действия /Т. Парсонс. — М.: Академический Проект, 2000. — 880 с.; Хрусталев М.А. Системное моделирование международных отношений: учеб. пособие / М. А. Хрусталев; МГИМО МИД СССР. – М., 1987. – 115 с.

[16] Оврах Г. П. Политология / Оврах Г. П. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000 — С. 74.

[17] Грачёв Б.В. Возможности и границы применения структурно-функционального подхода в отношении интеграционных объединений / Возможности и границы применения структурно-функционального подхода в

Это требует особого внимания при анализе функциональных особенностей региональных объединений и разграничения национальных и региональных интересов, что усложняет иерархию в политической системе региона, а также требует детального анализа роли отдельных ее элементов при заметной корреляции развитости политической системы государства-члена регионального объединения и его влияния на региональную структуру в целом.

Принимая во внимание все вышесказанное, структурно-функциональный анализ позволяет описывать, выявлять и объяснять взаимосвязанности, а также сравнивать региональные объединения различного масштаба и направленности по целому ряду социально-политических и экономических критериев. Кроме того, структурно-функциональный анализ строится на рассмотрении частных элементов и их ролей в формировании структур, а анализ структур позволяет определять их функции[18]. В рамках представленного исследования структурно-функциональный анализ применяется на нескольких уровнях. На макроуровне анализируются макрорегиональные объединения, они подвергаются сравнению, определяются их элементы и роли, а у самих структур выверяются их функции в политической и экономической системе всего макрорегиона. Вместе с тем в рамках текущего исследования детальное внимание уделяется структурам на уровень ниже, в первую очередь, Юго-Восточной Азии и затем Индонезии. Определение функциональной роли Индонезии как элемента более расширенной и разветвлённой региональной политической и экономической систем в Юго-Восточной Азии и за ее пределами и определяет цель данного диссертационного исследования.

отношении интеграционных объединений / Б.В. Грачев. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2018. – Т. 26. – С. 27.

[18] Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: учеб. пособие / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 74.

Источниковая база исследования

В представленном исследовании используется широкий круг источников, который разбит на несколько групп:

1. Официальные документы АСЕАН: Видение АСЕАН 2020[19], Видение АСЕАН 2025[20], Балийский договор[21], Декларация АСЕАН[22], Устав АСЕАН[23], декларация о Кодексе поведения в Южно-Китайском море[24], программный документ «Перспективы АСЕАН в Индо-Тихоокеанском регионе»[25].

2. Программные документы великих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В частности, программные документы США: «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион»[26], Стратегии национальной безопасности США 2010[27] и 2017[28] гг. Программные документы Китая: «Политика Китая в отношении сотрудничества в области безопасности в АТР»[29]. Программные документы Российской Федерации: «Концепция внешней политики Российской

[19] ASEAN Vision 2020. — Текст: электронный // ASEAN. December 1997. — URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_vision.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[20] ASEAN Community Vision 2025. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. November 2015. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[21] Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии— Текст: электронный // Электронный фонд НПА. Февраль 1976 г. — URL: https://docs.cntd.ru/document/902289313 (дата обращения: 01.05.2024).
[22] The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration). — Текст: электронный // ASEAN. August 1967. — URL: https://web.archive.org/web/20150211121705/http://www.asean.org/news/item/the-asean-declaration-bangkok-declaration (дата обращения: 01.05.2024).
[23] The ASEAN Charter — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. December 2008. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[24] Declaration on the conduct of parties in the South China sea. — Текст: электронный // ASEAN. November 2002 — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2002-Declaration-on-the-Conduct-of-Parties-in-the-South-China-Sea.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[25] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. June 2019. — URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[26] A Free and Open Indo-Pacific Advancing a Shared Vision. — Текст: электронный // US Government. November 2019. — URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[27] National Security Strategy of the United States of America. — Текст: электронный // The White House. February 2010. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[28] National Security Strategy of the United States of America. — Текст: электронный // The White House. December 2017. — URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[29] China’s Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. The State Council Information Office of the People’s Republic of China. — Текст: электронный // The State Council The People's Republic of China. January 2017. — URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm (дата обращения: 01.05.2024).

Федерации»[30].

3. Программные документы и выступления официальных лиц Индонезии: выступления бывшего и действующего президентов Индонезии Джоко Видодо[31] и Прабово Субианто[32], программная речь министра иностранных дел Индонезии М. Наталегавы «Индонезия и мир 2010»[33], а также «Индонезийские перспективы в Индо-Тихоокеанском регионе»[34], доктрина министра иностранных дел Индонезии Р. Марсуди «Приоритеты индонезийской внешней политики на следующие пять лет»[35].

4. Статистические материалы по Юго-Восточной Азии: отчеты об ключевых экономических показателях развития стран АСЕАН[36], отчет об инвестиционном климате в АСЕАН[37] и опросы экспертного сообщества АСЕАН по экономическим, политическим и социальным вопросам[38].

Степень разработанности проблемы и анализ историографии

Существующая научная литература по проблеме исследования образует несколько проблемно-тематических групп.

---

[30] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). — Текст: электронный // МИД России. 31 марта 2023 г. — URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 01.05.2024).

[31] Joko Widodo: “We must not let the World to plunge in a new Cold war”. — Текст: электронный // The International Affairs Journal. November 2022. — URL: https://en.interaffairs.ru/article/joko-widodo-we-must-not-let-the-world-to-plunge-in-a-new-cold-war/ (дата обращения: 01.05.2024).; Statement by President of the Republic of Indonesia H.E. Joko Widodo at the General Debate of the 75th Session of the United Nations General Assembly New York, 22 September 2020 Текст: электронный // The International Affairs Journal. November 2022. — URL: https://kemlu.go.id/portal/en/read/1715/berita/statement-by-president-of-the-republic-of-indonesia-he-joko-widodo-at-the-general-debateof-the-75th-session-of-the-united-nations-general-assembly-new-york-22-september-2020 (дата обращения: 01.05.2024).

[32] Indonesian President Says Wanted Country to Join BRICS Since 2014. — Текст: электронный // Sputnik International. — URL: https://sputnikglobe.com/20241118/indonesian-president-says-wanted-country-to-join-brics-since-2014-1120916469.html (дата обращения: 25.04.2025).

[33] Indonesia and the World 2010. — Текст: электронный // Kedutaan Besar Republik Indonesia di Tunis, Republik Tunisia. January 2010. — URL: https://www.kemlu.go.id/tunis/id/read/indonesia-and-the-world-2010/63/important-information (дата обращения: 01.05.2024).

[34] Keynote address by Matry Natalegawa of May 16, 2013. — Текст: электронный // Center for Strategic and International Studies. May 2013. — URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/130516_MartyNatalegawa_Speech.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[35] Inilah Prioritas Politik Luar Negeri Indonesia 5 Tahun Ke Depan. — Текст: электронный // Sekretariat Kabinet Republik Indonesia. January 2015. — URL: https://setkab.go.id/inilah-prioritas-politik-luar-negeri-indonesia-5-tahun-ke-depan/ (дата обращения: 01.05.2024).

[36] ASEAN Key Figures 2023. — Текст: электронный // ASEAN. 2003. — URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/12/ASEAN-Key-Figures-2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[37] A Special ASEAN Investment Report 2023. — Текст: электронный // ASEAN. 2023. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2023/12/AIR-Special-2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[38] Например: The State of Southeast Asia: 2025 Survey Report. — Текст: электронный // ISEAS. 2025. — URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/03/The-State-of-SEA-2025-1.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

Первая группа посвящена общим вопросам теории международных отношений, в частности, формированию и функционированию системы международных отношений и ее региональных подсистем. В данном исследовании этот кластер представлен в работах отечественных международников-теоретиков: А.В. Торкунова[39], П.А. Цыганкова[40], А.Д. Воскресенского[41], В.Г. Барановского[42], Т.А. Алексеевой[43] и Т.А. Шаклеиной[44].

Вторая группа включает труды, посвященные регионализации, регионализму и региональным исследованиям в целом. Указанные направления описаны в трудах зарубежных исследователей, в частности, К. Дойча[45], Э. Хааса[46], Р. Харрисона[47], Д. Митрани[48], А. Моравчика[49], Ф. Содербаума[50], Т. Бёрцель[51], А. Уотсон[52], А. Ачарьи[53], Б. Хеттне[54], А. Вяйринена[55], М. Шульца[56], П. Катцештейна[57], М. Маршанда[58], Т. Риссе[59], Ф. Ломбарда[60], Ф. Фосетт[61].

---

[39] Современные международные отношения: учебник / под ред. А.В.Торкунова, А.В.Мальгина. — Москва: Аспект-Пресс, 2017. — 688 с.

[40] Теория международных отношений : учебник для вузов / П. А. Цыганков [и др.] ; под редакцией П. А. Цыганкова. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 317 с.

[41] Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации / Д.А.Кузнецов // Сравнительная политика. — 2016. — №2. — С.14-26.

[42] Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика / ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова — Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. — 720 с.

[43] Алексеева Т. А. Теория международных отношений как политическая философия и наука : учебное пособие для вузов / Т. А. Алексеева. — Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2019. - 608 с.

[44] Шаклеина Т. А. Великие державы и региональные подсистемы / Т. А. Шаклеина // Международные процессы. – 2011. – Т. 9, № 2(26). – С. 29-39.

[45] Deustsch, K.W. Political Community and the North Atlantic Area; International Organization in the Light of Historical Experience/ Karl W. Deutsch. — New Jersey: Princeton University Press, 1957. – 256 p.

[46] Haas, Ernst B. Beyond the nation-state: functionalism and international organization. / Ernst B. Haas. — Stanford, CA: Stanford University Press, 1964. – 595 p.

[47] Harrison, Reginald J The Evolution of International Society. A Comparative, Historical Analysis / Reginald J. Harrison. — London: Allen & Unwin, 1974. – 346 p.

[48] Mitrany, D. A Working Peace System: An Argument for the Functional Development of International Organization. / D. Mitrany. — London: The Royal Institute of International Affairs, 1943. – 60 p.

[49] Moravcsik, A. The choice for Europe: social purpose and state power from Messina to Maastricht / A. Moravcsik — New York: Cornell University Press, 1998. – 528 p.

[50] Söderbaum, F. The Political Economy of Regionalism: The Case of Southern Africa / F. Söderbaum, — New York: Palgrave Macmillan, 2004. – 251 p.

[51] The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / Ed. Tanja A. Börzel, T. Risse. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — 667 p.

[52] Watson, A. The Evolution of International Society. A Comparative, Historical Analysis / A. Watson. — London: Routledge, 1992. — 337 p.

[53] Acharya, A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? / A. Acharya. // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. — 2012. — Vol. 47 No. 1. — P. 3—15.

[54] Hettne, B. Beyond the “New Regionalism.” / B. Hettne. // New Political Economy. — 2005. — Vol. 10, No. 4. — P. 543–571.

Среди российских исследователей стоит выделить труды А.Д. Воскресенского[62], А.А. Киреевой и С.И. Лунева[63], Е.В. Колдуновой[64], М.Л. Лагутиной[65], О.Г. Леоновой[66], С.В. Севастьянова[67], М.А. Троицкого[68].

При анализе процессов регионализации в Азии и Юго-Восточной Азии, а также их особенностей в сравнении с европейской моделью интеграции использовались работы иностранных исследователей таких, как М. Бисон[69], К. Махбубани[70], Б. Розамонд[71], Т. Ли Лай[72], П. Катцештейн[73], С. Хоффманн[74],

---

[55] Vayrynena, R. Regionalism: Old and New / R. Vayrynena // International Studies Review. — 2003. — Vol. 5, No. 1. — P. 25–51.

[56] Regionalization in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes. / M. Schulz, F. Söderbaum, J. Öjendal. — Zed Books Limited: New York, 2001. – 304 p.

[57] Katzenstein, P.J. Regionalism in Comparative Perspective / P.J. Katzenstein. // Cooperation and Conflict. — 1996. — Vol. 31, No. 2. — P. 123–159.

[58] Marchand, M.H. The Weave-World: The Regional Interweaving of Economies, Ideas and Identities / M.H. Marchand, T.M. Shaw. // Theories of New Regionalism. International Political Economy Series. – London: Palgrave Macmillan, 2003. — P. 197–210.

[59] Risse, T. Neofunctionalism, European identity, and the puzzles of European integration / T. Risse. // Journal of European Public Policy. — 2005 — Vol.12, No. 2 — P. 291–309.

[60] The problem of comparison in comparative regionalism / P. Lombaerde, F. Söderbaum, L. Van Langenhove, L., F. Baert. // Review of International Studies. — 2010. — Vol. 36, No. 3. — P. 731–753.

[61] Fawcett, L. The History and Concept of Regionalism / L. Fawcett. – Bruges: UNU Institute on Comparative Regional Integration Studies, 2013. – 20 p.

[62] Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: РОССПЭН, 2002. – 523 с.

[63] Мировое комплексное регионоведение: учебник/ А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, С.И. Лунев, А.А. Киреева. — М.: Магистр, 2020. — 416 с.

[64] Колдунова Е.В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина / Е.В. Колдунова. // Вестник МГИМО-Университета. – 2016 – №5. – 63-69.

[65] Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов / М.Л. Лагутина, Е.Б. Михайленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. № 2. – С. 261-268.

[66] Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О.Г. Леонова // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 59-66.

[67] Севастьянов С.В. «Новый регионализм» Восточной Азии: теоретические и практические аспекты. / С.В. Севастьянов. // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 4. – С. 111-122.

[68] Троицкий М. Глобальный регионализм и внешняя политика России / М. Троицкий. // Свободная мысль. – 2009. – № 11(1606). – С. 35-46.

[69] Beeson M. Routledge Handbook of Asian Regionalism / M. Beeson. — New York: Routledge, 2011. – 521 p.

[70] Mahbubani, K. Sng, J. The ASEAN Miracle. A Catalyst for Peace / K. Mahbubani, J. Sng. — Singapore: Ridge books, 2017. – 264 p.

[71] Rosamond, B. Theories of European integration / B. Rosamond. — New York: St. Martin's Press, 2000. – 260 p.

[72] To, Lee Lai. Regional community building in East Asia: Countries in focus / Lee Lai To, Z. Othman. — New York: Routledge, 2013. – 350 p.

[73] Katzenstein, P.J. Regionalism and Asia / P.J. Katzenstein. // New Political Economy. — 2000. — Vol. 31, No. 3. — P. 353–368.

[74] Hoffmann, S. Obstinate or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe/ S. Hoffman. //Daedalus. — 1966. — Vol. 95, No. 3. — P. 862–915.

Дж. Энг и Дж. Лю[75], К. Дент[76], А. Ачарья[77], И. Нойманн[78], М. Рейтерер[79], Дж. Зжудлик-Татар[80], Б. Хеттне[81].

В России также проводится глубокий анализ данных процессов. Среди отечественных исследователей данной проблеме посвящены труды А.Д. Богатурова[82], А.А. Байкова[83], Л.Б. Алаева[84], В.В. Сумского[85], Е.В. Колдуновой[86], Д.Г. Атакишиевой[87], О.В. Буториной[88], Е.В. Викторовой[89], К.А. Ефремовой[90].

Третья группа исследований фокусируется на особенностях формирования асеаноцентричного регионального порядка в Юго-Восточной Азии, а также внешней политики АСЕАН. Условно данный кластер можно разделить на две подгруппы. К первой подгруппе относятся работы по историческому анализу формирования асеаноцентричного порядка в Юго-Восточной Азии. Среди

---

[75] Ng Luang Jong, J. The ASEAN Model of Integration / J. Ng Kuang Jong, J.C. Liow. // The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. / Ed. Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller. New York, London. — Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. — P.103-122.

[76] Dent, C.M. East Asian Regionalism / C.M. Dent — New York: Routledge, 2008. – 370 p.

[77] Acharya, A. Doomed by Dialogue: Will ASEAN Survive Great Power Rivalry in Asia? / A. Acharya // International Relations and Asia's Southern Tier. Asan-Palgrave Macmillan Series / G. Rozman, J. Liow (eds). — Singapore: Springer. 2018. — P. 77–91.

[78] Neumann, I. B. A Region-Building Approach to Northern Europe / I. B. Neumann. // Review of International Studies. — 1994. — Vol. 20, No. 1. — P. 53–74.

[79] Reiterer, M. Interregionalism as a New Diplomatic Tool: The EU and East Asia / M. Reiter // European Foreign Affairs Review. — 2006. — Vol. 11, No 2. — P. 223–243.

[80] Szczudlik-Tatar, J. Regionalism in East Asia: A Bumpy Road to Asian Integration/ J. Szczudlik-Tatar // PISM Policy Papers— 2013. – Vol. 64, No. 16. – 7 p.

[81] Hettne, B. Globalization, the New Regionalism and East Asia: Selected Papers Delivered at the United Nations University — Текст: электронный // United Nations University. — URL: https://archive.unu.edu/unupress/globalism.html (дата обращения: 01.05.2024).

[82] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д. Богатуров. – М.: Конверт - МОНФ, 1997. – 349 с.

[83] Байков А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной. Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков; отв. ред. А. Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 256 с.

[84] Алаев Л. Б. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.Е.Непомнин versus Л.С.Васильев) / Л. Б. Алаев. // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3, № 1. – С. 67-83.

[85] Сумский В.В. Опыт регионализма на азиатском юго-востоке и поиск ответов на новые вызовы / В.В. Сумский // Международные процессы. - 2017. - №3. - С. 5-11.

[86] Колдунова, Е. В. "Диалоговые партнерства" во внешней политике АСЕАН / Е. В. Колдунова // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 3(50). – С. 55-66.

[87] Атакишиева Д.Г., Наумова Н.Н. Эволюция интеграционной политики де Голля (середина 50-х - конец 60-х гг. XX в.) / Д.Г. Атакишиева, Н.Н. Наумова. // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 8. – С. 28 - 44.

[88] Буторина О.В. Понятие региональной интеграции: новые подходы / О.В. Буторина. // Космополис. – 2005. – № 3. – С. 136-145.

[89] Викторова Е.В., Петренко Д.А. Идентичность европейцев в контексте теорий неофункционализма и "воображаемых сообществ / Е.В. Викторова, Д.А. Петренко // Современная Европа: журнал общественно-политических исследований. — 2021. — № 2. — С. 89-98.

[90] Ефремова К.А. Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональной идентичности / К.А. Ефремова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2018. — Т. 2. — №4. — С. 39-53.

исследователей данных вопросов за рубежом выделяются такие имена, как Дж. Дживандоно[91], А. Антолик[92], Х. Хилл[93], К. Чана[94], Т. Шалермпаланупап[95] и другие.

Вопросы формирования АСЕАН как центрального элемента региональной системы в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом детально рассмотрены и в российских исследования. Среди российских авторов представленная работа опирается на труды В.М. Мазырина и Е.В. Колдуновой[96], Э.М. Гуревича и Г.И. Чуфрина[97], Б.Т. Колосковой[98], Н.П. Малетина[99], Г.М. Локшина и Е.В. Кобелева[100], Е.А. Фомичевой[101], В.Ф. Урляпова[102].

В качестве отдельной подгруппы исследований можно выделить работы, рассматривающие проблематику АСЕАН как субъекта региональной политики, ее интересы и внешнюю политики. В зарубежных источниках этой тематикой посвящены труды таких исследователей, как М. Бисон[103], Д.Ф. Анвар[104], Л. Бужински[105], Н. Кигпен[106], Р. Индрасвари[107], Ч. Ву[108], а среди российских

---

[91] Djiwandono, J. Soedjati. Indonesia's Relations with Other Southeast Asian Countries /J. Soedjati Djiwandono // Asian Perspective. — 1977. — Vol. 1, Vo. 1. — P. 32-52.
[92] Antolik, M. ASEAN and the Diplomacy of Accommodation / M. Antolik. — New York: M. E. Sharpe, 1990. – 200 p.
[93] Hill, H. Menon, J. ASEAN Economic Integration: Features, Fulfillments, Failures and the Future / H. Hill, J. Menon // ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. – 2010. – Vol. 69. – 44 p.
[94] Чан К. Сообщество безопасности АСЕАН через год и в перспективе / К. Чан, Г. М. Локшин. // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 3. – С. 119-127.
[95] Chalermpalanupap, T. Five Decades of ASEAN: The History of a Political Miracle. — Текст: электронный // The Diplomat. 27 December. 2016. — URL: https://thediplomat.com/2016/12/five-decades-of-asean-the-history-of-a-political-miracle/ (дата обращения: 01.05.2024).
[96] АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М. Мазырина и Е.В. Колдуновой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023 — 608 с.
[97] Гуревич Э.М., Чуфрин Г.И. Внешняя политика Сингапура / Э.М. Гуревич., Чуфрин Г.И. – М.: Наука., 1989. – 165 с.
[98] Колосков Б.Т. Малайзия вчера и сегодня (Опыт проблемного исследования истории развивающихся стран) / Б.Т. Колосков – М.: Мысль, 1984. – 302 с.
[99] Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития / Н. П. Малетин. – М.: МГИМО, 2007. – 312 с.
[100] Сообщество АСЕАН в современном мире / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин. – М.: ФОРУМ, 2019. — 296 с.
[101] Фомичева Е.А. Внешняя политика Таиланда / Е.А. Фомичева – М.: Наука, 1991. – 168 с.
[102] Урляпов В. Ф. Расширение АСЕАН: мотивы, значение, последствия / В. Ф. Урляпов. // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 85-95.
[103] Beeson, M. Institutions of the Asia-Pacific: ASEAN, APEC, and beyond / M. Beeson. — New York: Taylor & Francis, 2008. – 152 p.
[104] Anwar, D.F. ASEAN and Indonesia: Some reflections / D.F. Anwar. // Asian Journal of Political Science. — 1997. — Vol. 5, No. 1. — P. 20-34.
[105] Buszynski, L. SEATO: Why It Survived until 1977 and Why It Was Abolished / L. Buszynski // Journal of Southeast Asian Studies. — 1981. — Vol. 12 No. 2. —P. 287–296.
[106] Kipgen, N. ASEAN and China in the South China Sea disputes / N. Kipgen. // Asian Affairs. — 2018. — Vol. 49 No. 3. — P. 433-448.

исследователей указанной по теме приведены труды Е.В. Колдуновой[109], А.В. Афонасьевой[110], И.В. Зеленевой[111], И.Н. Золотухина[112], Г.М. Локшина[113], Д.В. Мосякова[114] и других.

В четвертой группе в качестве предмета исследования выступает Индонезия, ее внешняя и внутренняя политика. В рамках первой подгруппы исследований представлены труды по вопросам внешней политики Индонезии, ее формирования и приоритетам как в региональном, и глобальном измерениях. К данной подгруппе относятся труды таких зарубежных авторов, как А. Альмутаки[115], Г. Фэли[116] А. Элизабет[117], В. Шекхар[118], Р. Сукма[119], Д. Веверби[120], Д.Ф. Анвар[121], Д. МакРей[122] и другие.

---

[107] Indraswari, R. ASEAN centrality: Comparative case study of Indonesia leadership / R. Indraswari. // Journal of ASEAN Studies. — 2022. — Vol. 10, No. 1. —P. 1−19.

[108] Wu, C.H. ASEAN at the Crossroads: Trap and Track between CPTPP and RCEP / C.H. Wu. // Journal of International Economic Law. — 2020. — Vol. 23, No 1. — P. 97–117.

[109] Koldunova, E. Which “ASEAN Way” Forward? Southeast Asian Perspectives on Peace and Institutions / E. Koldunova // The Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace / A. Kulnazarova, V. Popovski (eds). — Cham: Palgrave Macmillan, 2019. — P. 347-366.

[110] Афонасьева, А. В. Зарубежные китайцы в ЮВА и их роль в развитии морского шелкового пути XXI века / А. В. Афонасьева // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 12(725). – С. 54-60.

[111] Зеленева И.В. «Малаккская диллема» и региональная безопасность в Юго-Восточной Азии / И.В. Зеленева. // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 1. – С. 16-20.

[112] Золотухин И.Н. Морское пиратство в Юго-Восточной Азии: региональное измерение проблемы / И.Н. Золотухин. // Ойкумена. – 2016. – №4. – С. 140-157.

[113] Локшин Г. М. Кодекс поведения в Южно-Китайском море - иллюзия или отвлекающий маневр? / Г.М. Локшин/ // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – №34. – С. 40-60.

[114] Мосяков Д.В. Решение арбитражного суда в Гааге: реакция России и мирового сообщества / Д.В. Мосяков/ // Азия и Африка сегодня. — 2016. — №32. — С. 5-10.

[115] Almuttaqi, A. Jokowi's Indonesia and the World. Jakarta / A. Almuttaqi. — Singapore: The Habibie Center, 2020. – 188 p.

[116] Fealy, G. Islam in Australia-Indonesia Relations: Fear, Stereotypes and Opportunity / G. Fealy // Strangers Next Door? Indonesia and Australia in the Asian Century / Ed. by Lindsey, T., McRae, D. Portland. — Hart: Hart Publishing, 2018. — P. 149—168.

[117] Elisabeth, A. Grand design kebijakan luar negeri Indonesia, 2015-2025 / A. Elisabeth. — Jakarta: Yayasan Pustaka Obor Indonesia, 2016. – 96 p.

[118] Shekhar, V. Indonesia’s Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century Rise of an Indo-Pacific Power / V. Shekhar. — Washington: Routledge, 2018. —266 p.

[119] Sukma, R. Islam in Indonesian Foreign Policy / R. Sukma. —New York: Routledge, 2003. — 192 p.

[120] Weatherbee, D. Understanding Jokowi's foreign policy / D. Weatherbee. — Singapore: ISEAS Publishing, 2016 — 71 p.

[121] Anwar, D. F. Values in Indonesian Foreign Policy: Independent and Active Doctrine / D. Anwar // Values in Foreign Policy: Investigating Ideals and Interests / J. Mayall, K. Srinivasan, S. Pulipaka. — Lanham: Rowman & Littlefield International, 2019 — P. 175-193.

[122] McRae, D. Indonesia’s South China Sea Diplomacy: A Foreign Policy Illiberal Turn? / D. McRae. // Journal of Contemporary Asia. — 2019. — Vol. 49 No. 5. — P. 759-779.

В российской литературе данный вопрос также глубоко проанализирован. В частности, работы В.В. Вершининой[123], Л.М. Ефимовой[124], М.В. Кирчанова[125], Н.С. Куклина[126], Н.П. Малетина[127], О.Л. Петровой[128], Н.И. Хохловой[129], М.Н. Гусева и А.С. Илюточкина[130] раскрывают особенности внешней политики Индонезии, а также факторы, которые влияют в процессе ее формирования.

Другим направлением в рамках представленной группы – это объективный анализ роли и места Индонезии в региональных процессах и во взаимоотношениях с другими акторами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Среди зарубежных авторов приводятся работы Д. Веверби[131], Л. Синага[132], Д.Ф. Анвар[133], К. Раншоу[134], П. Раттанасеви[135], М. Бисона[136], С. Замрони[137], Д. Эммерсона[138].

---

[123] Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов / В.В. Вершинина // Сравнительная политика. — 2020. — № 3. — С. 25-40.

[124] Ефимова Л.М. Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо / Л.М. Ефимова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2016. – 32-33. — С. 55-69.

[125] Кирчанов М. В. Политический ислам в Индонезии в 2021 г.: умма между модернизацией и радикализацией / М.В. Кирчанов. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2022. – № 55. – С. 112 —124.

[126] Куклин Н.С. Влияние религиозно-политических факторов на внешнюю политику Индонезии в период президентства Джоко Видодо / Н.С. Куклин. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. – №2. – С.103—112.

[127] Малетин, Н. П. Индонезийско-китайские отношения при Джоко Видодо 2014-2021 гг / Н. П. Малетин, Н. И. Хохлова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2021. – Т. 1, № 1(50). – С. 82-113.

[128] Петрова О. Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений / О. Л. Петрова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 35. – С. 131-146.

[129] Хохлова Н. И. Эволюция внешнеполитического курса Индонезии при Джоко Видодо / Н. И. Хохлова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 37. – С. 70-81.

[130] Гусев М.Н., Илюточкин А.С. Индонезия стремится повысить свою роль в мусульманском мире. — Текст: электронный / М.Н. Гусев, А.С. Илюточкин // Институт Ближнего Востока. 17 апреля 2017. — URL: http://www.iimes.ru/?p=34095 (дата обращения: 01.05.2024).

[131] Weatherbee, D. Indonesia in ASEAN Vision and Reality / D. Weatherbee. — Singapore: ISEAS Publishing, 2013. — 109 p.

[132] Six Decades of Indonesia-China Relations. An Indonesian Perspective / Ed. L.C. Sinaga. — Jakarta: Springer, 2016. — 96 p.

[133] Anwar, D.F. Indonesia and the ASEAN outlook on the Indo-Pacific / D.F. Anwar. // International Affairs, 2020. — Vol. 96, No. 1. — P. 111-129.

[134] Ranshaw, C. Indonesia, Australia and ASEAN / C. Ranshaw // Strangers Next Door? Indonesia and Australia in the Asian Century / Ed. by Lindsey, T., McRae, D. Portland. — Hart: Hart Publishing, 2018. — P.169-192.

[135] Rattanasevee, P. Leadership in ASEAN: The Role of Indonesia Reconsidered / P. Rattanasevee. // Asian Journal of Political Science. — 2014. — Vol. 22 No. 2. — P. 113-127.

[136] Unlikely allies? Australia, Indonesia and the strategic cultures of middle powers / M. Beeson, M Bloomfield, A Wicaksana. // Asia & the Pacific Policy Studies. — 2021. — Vol. 17, No. 2. — P. 185.

[137] Zamroni, S. Indonesia in the G20: Benefits And Challenges Amidst National Interests and Priorities / S. Zamroni. // G20 - Perceptions and Perspectives for Global Governance / W. Hofmeister. — Singapore: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2010. — P. 95-109.

[138] Emmerson, D.K. Invisible Indonesia? — Текст: электронный // Foreign Affairs. 1 December 1987. — URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1987-12-01/invisible-indonesia (дата обращения: 01.05.2024).

В российской литературе это Е.А. Канаев[139], Н.П. Малетин[140], Н.И. Хохлова[141], Н.С. Куклин[142] и другие.

Тем не менее, вышеуказанные исследования не в полной мере исследуют проблематику индонезийского влияния на процессы регионализации в Юго-Восточной Азии, фокусируясь на частных случаях или аспектах во внешней, внутренней политике Индонезии или внешней среды, в которой ей приходится отстаивать свои интересы. Данное диссертационное исследование представляет системный анализа факторов, позволяющих составить представление о роли и месте Индонезии в современных процессах регионализации с учетом актуальных тенденции в региональных процессах в Юго-Восточной Азии.

Научная новизна диссертационного исследования обуславливается системным подходом к рассмотрению вопроса о структурно-функциональных особенностях Индонезии в трансформирующихся региональных подсистемах. С учетом всех политических, экономических и этносоциальных факторов исследование объективно определяет национальные интересы индонезийской внешней политики, в частности, в ее региональном измерении. Большинство опубликованных исследований по теме региональной политики Индонезии концентрируются на одном или нескольких факторах в политической системе Индонезии, на основе которых приходят к выводам о тех или иных аспектах ее внешней политики, зачастую лишь фрагментарно учитывая региональный контекст и среду, в которой те или иные решения были приняты. В других случаях существующая исследовательская литература предлагает выводы о национальных интересах Индонезии, исходя из посыла о том, что они целиком

---

[139] Russian-Indonesian Cooperation: Past, Present and Development Prospects (Collective Monograph) / Ed. by E. Astafieva, E. Kanaev. — IOS RAS: Moscow, 2020. – 250 p.

[140] Малетин Н. П. Индонезия в АСЕАН: от первой среди равных к равной среди равных? / Н.П. Малетин/ // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. – № 4 (45). – С. 178-186.

[141] Хохлова Н.И. Участие Индонезии в Организации исламского сотрудничества в контексте общей внешнеполитической линии страны: 1990-2012 гг. / Н. И. Хохлова. // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 2(27). – С. 11-17.

[142] Куклин Н.С. Председательство Индонезии в G20: новая заявка на глобальное лидерство. — Текст: электронный / Н.С. Куклин // РСМД. 10 марта 2022. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/predsedatelstvo-indonezii-v-g20-novaya-zayavka-na-globalnoe-liderstvo/ (дата обращения: 01.05.2024).

сформированы как реакция на международную среду, в которой Индонезия выбирает наиболее выгодные для нее решения.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в выявлении роли Индонезии в региональном строительстве в Юго-Восточной Азии, а также определении особенностей процессов регионализации в ЮВА на современном этапе с учетом специфики индонезийского внешнеполитического курса.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что отдельные результаты диссертационного исследования могут быть использованы в разработке специальных курсов по направлениям подготовки «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Востоковедение» и учебных пособий по внешней политике Индонезии и при проведении последующих научных исследований по заявленной проблематике.

Выводы диссертационного исследования могут представлять интерес для организаций и ведомств, осуществляющих свою деятельность в Индонезии или сотрудничающих с международными организациями в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Восточной Азии.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Современные процессы регионализации становятся значимым фактором определения контуров будущего мирового порядка. Вместе с тем несмотря на детальные исследования данного феномена, ученые-регионоведы не пришли к единым теоретическим параметрам для описания процессов регионализации. Основной причиной данной неопределённости в оценках и детерминации переменных считаются существенные региональные различия в характере применения функциональной теории интеграции. Европоцентричное представление о регионализации как непрерывном процессе интеграции стран одного пространства с целью дальнейшей экономической и политической унификации невозможно экстраполировать на другие регионы, так как нельзя наблюдать схожие процессы, например, в Юго-Восточной Азии. Благодаря собственным механизмам обеспечения региональной безопасности в

Юго-Восточной Азии сформировался особый порядок по поддержанию региональной стабильности и развития. Региональный порядок такого вида имеет видимые слабости в вопросах консолидации внешней политики или разрешения серьезных узлов противоречий как внутри объединения, так и во взаимоотношениях с внерегиональными державами. Тем не менее, почти шестидесятилетняя история существования АСЕАН и в особенности реакция Ассоциации на вызовы последнего десятилетия (обострившийся конфликт в Южно-Китайском море, появлений макрорегиональных концепций Индо-Тихоокеанского региона и различных минилатеральных форматов), свидетельствует о том, что такой региональный порядок достаточно устойчив и может считаться полноценном примером функционального регионального сотрудничества.

2. В период с конца XX – начала XXI в. происходит постепенное укрепление позиций АСЕАН в качестве главной организационной структуры в Юго-Восточной Азии. Создается разветвленная система органов, которая охватывает все сферы жизнедеятельности в Юго-Восточной Азии и формирует представление о центральной роли АСЕАН в вопросах регионального развития. В начале 2000-х годов асеаноцентричность становится ключевой составляющей в политической и экономической жизни Юго-Восточной Азии, а также новым трендом в развитии макрорегионального пространства Восточной Азии. Таким образом, асеаноцентричность помимо собственного концептуального аппарата, выраженного в практической деятельности Ассоциации, приобретает многоуровневый характер распространения: в рамках Юго-Восточной Азии она представляется как безальтернативность АСЕАН в региональных процессах, а на макрорегиональном уровне намечается тенденция к смещению политического и экономического центра в сторону многосторонних площадок под эгидой АСЕАН.

3. Индонезия как крупнейшая страна в Юго-Восточной Азии может оказывать воздействие на деятельность АСЕАН и активно использует свое влияние для поддержания лидирующих позиций при обсуждении вопросов о будущем развитии Ассоциации. Индонезия проводит последовательную политику

по включению основных принципов своей внешней политики в деятельность АСЕАН в качестве универсальных для всего региона. Такие принципы, как антиколониализм, внеблоковый статус и нейтральность нашли своё отражение во всех программных документах АСЕАН. Тем не менее, за последние 10 лет произошли существенные сдвиги в региональной политике Индонезии. АСЕАН все чаще становится инструментом продвижения национальных интересов Индонезии, а не их составной частью. Индонезийское руководство все чаще заявляет о себе как о восходящей державе, претендующей на лидирующее место в глобальной системе международных отношений как региональная держава, что подрывает способность АСЕАН представлять интересы целого региона.

4. Противостояние Китая и Соединенных Штатов Америки стало отправной точкой для структурных трансформаций регионального порядка в Юго-Восточной Азии в 2010-х гг. Следствиями данных процессов стало усиление противоречий в АСЕАН, а также обострение конфликта в Южно-Китайском море. В новых условиях Индонезия, которая определяла себя как один из гарантов региональной безопасности, стремилась сохранить хрупкий баланс в отношениях с США и Китаем, создавая систему сдержек и противовесов как в рамках двусторонних отношений, так и вопросах регионального развития, с ключевой ролью АСЕАН. Этот подход на протяжении долго времени позволял АСЕАН и Индонезии сохранять равноудаленные партнерские отношения с противоборствующими сторонами в Восточной Азии и соблюдать принципы нейтралитета. Несмотря на это, новые переменные, в частности, концептуальное представление об Индо-Тихоокеанского регионе и связанные с этим новые форматы взаимодействия становятся причинами кризиса эффективности старых механизмов поддерживания стабильности асеаноцентричного регионального порядка. Индонезия вынуждена адаптироваться и искать новые пути обеспечения национальной и региональной безопасности, в том числе за счет повышения своей значимости в мировой системе международных отношений в ущерб сложившимся асеаноцентричным механизмам урегулирования противоречий в Юго-Восточной Азии и Восточной Азии в целом.

5. Процессы макрорегионализации влияют на региональный порядок в Юго-Восточной Азии. Одним из наиболее значимых в данных процессах событием стало активное продвижение дискурса о дополнении к уже существующим макрорегионам Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанскому региону нового пространства – Индо-Тихоокеанского региона. Сопутствующим данному событию процессом стало формирование соответствующей инфраструктуры и организационной основы в виде целого ряда региональных форматов различной направленности, которые дублируют деятельность профильных органов и площадок АСЕАН, что вызывает дискуссии о «размывании» асеаноцентричности в Юго-Восточной Азии. На этом фоне Индонезия проводит активную политику по адаптации к изменяющейся среде, пытаясь дискурсивно включить новые региональные форматы в асеаноцентричную систему или занять в них ключевую роль. Такая двойственная политика по продвижению своих национальных интересов ставит под сомнение центральную роль и безальтернативность АСЕАН для Юго-Восточной Азии. Индонезия в современных процессах регионализации стремится занять более высокое место в рамках макрорегиональной системы Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанского региона или Индо-Тихоокеанского региона за счет политики, свойственной многим азиатским державам среднего уровня, когда главными механизмом продвижения своей страны выступают различные глобальные и региональные организации. Отсутствие у Индонезии четкой и последовательной позиции по сохранению асеаноцентричного регионального порядка в случае, если это вредит национальным интересам Индонезии, ставит под угрозу как центральную роль АСЕАН в Юго-Восточной Азии, так и роль Индонезии в качестве регионального лидера и проводника его интересов в долгосрочной перспективе в новых макрорегиональных форматах.

Структура работы.

Диссертационное исследование включает в себя введение, основную часть и заключение. Основная часть состоит из трех глав, которая в соответствии с логикой анализа разделена на тематические параграфы.

Во **Введении** обосновывается актуальность представленного исследования, освещается степень разработанности проблемы, определяются теоретические и методологические основы работы, формулируются цели и задачи исследования, выводится его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указываются положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1** «Феномен регионализации в современных международных отношениях и его специфика в Юго-Восточной Азии» определяются концептуальные рамки исследования. В **параграфе 1.1.** «Теоретические основы и эволюция региональных исследований: отечественные и зарубежные подходы» анализируется история региональных исследований, теоретические основы концепции регионализма и регионализации в качестве одного из направлений развития регионализма. Отдельное внимание уделяется и российской школе региональных исследований. В **параграфе 1.2.** «Концептуальные оценки феномена регионализации» анализируются основные трудности в определении единой терминологии при описании концептуальных особенностей регионализации, различия и взаимосвязь между процессами регионализации и глобализации, а также обособление данного феномена как значимого предмета исследования в рамках изучения региональных процессов. Отдельное внимание уделяется развитию концепции регионализации и связанных с ней новых направлений исследования, в частности, концепции трансрегионализации и макрорегионализации. В **параграфе 1.3.** «Особенности процессов регионализации в Юго-Восточной Азии: эволюция и современное состояние» приводятся особенности азиатского регионализма и восточноазиатской регионализации, которые опровергают тезис об однородности процессов интеграции в мире. Вместе с тем анализируется феномен регионализации Юго-Восточной Азии как уникальный пример межгосударственного взаимодействия в рамках одного географического пространства, вобравший в себя как черты азиатского представления о регионализации, так и создавший свои отличительные механизмы и институты поддержания устойчивости региона.

В **Главе 2** «Асеаноцентричный региональный порядок в Юго-Восточной Азии и роль Индонезии» проанализировано становление асеаноцентричной системы отношений в Юго-Восточной Азии, ее свойств, механизмов управления и регулирования, а также роль и место Индонезии в ней. В **параграфе 2.1.** «Асеаноцентричный региональный порядок в Юго-Восточной Азии: формирование, свойства, механизмы регулирования» подробно рассматривается формирование центральной роли АСЕАН в Юго-Восточной Азии посредством постепенной консолидации региональной повестки за счет включения всех стран региона, а также создания механизмов и институтов, позволяющих сформировать систему безопасности и стабильного развития. Одновременно с этим рассматривается феномен расширения концепции асеаноцентричности в макрорегиональном масштабе, когда асеаноцентричные площадки играют все большую роль в развитии всего восточноазиатского региона и тем самым снижают влияние внешней среды на региональные процессы в Юго-Восточной Азии. **Параграф 2.2.** «Роль Индонезии в асеаноцентричном региональном порядке» посвящен анализу функциональной роли Индонезии в рамках сложившегося асеаноцентричного порядка. Отмечается системообразующая роль Индонезии в Юго-Восточной Азии, которая обеспечивается ее участием в формировании программных документов, институтов и принципов организации АСЕАН. В то же время в рамках системы отношений в Юго-Восточной Азии Индонезия выполняет функции гаранта стабильности и безопасности региона, которые она обеспечивает за счет своей активной политики по взаимодействию с великими державами по вопросам регионального развития. Тем не менее, в рамках анализа приводятся факты, свидетельствующие об изменениях во внешней политике Индонезии и пересмотре своего отношения к АСЕАН как безальтернативной площадки для продвижения национальных интересов.

В **Главе 3** «Индонезия в процессах регионализации и макрорегионализации в Азии на современном этапе» проведен анализ функциональной роли Индонезии в региональных процессах на современном этапе с учетом высокой динамики трансформации Юго-Восточной Азии под влиянием внешних факторов. В

параграфе 3.1. «Усиление противоречий ведущих держав в Юго-Восточной Азии: последствия для АСЕАН и Индонезии» анализируются последствия усиления противостояния великих держав для текущего регионального порядка в Юго-Восточной Азии, а также позиция Индонезии. Отмечается, что АСЕАН стремится сохранить центральную роль своих институтов в вопросах, представляющих экзистенциальную важность как для Ассоциации, так и для региональной безопасности. Индонезия на этом фоне стремится в первую очередь сохранить хрупкий баланс, чтобы избежать превращения региона в поле противостояния с участием стран АСЕАН посредством активного сотрудничества со всеми великими державами и активизации посреднической деятельности в регионе. В **параграфе 3.2.** «Альтернативные проекты организации регионального и макрорегионального пространства: подходы АСЕАН и Индонезии» оценивается влияние новых альтернативных АСЕАН проектов интеграции Юго-Восточной Азии. Основной особенностью данных форматов является их макрорегиональный масштаб. Одновременно с этим проводится сравнение позиций АСЕАН и Индонезии по набору изменений в региональных процессах, а также их политика по определению своей роли и места в новых формирующихся макрорегиональных структурах.

В **Заключении** диссертации обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются основные выводы, определяются изменения в региональной политике Индонезии и их последствия на процессы регионализации в Юго-Восточной Азии.

Библиография включает в себя список источников и литературы.

Апробация

Основные результаты и выводы исследования отражены в научных журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Каблуков К. С. Президентские выборы и проблемы демократии в Индонезии / К. С. Каблуков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 2(24). – С. 189-201.

2. Каблуков К. С. Региональная политика Индонезии в фокусе национальных исследовательских школ: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 406–417. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-406-417.

3. Каблуков К. С. Сравнительный анализ походов QUAD и АСЕАН к обеспечению безопасности в АТР / К. С. Каблуков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2022. – Т. 1, № 1(54). – С. 53-65.

4. Гомбоин З.Э., Каблуков К. С. Диалоговое партнерство Россия-АСЕАН в области цифровизации: состояние и перспективы / З.Э. Гомбоин, К. С. Каблуков // Международная жизнь. – 2024. – № 5. – С. 20-29.

Определенные теоретические выводы и предложения, а также отдельные тематические блоки были изложены в ходе научных конференций, таких как: Международная научная студенческая конференция «Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития» (2019 г., Дипломатическая академия МИД России), «Международный молодежный научный Форум «Ломоносов-2021» (12-23 апреля 2021 г., МГУ), Российская научно-практическая конференция молодых ученых «Осмысляя Восток» (17 мая 2019 г., г. Москва, Институт Востоковедения РАН), Конференция МГИМО «Сепаратизм в странах Азии и Африки» (12 октября 2019 г.), V Международная научно-практическая конференция Трансформация международных отношений в XXI веке: Вызовы и Перспективы (29 апреля 2019 г., Дипломатическая академия МИД России), Конференция «Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст», приуроченная к 5-летию стратегического партнерства России и АСЕАН (Конвент РАМИ, 12 - 14 октября 2023 г., г. Москва, МГИМО).

Глава 1. Феномен регионализации в современных международных отношениях и его специфика в Юго-Восточной Азии

Данная глава посвящена вопросам эволюции современных региональных исследований, основным теориям и концепциям, ставшим в последствии основой для рассмотрения феномена регионализации и его особенностей, а также теоретическим основам регионализма. Одновременно с этим рассматриваются причины возникновения концепции регионализации, ее свойства и отличия от регионализма. Отдельное внимание в главе уделяется отечественной школе региональных исследований – мировому комплексному регионоведению.

Вторая часть главы посвящена более детальному рассмотрению процессов регионализации в современных исследованиях международных отношений. Проводится сравнение процессов глобализации и регионализации, их различий в целях и методах, а также взаимосвязи в рамках современных процессов в мировой политике

В третьей части анализируется феномен регионализации в Азии, формирование в ходе данного процесса современного макрорегиона Восточная Азия, а также субрегиона Юго-Восточная Азия. Анализируются причины возникновения отличного от европоцентричного подхода к анализу интеграции и регионализации, а также причин возникновения макрорегиона Восточная Азия. Важным аспектом в данном анализе представляется частный случай регионализации в Юго-Восточной Азии, которая включает в себя как общие для всех интеграционных объедений свойства и динамику развития, но в то же время отличается уникальными механизмами регулирования вопросов региональной безопасности и развития. В то же время сравниваются интеграционные объединения Европы и Юго-Восточной Азии на примере Европейского союза (ЕС) и АСЕАН с целью подчеркнуть различия в практической реализации теоретических аспектов функциональной теории интеграции как одной из составляющей процессов регионализации.

1.1. Теоретические основы и эволюция региональных исследований: отечественные и зарубежные подходы

Современные исследователи, в частности, Ф. Содербаум, выделяют несколько этапов эволюции регионализма: «ранний», «старый», «новый» и «сравнительный»[143]. Представленные этапы в первую очередь отражают тенденции в процессах регионализации мирового политического и экономического пространств, которые происходили в XX в. Важно отметить, что процессы интеграции происходили и ранее, а по мнению некоторых исследователей, сопровождали человечество все время[144].

Ранние исследования региона, интеграционных и дезинтеграционных процессов, а также развитие связанных с этими процессами теорий и концепций разделяются на несколько направлений, которые сфокусированы на изучении истории формирования и распада больших империй и конфедеративных структур в Европе и Азии. К формам интеграции раннего периода Ф. Содербаум относит: торговые и таможенные союзы, колониальные империи, пандвижения[145]. Он также ссылается на исследование британского исследователя А. Уотсона, в котором подробно анализируется концепция «международных сообществ», и приходит к выводу, что формированию устойчивых региональных объединений способствовало установление Вестфальской системы, состоящей из суверенных национальных государств[146]. Кроме того, Вестфальская система утверждала классификацию стран в соответствии с их статусом, а также вводила систему сдержек и противовесов регионального уровня, называемую в политологической литературе балансом сил. Впоследствии представленные термины стали

---

[143] Söderbaum, F. Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field / F. Söderbaum. // KFG Working Paper. — 2015. – № 64.– P. 5.

[144] Marchand, M.H. The Weave-World: The Regional Interweaving of Economies, Ideas and Identities / M.H. Marchand, T.M. Shaw. // Theories of New Regionalism. International Political Economy Series. – London: Palgrave Macmillan, 2003. —P. 197-210.

[145] Söderbaum, F. Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field / F. Söderbaum. // KFG Working Paper. — 2015. – № 64.– P. 5.

[146] Harrison, Reginald J The Evolution of International Society. A Comparative, Historical Analysis / Reginald J. Harrison. — London: Allen & Unwin, 1974. – P. 186-189.

основополагающими в теории международных отношений и регионоведении в частности.

Вторая мировая война и распад колониальных империй стали причинами вакуума власти в Юго-Восточной Азии, Африке и Латинской Америке. Одновременно с этим стали разрабатываться первые концепции и представления о возможных преимуществах региональной интеграции для ускорения экономического восстановления после самой разрушительной войны в мировой истории[147]. Совокупность изложенных факторов поспособствовала развитию региональных исследований, а также практической реализации теоретико-концептуальных представлений о процессах региональной интеграции как в Европе, так и в остальном мире.

Одним из следствий повышенного интереса исследователей и политиков к теме региона и его развитию стало появление целого ряда теорий интеграции, целью которых было не только объяснить появление «формальных»[148] региональных объединений, но и разработать концептуальную основу регионализма и регионализации.

К ряду наиболее разработанных теорий регионализма и интеграции «старого» периода относится функционализм, неофункционализм, федерализм, теория коммуникаций и интерговернментализм. Важно отметить, что вышеперечисленные теории, причисляемые к периоду «старого» регионализма, возникали не одновременно, а как реакция на политические события в Европе и на недостатки актуальных теорий и концептов в вопросах создания устойчивых региональных объединений в Европе и мире в целом.

Федерализм, как утверждает Ф. Содербаум, представляет собой скорее политическую программу, чем теорию[149] (этим объясняется отсутствие

---

[147] Fawcett, L. The History and Concept of Regionalism / L. Fawcett. – Bruges: UNU Institute on Comparative Regional Integration Studies, 2013. – P. 7.
[148] Ibid. – P. 8.
[149] Söderbaum, F. Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field / F. Söderbaum. // KFG Working Paper. — 2015. – № 64.– P. 11.

академической школы федерализма[150]), которая в своей основе отвергает способность независимых национальных государств к созданию достаточно устойчивого и последовательного регионального объединения, также как и отвергает способность человека к сотрудничеству на добровольной основе[151]. Для эффективного управления такой структурой необходимо создать наднациональный орган с чрезвычайными полномочиями.

Несмотря на то, что федерализм оказал существенное влияние на современный облик региональных исследований, он не смог стать доминирующей теорией в объяснении региональных процессов. В последствии на первый план вышла функциональная теория, с развитием которой связана дальнейшая история развития европейской интеграции.

Согласно Д. Митрани, одному из главным европейских теоретиков интеграции, функциональная теория в отличии от федерализма отвергала возможность добровольной передачи государствами части своего суверенитета и создания наднационального органа без наличия для того необходимых условий. Более перспективным способом организации регионального порядка он считал структуру, которая будет формироваться за счет выполнения определенных функций, основанных на естественной потребности стран в данном перераспределении ответственности[152].

Развитием данных идей стала неофункциональная теория американского ученого Э. Хааса. В первую очередь, неофункционализм уточнял понятийный аппарат и сферы действия функциональной теории Д. Митрани[153]. Во-вторых, Э. Хаас расширял ее, вводя новый термин «эффект переливания» (spillover), когда региональная организация, углубляя интеграционные процессы в одной экономической сфере, неизбежно сталкивается с необходимостью распространить

---

[150] Harrison, Reginald J The Evolution of International Society. A Comparative, Historical Analysis / Reginald J. Harrison. — London: Allen & Unwin, 1974. – P. 256.
[151] Ibid. – P. 44.
[152] Mitrany, D. A Working Peace System: An Argument for the Functional Development of International Organization. / D. Mitrany. — London: The Royal Institute of International Affairs, 1943. – P. 19-31.
[153] Haas, Ernst B. Beyond the nation-state: functionalism and international organization. / Ernst B. Haas. — Stanford, CA: Stanford University Press, 1964. – P. 3-26.

интеграционные процессы на другие сферы экономики. Для подтверждения данного тезиса исследователи приводят в качестве примера ЕС, когда вслед за успешным опытом интеграции сектора угля и стали он распространился на сферу логистики обработки сырья, а затем и на всё экономическое сотрудничество в Западной Европе[154].

Другим направлением в развитии теорий интеграции стала межгосударственная теория регионализма (интерговернментализм). Так, профессор Гарвардского университета С. Хоффманн утверждал, что региональная интеграция совсем не обязательно должна эволюционировать из экономического сотрудничества в соглашения о единой и неделимой безопасности в регионе. Региональная интеграция происходит только до тех пор, пока ее цели совпадают с национальными интересами этих государств[155]. Схожее мнение высказывал американский ученый А. Моравчик, утверждая, что интеграция происходит лишь до тех пор, пора она отвечает интересам народов и государств, находящихся в этом региональном объединении, а сами эти структуры должны служить на благо государств-членов, а не наоборот. Такой подход был назван А. Моравчиком «рационалистическим»[156]. Важно отметить, что усиление роли национализма в региональных исследованиях стало реакцией на евроскептицизм 70-80-ых гг. XX в. и, в частности, действия французского правительства в этот период во главе с Шарлем де Голлем, отстаивающего позицию, что европейская интеграция должна принять форму «Европу отечеств»[157].

Отдельно можно выделить теорию коммуникаций, которая рассматривает причины и природу формирования региональных структур. Американские исследователи ставили перед собой задачу объяснить природу формирование трансатлантического союза безопасности на примере НАТО. Крупнейший

---

[154] Rosamond, B. Theories of European integration / B. Rosamond. — New York: St. Martin’s Press, 2000. – P. 60.
[155] Hoffmann, S. Obstinate or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe/ S. Hoffman. //Daedalus. — 1966. — Vol. 95, No. 3. — P. 909.
[156] Moravcsik, A. The choice for Europe: social purpose and state power from Messina to Maastricht / A. Moravcsik — New York: Cornell University Press, 1998. – P. 18-29.
[157] Атакишиева Д.Г., Наумова Н.Н. Эволюция интеграционной политики де Голля (середина 50-х - конец 60-х гг. XX в.) / Д.Г. Атакишиева, Н.Н. Наумова. // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 8. – С. 28 - С. 28 - 44.

исследователь в данной области К. Дойч видел потенциал развития интеграционных процессов не в создании наднациональных структур с передачей ей отдельных функций, а в создании условий, в которых создание сообщества безопасности между странами, разделяющих общие ценности, было бы логичным и естественным[158].

Таким образом, «старый» этап региональных исследований стал теоретической базой для всех последующих периодов в исследовании региональных процессов и организаций. Можно утверждать, что «новый» и «сравнительный» этапы во многом дополняли, расширяли, критиковали, но не заменяли существующие концепции регионализма и регионализации.

В контексте вышеуказанного утверждения необходимо привести слова одного из главных теоретиков «нового» периода, шведского исследователя Б. Хеттне, который приводит пять отличий «нового» периода региональных исследований от предыдущего:

1. «Старый» регионализм был сформирован в условиях биполярного противостояния. Неудивительно, что кардинальные изменения в регионах стали происходить на рубеже нового порядка международных отношений. Сложившийся вакуум в политическом управлении регионов в конце XX в. стали оперативно заполнять новые и действующие международные организации, как за счет включения в себя большинства стран географического региона, так и при помощи формирования для себя новых полномочий, включая наднациональные.

2. Региональная интеграция перестает быть сугубо элитарным и политически зависимым процессом. Происходит становление новой концепции в региональных исследованиях – «регионализации»: процесса всестороннего формирования региональных объединений как «сверху», так и «снизу».

3. Следствием глобализации мирового пространства, а также ослабления биполярного противостояния стало постепенное «открытие» регионов. Если ранее интеграционные процессы и региональные структуры были направлены на

[158] Deustsch, K.W. Political Community and the North Atlantic Area; International Organization in the Light of Historical Experience/ Karl W. Deutsch. — New Jersey: Princeton University Press, 1957. – P. 60.

укрепление позиций своего региона через гомогенизацию и протекционизм, то современная политика региональных объединений все больше была направлена на так называемый «открытый регионализм» – политику многостороннего сотрудничества со всеми игроками для получения наибольших экономических выгод от подобного сотрудничества.

4. Региональные организации перестают быть функционально ограниченными. Вместо сообществ безопасности и торговых объединений преференциального типа стали создаваться многоцелевые, если не универсальные организации, в повестку которых входят вопросы экологии, гуманитарного сотрудничества, социальной политики.

5. Видоизменяются субъекты регионального взаимодействия. Если ранее это были только государства, то в современном мире к ним присоединились политические организации, объединения и движения. Их активность стала все более заметной на всех уровнях глобальной системы международных отношений, в том числе и региональной.

В заключении Хеттне приходит к выводу, что, во-первых, все эти изменения тесно связаны с процессами глобализации, а во-вторых, в повестке дня современных региональных объединений стоят вопросы, выходящие далеко за рамки экономического сотрудничества[159].

Схожее видение изменений в региональных процессах и подходах к их исследованию выразил Ф. Содербаум. Он разделил все три этапа региональных исследований по следующим параметрам: «мировой порядок (контекст)»; «связь между национальным, региональным и глобальным уровнями управления»; «секторы, акторы и формы организации»; «онтология»; «эпистемология»; «методология»[160]. В работе Ф. Содербаума отметим последние три параметра. С онтологической, эпистемологической и методологической точек зрения можно

[159] Hettne, B. Globalization, the New Regionalism and East Asia: Selected Papers Delivered at the United Nations University — Текст: электронный // United Nations University. — URL: https://archive.unu.edu/unupress/globalism.html (дата обращения: 01.05.2024).
[160] Söderbaum, F. Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field / F. Söderbaum. // KFG Working Paper. — 2015. – № 64.– P. 23.

выделить основную особенность, которая и переводит исследования на качественно новый этап – переход к плюралистическому подходу в изучении региональных исследований. Данный подход критикует универсализм и догматизм в изучении региональных объединений во всем мире, который привел к противоречиям в определении основных понятий (регион, регионализм, интеграция), методологии и эпистемологии региональных исследований[161]. Например, происходит переплетение новых теорий международных отношений (социальный конструктивизм, неомарксизм и критическая теория) с теориями интеграции. Целью такого синтеза было отражение текущей действительности и изменений, когда конвенциональные теории регионализма и интеграции не способны описать происходящие события и тем более предсказать дальнейший вектор развития региональных процессов в мире, поэтому обращение к новым подходам должно помочь объяснить недоступные ранее политические и социальные аспекты трансформации регионов в мире[162]. Результатом данного синтеза стала критика предубеждения о естественных ограничениях региона в его географических или этнографических границах. Ряд исследователей в 90-ых гг. XX в. пришли к выводу, что не существует «естественных регионов, они создаются, перестраиваются и упраздняются»[163].

«Новый» этап в региональных исследованиях стал в том числе одним из следствий распада биполярной системы в международных отношениях. В процессе формирования нового миропорядка стали выделяться два взаимосвязанных процесса: глобализация и регионализация. Эти процессы побудили ученых к дискуссии о возможном размытии границ региона, и самое главное – к критике универсализма в региональных исследованиях, который основывался на установлении европейского пути в качестве

[161] Ibid. — P. 23.
[162] Ibid. — P. 17.
[163] Neumann, I. B. A Region-Building Approach to Northern Europe / I. B. Neumann. // Review of International Studies. — 1994. — Vol. 20, No. 1. — P. 53-74.; Söderbaum, F. The Political Economy of Regionalism: The Case of Southern Africa / F. Söderbaum, — New York: Palgrave Macmillan, 2004. – 251 p.; Hettne, B. Beyond the “New Regionalism.” / B. Hettne. // New Political Economy. — 2005. — Vol. 10, No. 4. — P. 543–571.; Acharya, A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? / A. Acharya. // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. — 2012. — Vol. 47 No. 1. — P. 3—15.

безальтернативного[164]. В результате упомянутых дискуссий появился «новый региональный подход» (New regional approach) Ф. Содербаума, «конструирование регионов» (Region building) И. Нойманна и «мир регионов» (World of regions) в представлении П. Катценштейна[165], а также множество других концептов от исследователей со всего мира, которые в своем разнообразии сходились в едином мнении, что появилось целая плеяда теоретико-концептуальных представлений о регионе, выходящих за рамки «нового» регионализма[166]. Все это стало базой для современного этапа региональных исследований, который называется в литературе «сравнительным».

Исследователи, относящиеся к данному периоду, выделяют три основных исследовательских вопроса: концептуальный (проблема терминологии), теоретический (проблема выбора теоретической базы) и методологический[167].

Концептуальный вопрос или проблема терминологии занимает ключевое место в «сравнительных» региональных исследованиях. Различие в теоретических подходах к оценке региональных процессов выразилось в отсутствии единой позиции по ключевым терминам в данной области, таким как регион, регионализация, регионализм, региональная интеграция и так далее. Вместе с тем в оборот вводится все больше новых уточняющих или дополняющих терминов: макрорегионализация, трансрегионализм, глобальный/ функциональный регион и другие, что еще больше запутывает и без того перегруженную терминологией дисциплину и ограничивает возможности по созданию единой и системной теории регионализации.

Теоретический вопрос заключается в том, какие аспекты и положения концепции регионализации и регионализма, а также теории интеграции могут

---

[164] Севастьянов С.В. «Новый регионализм» Восточной Азии: теоретические и практические аспекты. / С.В. Севастьянов. // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 4. – С. 111-122.

[165] Katzenstein, P.J. Regionalism in Comparative Perspective / P.J. Katzenstein. // Cooperation and Conflict. — 1996. — Vol. 31, No. 2. — P. 123-159.

[166] The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / Ed. Tanja A. Börzel, T. Risse. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — P.30.

[167] Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов / М.Л. Лагутина, Е.Б. Михайленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. № 2. – С. 266.

быть применимы к тому или иному региону. Практика показала, что большинство теоретических аспектов регионализма и интеграции, за основу которых бралась европейская модель, плохо экстраполируются на опыт регионализации в других регионах. Возникает вопрос о применимости теории к тому или иному «кейсу» и отдаленности европоцентричных теорий от реалий современных региональных процессов в мире[168].

Методология исследования регионализма, отходя от европейского универсализма, все больше принимает сравнительный характер. Основными методами исследования современных регионов, по мнению группы ученых во главе с Ф. де Ломбарде[169], являются изучение одного региона с помощью качественных методов для определения причин и следствий региональной интеграции или сравнение нескольких «кейсов» региональной интеграции с помощью количественных методов. Важно отметить, что каждый из методов имеет свои недостатки, поэтому исследователи приходят к выводу, что более точный результат можно получить при одновременном использовании двух представленных методов исследования[170].

Таким образом, новый этап исследований региональных процессов остается динамичным в части своих концептуальных, теоретических и методологических основ. Современным исследователям региона приходится самим определять, какую из парадигм использовать для анализа или сравнения региона.

Вместе с тем, «сравнительный» регионализм качественно отличается от «нового». Во-первых, в сравнительных региональных исследованиях смещен фокус на изучение кейсов неевропейских региональных структур и объединений, что стало причиной обозначения «сравнительных» исследований как

---

[168] Acharya, A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? / A. Acharya. // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. — 2012. — Vol. 47 No. 1. — P. 13.
[169] Lombaerde, P. The problem of comparison in comparative regionalism / P. Lombaerde, F. Söderbaum, L. Van Langenhove, L., F. Baert. // Review of International Studies. — 2010. — Vol. 36, No. 3. — P. 731-753.
[170] Ibid. — P. 744.

«не-европейских»[171]. Во-вторых, результатом многолетней разработки как собственных теорий интеграции и концепций регионализации, так и включения в них выводов из самых передовых теорий международных отношений, стало придание современным региональным исследованиям эклектичного и междисциплинарного характера, который использует опыт множества региональных теоретических школ и формирует сложную систему региональных исследований с уникальной теоретико-концептуальной базой, методологией и выводами.

Частным примером страновой теоретической школы в области исследования региона относятся труды российских специалистов. Учитывая, что полноценные исследования стали возможны лишь с начала 90-ых гг. XX в., российские исследователи включились в работу на раннем этапе «сравнительных» исследований, где достигли определенных успехов, создав школу комплексного регионоведения, в основе которой лежит использование системного подхода к анализу региона[172].

Российская школа комплексного регионоведения в форме наиболее исследовательски разработанного варианта мирового комплексного регионоведения МГИМО МИД России начала своё развитие с изучения феноменов региональных подсистем в международных отношениях. Используя в качестве методологической основы системный подход, российские ученые исследовали незападные общества, которые с момента распада биполярной системы международных отношений подверглись активным процессам регионализации.

Развитие научной дисциплины "мировое комплексное регионоведение" началось сразу после распада СССР в 1990-е гг. как ответ на кризис классического страноведения-регионоведения. «Старые» региональные

---

[171] Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов / М.Л. Лагутина, Е.Б. Михайленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. № 2. — С. 265.

[172] Voskressenski, A. D. Non-western theories of international relations: Conceptualizing world regional studies / A. D. Voskressenski. — Cham: Springer International Publishing, 2016. – P. 123.

исследования, несмотря на всю полноту данных и разнообразие методов, носили описательных характер, в то время как современные реалии требовали от исследователей объяснять и предсказывать явления в новом формирующемся мире.

Мировое комплексное регионоведение заполняют пробел в российских исследованиях международных отношений, где, по мнению, П. Цыганкова отсутствуют проработанные теории «среднего уровня»[173]. Мировое комплексное регионоведение использует гибкий методологический инструментарий для анализа мировых процессов, на основе как западных, так и незападных наработок.

Вторым ключевым фактором, способствовавшим развитию мирового комплексного регионоведения, стала политическая и экономическая неопределенность, явившаяся в результате идеологического противостояния второй половины XX века. Новые международные игроки (Китай, Индия) стали драйверами формирования полицентричной структуры международных экономических отношений и представили миру альтернативные концепции регионального и глобального взаимодействия. Россия в данном процессе не стала исключением.

Мировое комплексное регионоведение пошло по пути решения проблемы с поиском российского исследовательского подхода, который имеет потенциал объяснять и предсказывать современные международные процессы на основе собственных достижений в области сравнительной политологии, международных отношениях и страноведении.

Цель комплексных регионоведческих исследований компаративистского типа, основанных на методологии сравнительно-политологического анализа, состоит в том, чтобы проанализировать исторические события сквозь призму комплексных подходов анализа социально-экономических и культурно-

[173] Российская наука международных отношений : новые направления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. – М. : ПЕР СЭ, 2005. – С. 374.

политических пространств в области формирования, функционирования и развития мирополитических отношений[174].

Специфика мирового комплексного регионоведения заключается в том, что, во-первых, регион рассматривается в рамках категорий «пространство-время»[175], а не в рамках обособленной территории в классическом регионоведении и страноведении. Во-вторых, вводятся понятия «региональный уровень», «региональный порядок», «региональная подсистема», «региональный комплекс» и «глобальный регион», который расширяет первоначальное понятие о «регионе», уточняя, что как часть мирового трансрегионального пространства, границы новых «регионов» не всегда и необязательно географически обоснованы.

Таким образом, мировое комплексное регионоведение / зарубежное регионоведение — это научная дисциплина, которая использует в своей основе, но не ограничивается методами сравнительного-политического и сравнительно-экономического анализа мирового пространства (которое одновременно взаимно связано и сегментировано по различным критериям) для выявления различных типов взаимосвязей между его сегментами. Целью мирового комплексного регионоведения является определение особенностей конфигурации и управления данного пространства, а также прогнозирование направления развития. Это позволяет наиболее точно проанализировать и изучить закономерностей формирования и функционирования политико-экономической системы регионов мира с учетом их исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений[176].

История развития региональных исследований прошла долгий путь становления как отдельной теории международных отношений. Целый ряд

---

[174] Мировое комплексное регионоведение: учебник/ А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, С.И. Лунев, А.А. Киреева. —М.: Магистр, 2020. — С 70.
[175] Там же. — С. 129.
[176] Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаезированной) теории международных отношений / А.Д. Воскресенский. // Полис. – 2013. – №6. – С. 82-96.

теоретических направлений в области регионализма и интеграции стали прочной основой для дальнейшего развития всей науки регионоведения. С течением дальнейшего развития региональных исследований на фоне изменений в системе международных отношений постепенно был сформирован современный облик регионоведения. Новые теории и формы анализа международных процессов были использованы для уточнения или критики существующих концептов, а также поставили под сомнение безальтернативность европоцентричной модели интеграции как модели развития региона. Целый ряд страновых теоретических школ, в том числе и российской, с разными концептуальными и методологическими основами используют достижения как своих коллег по региональным исследованиям, так и последние наработки в области теории международных отношений, а также качественные и количественные методы анализа региона для наиболее объективного анализа процессов регионализации.

1.2. Концептуальные оценки феномена регионализации

При дальнейшем изучении концепции регионализации и ее особенностей необходимо, с одной стороны, иметь четкое представление о регионализации как феномене в международных отношениях, а также отделить понятие регионализации от регионализма, который хоть и непосредственно связан с регионализацией, но формирует отдельный набор теоретических и концептуальных наработок в рамках региональных исследований.

Концептуальное видение регионализации, как уже было отмечено ранее, появилось в переходный период исследований региональных процессов, в частности, европейской интеграции, а также международных отношений как научной дисциплины в целом. Предпосылки формирования данного процесса обусловлены процессами децентрализации международных отношений в руках государств и все большим усилением роли негосударственных акторов в международных отношениях.

Тем не менее, научное сообщество еще не пришло к общему мнению относительно параметров регионализации. Так, отечественные исследователи выделяют три наиболее популярных определения регионализации:

– возрождение/подъем региональных держав и региональных порядков;

– формирование региональных интеграционных группировок;

– политическая мотивы и воля к регионализации и регионализм[177].

Западные исследователи придерживаются несколько другого мнения, смещая акцент на действия негосударственных акторов, утверждая, что, регионализация — это процессы усиления экономических, политических, социальных или культурных взаимодействий между географически или культурно смежными государствами и обществами, подчеркивая при этом особую роль отношений между негосударственными субъектами, такими как корпорации, группы интересов и неправительственные организации (НПО)[178]. Исследователи отмечают роль НПО не просто в качестве движущих сил регионального строительства, но и непосредственно участвующих в создании различных региональных структур.

Однако современные зарубежные исследователи все больше склоняются к разделению двух понятий и определяют «регионализм» как совокупность идей, ценностей и конкретных целей, направленных на реорганизацию какого-либо регионального пространства. В то же время как «регионализация» — это процесс в сторону расширения сотрудничества, интеграции, конвергенции, комплементарности и идентификации в различных областях, таких как культура, безопасность, экономическое развитие и политика, в рамках соответствующего географического пространства»[179].

Для подтверждения указанного тезиса можно привести в пример сравнение процессов регионализации и ее проявления в виде интеграции Юго-Восточной Азии и Европы. Основными «драйверами» регионализации в двух регионах выделяются Европейский Союз и АСЕАН, так как обе эти структуры по

---

[177] Мировое комплексное регионоведение: учебник/ А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, С.И. Лунев, А.А. Киреева. —М.: Магистр, 2020. — С. 179.

[178] Beeson M. Routledge Handbook of Asian Regionalism / M. Beeson. — New York: Routledge, 2011. – P.8.

[179] Regionalization in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes. / M. Schulz, F. Söderbaum, J. Öjendal. — Zed Books Limited: New York, 2001. – P.5.; Dent, C.M. East Asian Regionalism / C.M. Dent — New York: Routledge, 2008. – P. 7.

прошествии нескольких десятилетий прошли множество этапов развития и смогли сохранить приверженность к укреплению интеграции.

О.В. Буторина в своем исследовании процессов интеграции выделяет пять основных признаков любого интеграционного объединения[180].Во-первых, интеграция порождает новые качества, которые невозможно достигнуть странам индивидуально. Для ЕС таковыми стали создание единой европейской валюты и создание Шенгенской Зоны, а для АСЕАН это выразилось в формировании Зоны мира и нейтралитета и безъядерной зоны на территории всей Юго-Восточной Азии[181].

Во-вторых, интеграционная группировка обосабливается от остального мира и выделяется на фоне других стран и объединений. ЕС это сделал на ценностном (Лиссабонский договор констатировал следование стран Союза «европейским ценностям»)[182], экономическом (либерализация торговли) и политическом (ключевые решения для всех стран объединения принимаются на заседаниях Европейского совета, Парламента и Комиссии) уровнях. В АСЕАН также присутствует негласный «пути АСЕАН»[183], отсутствуют или значительно снижены торговые барьеры между странами-участницами Ассоциации. В политическом измерении наблюдается солидарность в вопросах дальнейшего развития, которая устанавливается на уровне министров и глав стран АСЕАН или в рамках Сообщества безопасности АСЕАН.

В-третьих, это добровольный и партнерский характер объединения. Исторически интеграционные объединения в Европе и Юго-Восточной Азии стали формироваться самостоятельно без принуждения со стороны крупных внерегиональных держав. Кроме того, добровольный характер прослеживается и в

---

[180]. Буторина О.В. Понятие региональной интеграции: новые подходы / О.В. Буторина. // Космополис. – 2005. – № 3. – С. 136.

[181] Treaty on the Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone. — Текст: электронный // ASEAN. December 1995. — URL: https://asean.org/treaty-on-the-southeast-asia-nuclear-weapon-free-zone (дата обращения: 01.05.2024).

[182] Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon. — Текст: электронный // European Union. December 2007. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT (дата обращения: 01.05.2024).

[183] The ASEAN way and the rule of law. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://asean.org/?static_post=the-asean-way-and-the-rule-of-law (дата обращения: 01.05.2024).

основополагающих документах ЕС и АСЕАН, например, в преамбулах Устава АСЕАН[184] и Маастрихтского договора[185].

В-четвертых, интеграция распространяется на различные области как внешней, так и внутренней политики стран-участниц. В Европейском Союзе это выражено в «трех опорах» ЕС – направления совместной деятельности стран-участников Союза. В АСЕАН данная функция возложена на три Сообщества АСЕАН, которые должны координировать усилия для решения общих проблем Ассоциации.

Заключительной, но не менее важной характеристикой любого интеграционного объединения является понимание необходимости этого процесса, а также наличии планов на будущее укрепление и развитие интеграции. В АСЕАН и ЕС это проявляется в составлении программных документов о будущем развитии организаций. В ЕС таким документом стала «Белая книга о будущем Европы»[186] в 2017 г., а в АСЕАН «Видение АСЕАН 2040»[187] и «АСЕАН 2045»[188].

Исходя из вышеизложенного, можно с большой долей уверенности подтвердить утверждение о том, что регионализация, которая в данном контексте выражается в активном развитии интеграционных процессов и связанных с ними региональных группировок, основывается на разновекторном укреплении связей между странами одного региона, причем это происходит поэтапно и на разных уровнях.

Еще одна сложность при исследовании регионализации, ее параметров, целей и функций выражается в проблематичности при выработке единого

---

[184] The ASEAN Charter — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. December 2008. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[185] The Maastricht Treaty. — Текст: электронный // European Union. February 1992. — URL: https://blogs.elpais.com/files/maastrichtec.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[186] White paper on the future of Europe. — Текст: электронный // European Commission. March 2017. — URL: https://commission.europa.eu/publications/white-paper-future-europe_en (дата обращения: 01.05.2024).

[187] ASEAN Vision 2040: Towards a Bolder and Stronger ASEAN Community. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. March 2019. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Vision-2040-Volume-1.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[188] ASEAN 2045 Our Shared Future. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. May 2025. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/ASEAN-2045-Our-Shared-Future.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

подхода к определению региона. Российский ученый О.Г. Леонова на основе анализа отечественной и зарубежной литературы выделяет три возможных интерпретации данного термина. Регион: 1) внутригосударственная административная единица и воспринимается как субрегион внутри государства; 2) группа государств понимается как макрорегион; 3) понятие «регион» отожествляется с понятием «государство», которое в соответствии с данной логикой можно определить как мезорегион[189].

Другим не менее важным фактором, способствующим развитию регионализации как самостоятельного термина стало противопоставление в паре «глобализация-регионализация». Первые работы по регионализации, появившееся в начале 80-ых гг. XX в., стали отражением тренда по все большему подключению национальных экономик к общемировой экономической системе и либерализации трансграничной торговли и финансовых операций[190]. Усиление глобальных институтов на базе ООН (Всемирная торговая организация, Всемирная организация здравоохранения, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Международная организация труда и др.) только способствовали процессу размытия национальных границ и ослаблению государственного суверенитета перед пользой, которую приносят с собой «глобальные» институты и транснациональные корпорации.

С одной стороны, глобализация утверждается как объективная тенденция мирового развития, которая отражает растущую взаимозависимость различных секторов мировой экономики. Причинами к глобализации выделяются все более нарастающая экономическая интеграция и свободное перемещение по миру товаров, капитала, рабочей силы; научно-технический прогресс и информационно-коммуникационная революция, связанная с созданием и распространением в мире персональных компьютеров и сети Интернет[191].

---

[189] Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О.Г. Леонова // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 61.
[190] Rosamond, B. Theories of European integration / B. Rosamond. — New York: St. Martin’s Press, 2000. – P. 180.
[191] Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 32.

С другой стороны, с точки зрения обеспечения безопасности глобальные институты во многом уступают более функциональным региональным организациям[192]. В этой связи возникает взаимосвязь между глобализацией и регионализацией как двух разнонаправленных векторов развития в мировой политике.

У обоих процессов есть много общего, связанного с их генезисом. Глобализация, как и регионализация начала активно развиваться за счет распада биполярной системы международных отношений, а также усиления роли негосударственных акторов, которые становятся не просто драйверами к усилению и углублению данных процессов, но и непосредственно участвуют в их развитии. Кроме того, регионализацию нельзя рассматривать отдельно от процессов глобализации. Регионализация стала естественной реакцией малых стран по защите своих региональных интересов в рамках процессов глобализации, где крупные экономические державы, транснациональные корпорации (ТНК) и глобальные институты по либерализации торговли ставили в зависимое положение развивающиеся страны. Регионализация выступила в роли защитного механизма, где объединившиеся страны приняли меры по отстаиванию своих интересов и их дальнейшему продвижению через создание сетей региональных зон свободной торговли, межгосударственных торговых соглашений и других форм регионального объединения преференциального типа[193]. Вместе с тем стоит отметить, что регионализация может рассматриваться как промежуточный этап к глобализации, так как история показала невозможность моментального перехода от анархичной системы международных отношений, состоящей из суверенных государств со своими часто пересекающимися национальными интересами к унифицированной глобальной системе на основе правил и под контролем наднациональных институтов регулирования. Вполне допустимо, что регионализация является промежуточным

[192] Vayrynena, R. Regionalism: Old and New / R. Vayrynena // International Studies Review. — 2003. — Vol. 5, No. 1. — P. 32.
[193] Ibid. — P.33

этапом перед глобализацией[194]. Исходя из данного подхода, неудивительно дальнейшее развитие региональных исследований, которое сопряжено с изучением новых переменных, таких как макрорегион и макрорегионализация, глобальный регион и трансрегионализм.

Макрорегионализация, макрорегион и глобальный регион становятся новым этапом глобализации, выводя локальные пространства на «третий уровень (макроуровень) системы глобального мира»[195]. Особенностями такого процесса становятся постепенная передача экономических и частично политических функций национальных государств на уровень наднациональных региональных институтов, которые, расширяя географический охват своей деятельности, приводят к постепенной макрорегионализации. В этой парадигме глобальный регион представляет больше метафизическое завершение глобальной регионализации, где на основе политических, экономических, сетевых, коммуникационных факторов и при участии государств и негосударственных акторов формируется пространство для мирополитических процессов. Другими словами, формируется мировая система, состоящая из регионов как отдельных подсистем, но в тоже время, как и в любой системе неразрывно связанных и пересекающихся между собой структур (региональные подсистемы). Подобная структура допускает отсутствие противоречий между все большей регионализацией и глобализацией как параллельными процессами.

Важные функции в процессах макрорегионализации выполняют трансрегионализм и трансрегиональные сети. Российский исследователь феномена трансрегионализма Д.А. Кузнецов отмечает, что «трансрегионализм можно определить как процесс формирования крупных международных кластеров в результате укрепления глобальных транснациональных,

---

[194] Мировое комплексное регионоведение: учебник/ А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, С.И. Лунев, А.А. Киреева. —М.: Магистр, 2020. — С. 180.

[195] Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О.Г. Леонова // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 62.

межрегиональных связей и взаимозависимости»[196]. Такие кластеры в настоящий момент разворачиваются по всему миру, некоторые даже принимают конкретную форму (форум Азия-Европа, Транстихоокеанское партнерство и многие другие). Результатом подобных изменений становится создание системы взаимоотношений, где ключевую роль играют не крупные или малые державы, а региональные группировки[197]. Эта достаточно новая форма структурирования пространства и организации международного диалога еще требует дальнейшего исследования, однако сам факт существования таких трансрегиональных связей, по мнению австрийского ученого Майкла Рейтерера, уже говорит о том, что создано новое пространство для углубления интеграционных процессов в мире, а это легализует и повышает роль региональных группировок как субъектов мировой политики[198].

Таким образом, есть все основания полагать, что регионализация все больше становится частью объективной реальности наряду с глобализацией. Важно отметить, что концептуальные основы данного феномена достаточно подвижны: отсутствует консенсус среди исследователей относительно необходимости введения нового термина «регионализация», что усложняется рядом устоявшихся проблем с определением устойчивого значениями «регион» и «регионализм». Вместе с тем, все большее количество работ по проблематике регионализации, макрорегионализации и трансрегионализма указывают на определённую потребность научного сообщества в объяснении новых граней мирополитических процессов, частью которых и являются процессы регионализации.

---

[196] Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации / Д.А.Кузнецов // Сравнительная политика. — 2016. — №2. — С. 24.

[197] Троицкий М.А. Глобальный регионализм и внешняя политика России / М.А. Троицкий. // Свободная мысль. – 2009. – № 11(1606). – С. 35-46.

[198] Reiterer, M. Interregionalism as a New Diplomatic Tool: The EU and East Asia / M. Reiter // European Foreign Affairs Review. — 2006. — Vol. 11, No 2. — P. 243.

1.3 Особенности процессов регионализации в Юго-Восточной Азии: эволюция и современное состояние

Возникновение концептуальной базы азиатского регионализма как отдельного теоретического направления в изучении региональных процессов связано прежде всего с кризисом в экстраполяции теории европейской интеграции на другие регионы мира. С этим кризисом многие исследователи и связывают появление «сравнительного» регионализма, который как уже было упомянуто ранее стал реакцией на усиление роли незападных крупных государств, а также формирования многополярности и многоуровневой системы глобального и регионального управления[199].

Как отмечает российский ученый-востоковед А.Д. Воскресенский, в результате социально-экономических трансформаций в конце XX – начале XXI вв. произошли качественные изменения в исследовании международных отношений, среди которых можно выделить признание полицентричности при обсуждении вопросов, связанных с определением параметров, понятий, механизмов работы и конфигураций мировой системы[200].

Схожее мнение разделяет зарубежный исследователь А. Ачарья, утверждая, что «сравнительный» регионализм выделяется обширным вкладом со стороны научного сообщества всего мира и не ограничивается лишь исследованиями из Западной Европы. По его мнению, идейная и концептуальная база сравнительного регионализма наполняется из литературы всех регионов мира[201].

На стыке двух тысячелетий происходят неоднократные попытки разграничения понятий регионализация и регионализм, где регионализм определяется как роль идеологической и политической основы для процессов

---

[199] Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов / М.Л. Лагутина, Е.Б. Михайленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. № 2. – С. 266.

[200] Voskressenski, A. D. Non-western theories of international relations: Conceptualizing world regional studies / A. D. Voskressenski. — Cham: Springer International Publishing, 2016. – P. 29.

[201] Acharya, A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? / A. Acharya. // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. — 2012. — Vol. 47 No. 1. —P. 12.

регионализации - всеобъемлющего процесса формирования новых региональных объединений с широким кругом участников[202].

Такие условия стали благоприятной почвой для более детального и эффективного анализа регионализма и процессов регионализации, которые происходят в Азиатско-Тихоокеанском регионе с момента окончания Второй мировой войны, и представляют собой альтернативный вариант построения регионального порядка с целью создания безопасного пространства для экономического развития на равноправной основе для всех его участников.

В этой связи обратим внимание на условия, в которых происходят процессы азиатской регионализации. Их радикальные отличия от тех, что имели место на территории Западной Европы во многом и приводили к ошибочным прогнозам и выводам исследователей, опиравшихся исключительно на европейский опыт при анализе проблем и перспектив азиатского регионализма и регионализации[203]. Австралийский исследователь Марк Бисон отмечает целый ряд особенностей азиатского регионализма, в основе которого находится неоднородность азиатского пространства[204].

Данная неоднородность проявляется в следующих сферах:

– Географическая – страны Азии расположены по обе стороны экватора, среди которых есть страны как с выходом в открытое море, так и без него, а также островные государства.

– Демографическая – на территории Азии есть как крупнейшие по численности населения государства в более 1 млрд человек, так и совсем некрупные с численностью менее 500 тыс.

– Социально-культурная – помимо крайне неоднородного этнического состава внутри азиатских государств, это сосредоточение трех основных мировых религий (христианство, буддизм, ислам) и целый ряд локальных верований.

---

[202] Hettne, B. Söderbaum, F, Theorising the Rise of Regionness / B. Hettne, F. Söderbaum // New Political Economy. — 2003. — Vol. 5, No. 3. — P. 460.
[203] Beeson M. Routledge Handbook of Asian Regionalism / M. Beeson. — New York: Routledge, 2011. – P. 15.
[204] Ibid. — P.2.

– Экономическая – страны Азии входят одновременно в десятку самых развитых и богатых по ВВП на душу населения, так и в десятку наиболее бедных стран мира. Различия, в том числе касаются и моделей ведение хозяйства, так как на территории Азии присутствуют как капиталистические, так и коммунистические системы.

– Историческая – в различные периоды своей истории большинство стран Азии были колонизированы европейскими государствами и переняли их систему ценностей, язык и модель построение экономической и политической систем. Вместе есть страны, которые были всегда независимыми, так и те, что были колониальными империями.

– Политическая – страны Азии представлены как либеральными демократиями с развитыми институтами и гражданским обществом, так и различными формами авторитарных режимов, включая абсолютные монархии и военные диктатуры.

В этой связи неудивительно, что «азиатская» регионализация отличается своим низким темпом интеграции, которую М. Бисон охарактеризовывает как «запоздалую» [205].

Вместе с тем отдельного внимания заслуживают наблюдения А. Ачарьи в части динамики географического масштаба региональных процессов в Азии. На первом этапе только сформировавшиеся государства участвовали в паназиатском движении с очень широким охватом стран, включавшим в себя как Южную, так и Центральную, Юго-Восточную, и Северо-Восточную Азию, однако от данной идеи под тяжестью противоречий странам пришлось отказаться, что запустило процессы фрагментации и нуклеаризации региональных пространств. Лишь после того, как внутрирегиональные пространство стало состоять из однородных элементов (региональных объединений с близкой позицией по большинству вопросов внешней политики или крупных региональных держав) в повестке дня

[205] Beeson, M. Re-thinking Regionalism: Europe and East Asia in Comparative Historical Perspective / M. Beeson // Journal of European Public Policy. — 2005. — Vol. 12, No. 6. — P. 975.

все больше начинают проявляться нарративы трансрегионализма и макрорегионализации, конечной целью которых можно считать формирование макрорегиона Восточная Азия[206]. А. Ачарья выделяет три этапа[207] эволюционного развития азиатского регионализма:

1. От первой Конференции по азиатским отношениям (1947 г.) до создания АСЕАН (1967 г.).

В данный период происходит формирование первых национальных государств после длительного периода колониального правления. Стремление к независимой внешней политике, а также недоверие к бывшим колониальным империям Западной Европы стали отличительными чертами того периода. Во многом из-за антиколониальной позиции большинства молодых независимых государств провалился американский проект по созданию азиатского НАТО и Плана Маршала (СЕАТО и СЕАДА соответственно). А. Ачарья отмечает, что регионализм в тот период времени имел больше формальное значение, а азиатские страны прибегали к нему для повышения своей легитимности в качестве суверенных акторов международных отношений. Этим объясняется низкая вовлеченность стран региона к экономической и другим видам региональной кооперации[208].

2. От создания АСЕАН к идее Азиатско-Тихоокеанского сообщества (1980 г.).

А. Ачарья отмечает, что во второй половине XX в. происходит усиление роли Японии в региональных процессах в Азии, особенно в ее Юго-Восточной части. Создается Азиатско-Тихоокеанский совет с ведущей ролью Японии и Австралии, а также кратно увеличиваются инвестиции Японии в развивающееся страны Юго-Восточной Азии, где в соответствии с объявленной доктриной Т. Фукуды Япония отказалась от применения любой силы в отношениях со странами Юго-Восточной Азии. Символично, что именно при Т. Фукуде был

[206] Acharya, A. Foundations of Collective Action in Asia: Theory and Practice of Regional Cooperation / A. Acharya. // ADBI Working Paper. – 2012. – Vol. 344. – P. 6.
[207] Ibid – P. 6.
[208] Ibid – P. 14.

создан Культурный фонд АСЕАН с бюджетом 5 млрд долларов для развития культурных обменов между странами, а также целый ряд исследовательских центров и экономических программ со странами Юго-Восточной Азии. В целом данный период отмечается постепенной либерализацией торговых отношений между странами Азии и их дальнейшей институализаций в виде торговых соглашений или зон свободной торговли.

3. После завершения Холодной войны (1989 г.).

Окончание Холодной войны стало мощным импульсом для процессов регионализации на территории всей Азии. Данному периоду свойственны два явления. Во-первых, усиление роли региональных организаций, а во-вторых, распространение феномена трансрегионализма. Появляются многосторонние форматы с привлечением широкого круга участников в Восточной Азии. Так, в заседаниях Асеановского форума по безопасности (АРФ), Форума Азии и Европы (АСЕМ) и Восточноазиатского саммита (ВАС) участвуют лидеры стран со всего мира. С одной стороны, это объясняется коллапсом биполярной системы международных отношений и кризисом власти в регионе, что привело к постепенному возвышению АСЕАН, а с другой стороны, как отмечает известный английский исследователь региональных процессов в Азии К. Дент, объективные процессы глобализации, научно-технический прогресс и мировое разделение труда и цепочек производства товаров и услуг привело к ситуации, когда всепроникающее участие стран из других регионов становится залогом экономического развития, стирающего физические границы между странами и даже отдельными регионами[209].

Подводя итоги, как отмечают российские исследователи, азиатский регионализм и его дальнейшая эволюция в регионализм Восточной Азии возник как средство утверждения национального суверенитета[210]. А.А. Байков отмечает, что одним из важных признаков процессов интеграции в Восточной Азии стало

[209] Dent, C.M. East Asian Regionalism / C.M. Dent — New York: Routledge, 2008. – P. 2.
[210] Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 32.

разделение на «свой» - «чужой» с закреплением за «своими» экономических преференций[211]. Изначально данное разделение распространялось на членов АСЕАН, однако в настоящий момент существует несколько макрорегиональных проектов по формированию единого восточноазиатского пространства (АРФ, ВАС, АТЭС, Шанхайская организация сотрудничества, АСЕАН +3), которые привлекают к обсуждениям вопросов региональной безопасности и неазиатские страны.

Инклюзивность региональных институтов стала отличительной чертой восточноазиатского регионализма. Разделение на условные «открытый» и «закрытый» регионализмы начало происходить во многом в связи с региональными процессами в Восточной Азии, которые «открыли» регион для других континентов в отличие от Европы и Европейского союза, который представляет собой более эксклюзивную структуру со строгими параметрами для входа и взаимодействия. Впрочем, стоит заметить, что с каждым годом данное свойство Европейского союза постепенно размывается в виду выгод от глобализации и трансрегионализма.

В заключительно части анализа сфокусируемся на проблемах дальнейшей регионализации Восточной Азии. К основным проблем восточноазиатской регионализации относят вопросы лидерства и влияния крупных держав. С точки зрения вопросов лидерства, Восточная Азия еще не нашла признанного лидера, определяющего основные векторы развития региона. АСЕАН, несмотря на то, что остается доминирующей структурой в Юго-Восточной Азии, а также развитую систему асеаноцентричных институтов, не имеет достаточных рычагов влияния на такие крупные страны, как Китай и Япония, а также сама испытывает проблемы с определением лидерства внутри Ассоциации[212]. Кроме того, историческое прошлое стран Восточной Азии, долго время пребывавших под колониальным гнетом крупнейших европейских и азиатских держав, оставило

[211] Байков А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной. Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков; отв. ред. А. Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2012. — С. 99.
[212] Szczudlik-Tatar, J. Regionalism in East Asia: A Bumpy Road to Asian Integration/ J. Szczudlik-Tatar // PISM Policy Papers— 2013. – Vol. 64, No. 16. – P. 6.

неизгладимый отпечаток на сознании политических элит, которые больше всех экономических выгод от интеграции и регионализации ценят свою независимость и нетерпимость к чьей-либо гегемонии[213]. Во многом этим и объясняются невысокие темпы интеграции Восточной Азии, слабость региональных институтов[214], а также провал создания региональных структур с ведущей ролью крупных держав. Ярким примером XXI в. влияния антиколониального мышления стала неудача в реализации японской инициативы создания Восточноазиатского сообщества, предложенного японским премьером Ю. Хатоямой в 2009 г[215]. Многие азиатские страны увидели в этом проекте новую попытку воссоздать империалистический проект «Великая восточноазиатской сфера сопроцветания». Схожие причины воспрепятствовали дальнейшему развитию американоцентричной структуры СЕАТО.

В настоящее время политический ландшафт в Азиатско-Тихоокеанском регионе все больше усложняется в связи с обострением отношений между крупнейшими странами в регионе (Китай, США), что в свою очередь поляризует региональное пространство и делит его на своеобразные блоки, в том числе внутри региональных организаций[216]. Все вышеуказанные факторы и обуславливают особенности азиатской и впоследствии восточноазиатской модели регионализации: неоднородность стран Восточной Азии, их стремление к нейтральности, низкий темп регионализации и антиколониальные и антигегемонистические настроения у политических элит. Всё это в своей совокупности и формирует уникальное пространство, которое не поддается системному анализу через призму закономерностей, присущих Европейскому союзу. В начале XXI в. осознание данных отличий стало отправной точкой для

---

[213] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д. Богатуров. – М.: Конверт - МОНФ, 1997. — 349 с.

[214] Katzenstein, P.J. Regionalism in Comparative Perspective / P.J. Katzenstein. // Cooperation and Conflict. — 1996. — Vol. 31, No. 2. — P. 123-159.

[215] Hemmings, J. Understanding Hatoyama's East Asian Community idea. — Текст: электронный // EastAsiaForum. 22 January 2010. — URL: https://www.eastasiaforum.org/2010/01/22/understanding-hatoyamas-east-asian-community-idea/ (дата обращения: 01.05.2024).

[216] Каблуков К.С. Сравнительный анализ походов QUAD и АСЕАН к обеспечению безопасности в АТР / К.С. Каблуков. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2022. – Том 1, № 1(54). – С. 55.

формирования нового кластера региональных исследований, получивших название «сравнительные». Вместе с тем, восточноазиатский регион в силу своей неоднородности также состоит из субрегиональных систем, среди которых самой развитой и институализированной является региональная подсистема в Юго-Восточной Азии.

Региональные процессы в Юго-Восточной Азии вбирают в себя все вышеуказанные особенности, свойственные Восточной Азии. Предпосылками для интеграции малых держав данного региона были антиколониальные и антигегемонисткие нарративы, что подтверждает слова П. Катцештейна о политической природе генезиса региональных образований[217]. Одновременно с этим верно утверждение А.Д. Богатурова, который подчеркивал «горизонтальность» международных отношений в Азии и ее субрегионах, где формируются отдельные «кружки» по интересам[218]. Одним из таких закрытых клубов по интересам стал АСЕАН, который в свой концептуальной основе объединяет особенности модели регионализации в Восточной Азии с учетом узкорегиональной специфики.

Одним из проявлений упомянутой специфики можно считать процесс формирования коллективной идентичности – ключевого фактора для любого регионального объединения в долгосрочной перспективе. Формирование коллективной идентичности в Юго-Восточной Азии – комплексный и нелинейный процесс, который стал проявлять свои очертания лишь в начале XXI в. Он основывается в концептуальной части на различные западные и азиатские теории, а также поддерживается с помощью правительственных программ и институтов, конечной целью которых определяется становление «сообщества АСЕАН»[219].

---

[217]Katzenstein, P.J. Regionalism and Asia / P.J. Katzenstein. // New Political Economy. — 2000. — Vol. 31, No. 3. — P. 353 - 368.

[218] Богатуров А.Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталев. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – С. 270.

[219] Сообщество АСЕАН в современном мире / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин ; отв. ред. Г.М. Локшин; Ин-т Дальнего Востока РАН, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН. – Москва : ФОРУМ, 2019. - С. 110-111.

С точки зрения теоретического обоснования данного процесса превалируют западные теории неофункционализма и коммуникаций. Так, Э. Хаас на примере ЕС вывел алгоритм формирования идентичности. Первоначально у наций происходит осознание выгоды от участия в региональных процессах, что приводит к переосмыслению своих национальных интересов в угоду интеграционным и затем формируется коллективная идентичность[220]. В отношении АСЕАН Э. Хаас справедливо отмечал, что для регионов «третьего мира» набор «переменных» отличается от тех, что есть в Европе, поэтому неофункционализм имеет свои ограничения и не сможет в полной мере объяснить успех интеграционных процессов, если у АСЕАН появятся устойчивые и функционирующие наднациональные институты/сообщества[221].

Для Европейского Союза свойственна «циклическая модель» роста[222]. Она предполагает развитие «рывками», например, пять волн расширения. Одновременно с этим, ключевые этапы развития ЕС, в том числе и расширение Союза, происходили после кризисных периодов, которые были связаны с нежеланием европейских государств делиться своим национальным суверенитетом. Это стало основной причиной цикличности для европейской интеграции, и отсутствием таковой в развитии АСЕАН, так как Ассоциация не претендовала на присвоение себе полномочий национальных государств. С одной стороны, другого выхода не было: страны Юго-Восточной Азии, в отличие от стран Европы, состоят как из демократических, так и из авторитарных режимов. В таких условиях невозможно создать межгосударственные политические институты такие как общий парламент или суд. С другой стороны, невозможно повысить уровень межгосударственного взаимодействия в регионе без создания наднациональных институтов. Это сознавали в Европе, поэтому с первых же дней существования Европейского Сообщества была поставлена цель на ускорение

[220] Risse, T. Neofunctionalism, European identity, and the puzzles of European integration // Journal of European Public Policy, 2005, - № 12:2, P. 301.
[221] Haas, E. B. The Study of Regional Integration: Reections on the Joy and Anguish of Pretheorizing Ernst / E. B. Haas. // International Organization. — 1970. — Vol. 24, No 4. — P. 606 – 646.
[222] Байков А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной. Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков; отв. ред. А. Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2012. — С. 23.

политической интеграции, что должно быть закономерным результатом успешного экономического развития объединения.

Для АСЕАН такое развитие было не свойственно. Экономическое развитие не было причиной для интеграции стран Юго-Восточной Азии. Это явно прослеживается в торговом балансе стран Ассоциации. Внутренняя торговля АСЕАН в 1980 г. составляла чуть более 15% от общего уровня торговли стран-членов[223], в то время как для Европейского Союза в 1980 г. эта цифра доходила до уже 55%[224] и продолжала расти. Это в очередной раз выявляет фундаментальное различие в мотивах для интеграционного объединения в двух отдельно взятых регионах.

В этом контексте примечательно сравнение функционализма в Европе и Юго-Восточной Азии, проведенное сингапурскими исследователями Дж. Энгом и Дж. Лю. Рассматривая особенности развития интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии, они приходят к выводу, что в основе европейского и юго-восточного функционализма стоит единый механизм функционального сотрудничества и единая цель создания стабильной системы региональной безопасности. Вместе с тем наравне с безопасностью для Европы стоят вопросы дальнейшей интеграции, что привело к дальнейшему поиску теоретического развития функционализма и новых механизмов ослабления национального суверенитета в пользу процессов регионализации. Функционализм Юго-Восточной Азии не предполагает «ускорения» текущих процессов регионализации, напротив, «эффект переливания» происходит «снизу-вверх», что обуславливает смещение фокуса АСЕАН на строгое соблюдение суверенитета и экономического развития государств-членов[225].

---

[223] Hill, H. Menon, J. ASEAN Economic Integration: Features, Fulfillments, Failures and the Future / H. Hill, J. Menon // ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. – 2010. – Vol. 69. – P.14.

[224] External and intra-European Union trade. Statistical yearbook 1958-1997. — Текст: электронный // Eurostat. 1998. — URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/eastasian/pdf/2016/east-asian_e2016_06.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[225] Ng Luang Jong, J. The ASEAN Model of Integration / J. Ng Kuang Jong, J.C. Liow. // The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. / Ed. Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller. New York, London. — Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. — P. 106-110.

Структура управления у двух объединений также различна. Для Европейского Союза это «институциональный треугольник»: Парламент, Совет, Комиссия[226]. Такая структура создает иллюзию федеративного государства, однако ключевые решения принимаются не Парламентом, а Советом Европейского Союза, состоящим из министров всех стран-участниц объединения. Такая структура обусловлена проблемой управляемости расширенного до 28 стран образования с разным уровнем экономического развития. События последних десяти лет, связанные с евроскептицизмом восточноевропейских стран и Брекситом, только подтвердили уверенность в том, что, в настоящий момент, институты Европейского Союза не готовы в полной мере стать наднациональными органами, по крайней мере, в расширенном составе Союза. Тем не менее, те результаты, которые были достигнуты, впечатляют.

Таким образом, функциональная теория не имеет универсального применения, исходя из примера развития интеграционных процессов в Европе, где ограниченное сотрудничество в функциональных сферах, основанное на общих проблемах, приводит к постепенному смещению центра тяжести суверенитета с национального государства на региональный уровень. АСЕАН и процессы регионализации в Юго-Восточной Азии убедительно демонстрируют, что функциональное сотрудничество на региональном уровне не приводит к формированию наднациональных функций у региональных организаций в ущерб государственного суверенитета. Неслучайно А. Байков подчеркивает, что «тот факт, что с 1951 г. наднациональность не была взята на вооружение в других интеграционных группировках, и то, с каким трудом она утверждалась в самом ЕС, говорит о том, что это скорее западноевропейская специфика, нежели «историческая неизбежность» интеграционных траекторий вообще»[227].

Карл Дойч в рамках теории коммуникации выделял «чувство сообщности» (англ. «sense of community»), которое означает взаимную способность

[226] Байков А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной. Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков; отв. ред. А. Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2012. — С. 52.
[227] Байков А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной. Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков; отв. ред. А. Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2012. — С. 56.

предсказывать свое поведение, воспринимать друг друга как часть чего-то большего и разделять интересы каждого участника. Конечной целью такого «непрекращаемого» процесса должно стать сообщество, которое способно решать любые вопросы исключительно мирными способами[228], что обозначается в документах АСЕАН как основополагающий принцип функционирования Ассоциации.

Особое внимание стоит уделить теоретику «воображаемых сообществ» Б. Андерсону, который также является крупным специалистом по проблематике Юго-Восточной Азии. Влияние его идей о природе и способах создания «воображаемых сообществ» на региональные процессы Юго-Восточной Азии отмечают как российские исследователи[229], так и ученые из стран АСЕАН[230]. Суть «воображаемых сообществ» Б. Андерсона заключается в идее, что как нация, так и региональные объединения представляют собой искусственные конструкты, существующие только в воображении, а принадлежность индивида к ним субъективна. Вместе с тем, Б. Андерсон считает, что «воображаемое сообщество» может стать реальным, если в данном сообществе возникнут общие взгляды и культурные ценности, границы, а также значимость этого сообщества для индивида и восприятие его как части своей идентичности[231].

Отдельно можно выделить влияние общеазиатских систем ценностей в процессах формирования коллективной идентичности в Юго-Восточной Азии. В первую очередь, концепция «азиатских ценностей», предложенная премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю, вобрала в себя основные нарративы традиционного общества своего времени (концепция была сформулирована в середине 60-ых гг.). По мнению К.А. Ефремовой, «концепцию «азиатских

---

[228] Deustsch, K.W. Political Community and the North Atlantic Area; International Organization in the Light of Historical Experience/ Karl W. Deutsch. New Jersey : Princeton University Press, 1957. – P. 36.

[229] Сообщество АСЕАН в современном мире / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин. – М.: ФОРУМ, 2019. — – С. 112.

[230] To, Lee Lai. Regional community building in East Asia: Countries in focus / Lee Lai To, Z. Othman. — New York: Routledge, 2013. – P. 71.

[231] Викторова Е.В., Петренко Д.А. Идентичность европейцев в контексте теорий неофункционализма и "воображаемых сообществ / Е.В. Викторова, Д.А. Петренко // Современная Европа: журнал общественно-политических исследований. — 2021. — № 2. — С. 92.

ценностей» следует рассматривать как практическое воплощение идеологии национальной и региональной стойкости (англ. «national and regional resilience»), являющейся краеугольным камнем политической философии АСЕАН»[232]. Стремление к сильному независимому, богатому государству с традиционными семейными ценностями доминируют в различных выступлениях лидеров всех стран АСЕАН. Неудивительно, что, несмотря на серьезную критику со стороны европейских и азиатских исследователей и политиков[233], у данной концепции оказалось множество сторонников, в первую очередь, среди стран Юго-Восточной Азии.

А. Ачарья в своем исследовании коллективной идентичности в Юго-Восточной Азии[234] определял следующие элементы данного феномена:

– Многосторонний подход. Страны АСЕАН стремятся разрешать внешнеполитические вопросы в формате многостороннего диалога с привлечением множества участников, даже если это вопрос двусторонних отношений как внутри АСЕАН, так и с внерегиональными странами.

– Следование «нормам», закреплённым в основополагающих документах АСЕАН[235]. Среди них уважение к суверенитету, невмешательство во внутренние дела и разрешении противоречий исключительно мирным путем.

– Создание символов и нарративов. Наиболее значимыми в этой области стало формирование концепции, которая в последствии стала наименоваться «Метод АСЕАН» или «Дух АСЕАН».

– Асеаноцентричность. Несмотря на то, что страны-члены АСЕАН придерживаются принципов «открытого регионализма», решение любых

---

[232] Ефремова К.А. Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональной идентичности / К.А. Ефремова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2018. — Т. 2. — №4. —С. 45.
[233] Там же. — С. 43.
[234] Acharya, A. Collective identity and conflict management in Southeast Asia / A. Acharya. // Security Communities / E. Adler, M. Barnett (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 207 – 213.
[235] The Declaration of ASEAN Concord, Bali, Indonesia. — Текст: электронный // ASEAN. February 1976. — URL: https://asean.org/the-declaration-of-asean-concord-bali-indonesia-24-february-1976/#:~:text=Member%20states%20shall%20strive%2C%20individually,mutual%20respect%20and%20mutual%20benefit (дата обращения: 01.05.2024).

региональных вопросов в Юго-Восточной Азии может осуществляться только странами АСЕАН на асеановских площадках.

Другой региональной особенностью Юго-Восточной Азии стало сочетание инструментов практической реализации политики АСЕАН в области безопасности в Юго-Восточной Азии и за ее пределами. Они включают в себя механизмы превентивной дипломатии и меры по укреплению доверия. Данный подход получил название «Метод АСЕАН» и несмотря на то, что он имеет существенные недостатки, АСЕАН остается одной из центральных структур в процессе формировании региональной повестки в Восточной Азии в данной области, продвигая ценности мирного урегулирования с участием всех заинтересованных сторон и превентивной дипломатии.

АСЕАН определяет превентивную дипломатию как «согласованные дипломатические и политические действия, предпринимаемые суверенными государствами с согласия всех непосредственно вовлеченных сторон для предотвращения возникновения споров и конфликтов между государствами, которые потенциально могут представлять угрозу региональному миру и стабильности, перерастания таких споров в вооруженные конфронтации и помочь свести к минимуму их влияние таких споров и конфликтов в регионе»[236]. Основной площадкой для вовлечения в прямой диалог всех заинтересованных сторон стал АРФ. Данный формат позволил комплексно подойти к обсуждению вопросов безопасности, в том числе и по таким острым вопросам, как проблема Корейского полуострова и безопасность судоходства в Южно-Китайском море (ЮКМ). В рамках институтов АСЕАН все указанные вопросы обсуждаются как неотъемлемая часть региональной безопасности (как это происходило на министерской встрече АРФ в 2025 г.[237]).

---

[236] Preventive diplomacy. ASEAN Political Security Community. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://asean.org/our-communities/asean-political-security-community/peaceful-secure-and-stable-region/preventive-diplomacy/ (дата обращения: 01.05.2024).

[237] Chairman’s Statement of the 32nd ASEAN Regional Forum. — Текст: электронный // ASEAN Regional Forum. 11 July 2025. Kuala Lumpur. — URL: https://asean.org/chairmans-statement-of-the-32nd-asean-regional-forum/ (дата обращения: 18.02.2026).

Важно отметить, что институционализация обсуждения вопросов региональной безопасности путем создания инклюзивных диалоговых площадок – не единственная отличительная черта Ассоциации. Разрешение территориальных споров между странами-участниками Ассоциации стало возможным благодаря обращению в специализированные международно-правовые организации, в первую очередь, Международный Суд ООН[238]. Кроме того, сама деятельность АСЕАН и ее структур может оцениваться как способствующая региональной стабилизации, поскольку с момента создания основных региональных институтов на территории Юго-Восточной Азии не происходило крупномасштабных межгосударственных конфликтов[239].

Таким образом, Юго-Восточная Азия по своим свойствам определяется как одна из составляющих восточноазиатского региона, которая состоит из неоднородных как в этническом, так и социально-культурном, экономическом и политическом плане стран, испытавших на себе тяготы колониального правления, и поэтому ценят больше всего свой национальный суверенитет. Несмотря на это, сам регион достаточно открыт к участию в решении региональных вопросов со стороны, но только в рамках тех площадок, где голос стран региона будет решающим. Такой подход дает возможность соблюдать баланс между изоляцией и односторонним вмешательством во внутренние дела региона со стороны крупнейших мировых держав. Вместе с тем в Юго-Восточной Азии существует набор свойств, которые стали непосредственно следствием процессов регионализации и составляют уникальность данного региона. В частности, концепция многостороннего и исключительно мирного подхода к решению любых двусторонних вопросов у стран Юго-Восточной Азии, а также динамика формирования «Сообщества АСЕАН» остаются объектами пристального

[238] Koldunova, E. Which “ASEAN Way” Forward? Southeast Asian Perspectives on Peace and Institutions / E. Koldunova // The Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace / A. Kulnazarova, V. Popovski (eds). — Cham: Palgrave Macmillan, 2019. — P. 356.
[239] Mahbubani, K. Sng, J. The ASEAN Miracle. A Catalyst for Peace / K. Mahbubani, J. Sng. — Singapore: Ridge books, 2017. – P. 246.

внимания со стороны исследователей, как с точки зрения особенностей имплементации, так и с точки зрения перспектив развития.

Выводы к Главе 1

История региональных исследований прошла несколько этапов становления в качестве отдельного направления в изучении современных международных отношений. Текущий сравнительный этап вобрал в себя передовые разработки в области компаративного анализа и отказался от универсального подхода к анализу процессов регионализации. Основной особенностью современных региональных исследований является их неоднородность и междисциплинарность, которая проявилась в сочетании экономических и политических методов в анализе региональной структуры и ее динамики. В попытках выявить новую методологическую и теоретическую базу для исследования региона и связанных с ним процессов формируется ряд национальных школ, в том числе и в России, где активно использовались последние наработки в области системного анализа для всестороннего рассмотрения региона, его основных свойств и тенденций развития.

В рамках исследования регионализма и затем регионализации с учетом изменений в мировой политике ученые сформировали свой собственной концептуальный аппарат, который позволяет охватить и описать самые актуальные тенденции в региональных процессах. Несмотря на то, что существуют трудности с консолидацией академического сообщества по методологическим, концептуальным и теоретическим аспектам изучения региона и региональных процессов развитие регионоведения дало возможность для всестороннего исследования регионализации и смежным с ним феноменов макрорегионализации и трансрегионализма.

Вместе с тем знаковым шагом в истории региональных исследований, стал отход от европоцентричного подхода к анализу региональных процессов и более пристальное внимание к новым интеграционным объединениям как самостоятельным кейсам регионализации. Анализ процессов регионализации в Азии стал ярким примером нового подхода к исследованию региона, который

потребовал от исследователей новой методологии и теоретико-концептуальных основ для корректного описания процессов и определения тенденций их развития, одним из результатов которых стало выделение макрорегиона Восточная Азия.

В рамках данных исследований можно выделить и отдельный кластер работ, посвященных процессам регионализации в Юго-Восточной Азии. При анализе ключевых факторов в интеграционных процессах Европы и Юго-Восточной Азии – АСЕАН и Европейского союза, можно отметить, что несмотря на относительные сходства в части истории формирования и структуры, наблюдаются существенные различия в методах поддержания региональных систем. Отсутствие наднациональных органов и строгое соблюдение суверенитета стран-участниц АСЕАН становится одновременно слабой и сильной сторонами Ассоциации, которая по мере своего развития демонстрирует всё новые подходы к формированию и поддержанию асеаноцентричной региональной системы в Юго-Восточной Азии.

Глава 2. Асеаноцентричный региональный порядок в Юго-Восточной Азии и роль Индонезии

Вторая глава посвящена анализу формирования асеаноцентричного регионального порядка в Юго-Восточной Азии, а также роль и место Индонезии в данном процессе.

В рамках данной главы исследуется история консолидации региона под эгидой АСЕАН с момента основания Ассоциации до середины 2010-х гг. Анализируются причины, по которым АСЕАН стала безальтернативным интеграционным объединением в Юго-Восточной Азии, на основе которого стала формироваться новое для макрорегионального пространства концепция асеаноцентричности.

Одновременно с этим в рамках концепции асеаноцентричности анализу подвергаются основные свойства и механизмы по урегулированию межгосударственных противоречий, а также формирование единой политики по основным вопросам регионального развития в Юго-Восточной Азии и за ее пределами с участием АСЕАН.

Особое внимание в рамках представленного анализа уделяется Индонезии и ее роли в данных процессах. Индонезия как крупнейшая страна в регионе оказывала ключевое влияние на деятельность АСЕАН с момента ее основания. В главе анализируется, как Индонезии удалось продвигать свои национальные интересы сначала внутри АСЕАН, а затем в Восточной Азии с помощью АСЕАН. В тоже время Индонезия сталкивалась со множеством препятствий как в период формирования асеаноцентричности, так и в период, когда центральная роль АСЕАН была очевидна, но это стало препятствовать продвижению индонезийских интересов в регионе.

2.1. Асеаноцентричный региональный порядок в Юго-Восточной Азии: формирование, свойства, механизмы регулирования

АСЕАН включает в себя десять стран Юго-Восточной Азии, которые образуют ёмкий рынок с населением около 662 млн человек и объемом внешней

торговли более 3,8 млрд долл. США.[240] В 2022 г. приток прямых иностранных инвестиций в страны АСЕАН достиг 224 млрд долл. США[241]. Суммарный ВВП 3,2 трлн долл.[242]. Это регион с высокой динамикой экономического роста – в среднем 5-7% ежегодно[243], а также с потенциалом дальнейшего роста в ближайшем будущем. Кроме того, о большом потенциале указывает и демографическая ситуация, так как лишь 7.8% населения старше 65 лет[244] по сравнению с 21.3% в Европейском Союзе[245].

История АСЕАН началась с подписания Декларации Ассоциации в 1967 г. Этот документ стал результатом продолжительного процесса регионального развития Юго-Восточной Азии после неудачи с расширением Ассоциации стран Азии (АСА), которую можно считать основоположницей всех интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии в постколониальный период. Первыми странами Ассоциации стали Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины и Таиланд.

Основными предпосылками к формированию данного объединения стран стали, с одной стороны, вопросы территориального устройства после обретения независимости от колониальных держав, внутриполитические кризисы отдельных стран Юго-Восточной Азии, разрешить которые СССР, США или Китай были не в состоянии, а с другой стороны, попытка противостоять влиянию вышеуказанных держав. Несмотря на достаточно широкий спектр межгосударственных проблем, угроза нового колониализма стала решающим фактором в интеграционном процессе Юго-Восточной Азии.

---

[240] ASEAN Key Figures 2023. — Текст: электронный // ASEAN. 2003. — URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/12/ASEAN-Key-Figures-2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[241] A Special ASEAN Investment Report 2023. — Текст: электронный // ASEAN. 2023. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2023/12/AIR-Special-2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[242] What Is ASEAN? — Текст: электронный // ASEAN — URL: https://www.cfr.org/backgrounder/what-asean (дата обращения: 01.05.2024).
[243] Сообщество АСЕАН в современном мире / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин. – М.: ФОРУМ, 2019. — С. 38.
[244] ASEAN Statistical Yearbook 2024. — Текст: электронный // ASEAN Data Science Explorers. — URL https://aseandse.org/asean-statistical-yearbook-2024/ (дата обращения: 25.04.2025).
[245] EU population structure and ageing. — Текст: электронный // Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_structure_and_ageing / (дата обращения: 25.04.2025).

Слова Мао Цзэдуна «Мы обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур…»[246] вызвали бурную реакцию в странах Юго-Восточной Азии и воспринимались как угроза распространения коммунистической идеологии, а следовательно, вовлечения стран, лишь недавно получивших независимость, в идеологическое противостояние между сверхдержавами. Неслучайно, российский исследователь Е.А. Фомичева отмечает, что «АСЕАН была создана в результате переплетений политических интересов[247]», но главным объединяющим фактором для первых пяти стран Ассоциации, по мнению Н.П. Малетина, стала в первую очередь антикитайская основа[248].

Политической целью интеграции в области взаимоотношений с внешним миром с большой долей уверенности можно считать достижение автономии от великих держав и их влияния на принятие решений в межгосударственных взаимоотношениях между странами Юго-Восточной Азии. Это нашло отражение в основополагающих документах АСЕАН. Во-первых, регион Юго-Восточная Азия объявлялся зоной мира, свободы и нейтралитета[249]. Во-вторых, предполагалось, что иностранные военные базы должны носить временный характер[250]. В-третьих, целью АСЕАН объявлялось «Создание региона, который не будет испытывать внешнее влияние»[251]. Такие принципы позволили АСЕАН в определенной мере избегать «побочных эффектов» биполярного противостояния и создать благоприятную почву для экономического развития и мирного политического урегулирования узлов напряженности на пространстве всей Юго-Восточной Азии, а не только первых пяти стран АСЕАН. Не случайно первая

[246] Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития / Н. П. Малетин. – М.: МГИМО, 2007. – С. 19.
[247] Фомичева Е.А. Внешняя политика Таиланда / Е.А. Фомичева – М.: Наука, 1991. – С. 66.
[248] Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития / Н. П. Малетин. – М.: МГИМО, 2007. – С. 23.
[249] ASEAN documents series 1967-1986. — Jakarta: ASEAN Secretariat, 1986. — P 23.
[250] Ibid. —P 43-49.
[251] 10 years of ASEAN 1978 Jakarta / ASEAN. — Jakarta: ASEAN, 1976. – P.281.

статья Бангкокской декларации объявляет зоной ее действия весь регион Юго-Восточной Азии[252].

На ранних этапах становления Ассоциации страны-основательницы АСЕАН старались как можно больше расширить влияние АСЕАН как внутри Юго-Восточной Азии, так и на международной арене, укрепляя авторитет Ассоциации. С этой целью АСЕАН последовательно вовлекала в свою орбиту влияния другие страны Юго-Восточной Азии и стремилась возглавить инициативы по разрешению внутриполитических конфликтов в регионе. Решающим моментом в процессе консолидации политической повестки у АСЕАН в Юго-Восточной Азии стало урегулирование Камбоджийского кризиса (1967-1993 гг.).

Характерной чертой АСЕАН считается ее политическая неоднородность. Причем в отличие от стран Европейского Союза, это свойство присутствовало и при зарождении организации, что предопределило толерантность к политическому устройству ее участников. Этот принцип был закреплен в Балийской декларации 1976 г.:что «любая страна вне зависимости от социального строя может вступить в Ассоциацию»[253]. Первое расширение произошло в 1984 г. с присоединением Брунея к Бангкокской декларации[254]. Это была одна из самых развитых стран Юго-Восточной Азии на тот период. Так, уже на 1984 г. АСЕАН состояла из шести стран с различными политическими системами, не говоря уже о культурных и национальных ценностях.

Переломным моментом в истории Ассоциации стало подписание Декларации Согласия в 1976 г., где были зафиксированы основные направления экономического развития внутри АСЕАН. Декларация предполагала развитие

---

[252] The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration). — Текст: электронный // ASEAN. August 1967. — URL: https://web.archive.org/web/20150211121705/http://www.asean.org/news/item/the-asean-declaration-bangkok-declaration (дата обращения: 01.05.2024).

[253] Declaration of ASEAN Concord II. — Текст: электронный // ASEAN. October 2003. — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2003-Declaration-of-ASEAN-Concord-II.pdf#:~:text=2003%20DECLARATION%20OF%20ASEAN%20CONCORD,all%20weapons%20of%20mass%20destruction (дата обращения: 01.05.2024).

[254] Association of Southeast Asian Nation (ASEAN). — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs Brunei Darussalam. — URL: https://www.mfa.gov.bn/Pages/association-of-southeast-asian-nation-(asean).aspx (дата обращения: 01.05.2024).

сотрудничества между странами-участницами в области торговли, промышленности и снабжении сырьевыми товарами. В 1977 г. на сессии АСЕАН по нефти (АСКОПЕ) было подписано Соглашение о первоочередной продаже нефти партнерам по АСЕАН в критических ситуациях. Индонезия и Малайзия обязались осуществлять поставки нефти в период нефтяного кризиса. В 1979 г. по аналогии были подписаны межправительственные соглашения о создании резервных продовольственных фондов. Уже в 1987 г. доля внутренней торговли АСЕАН поднялась до 23-24%[255], а с 1992 г. начался период активной экономической интеграции.

В 1992 г. состоялось подписание соглашения о создании единого преференциального тарифа в АСЕАН[256], соглашения об улучшении экономического сотрудничества в финансовой, промышленной, торговой и сельскохозяйственных сферах[257]. В том же году в г. Маниле Лаос и Вьетнам подали свои заявки о вступлении в Ассоциацию. Вступление Вьетнама было встречено неоднозначно в АСЕАН. Серьезно обсуждался вопрос о текущем политическом режиме республики. Важный союзник США в регионе, Таиланд, озвучил предложение включить смену режима в качестве критерия для вступления в Ассоциацию, однако остальные страны расценили это как нарушение одного из основных принципов Ассоциации о толерантности к странам с отличным от них политического устройством. Вьетнам вступил в Ассоциацию в 1995 г., став первой страной Ассоциации с коммунистической идеологией[258]. Это стало серьезным тестом на устойчивость АСЕАН как

---

[255] Гуревич Э.М., Чуфрин Г.И. Внешняя политика Сингапура / Э.М. Гуревич., Чуфрин Г.И. – М.: Наука., 1989. – С. 109.

[256] Agreement on the Common Effective Preferential Tariff Scheme for the ASEAN Free Trade Area. — Текст: электронный // ASEAN. January 1992. — URL: https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2012/Economic/AFTA/Common_Effective_Preferential_Tariff/Agreement%20on%20the%20Common%20Effective%20Preferential%20Tariff%20Scheme%20for%20the%20ASEAN%20Free%20Trade%20Area.pdf (дата обращения: 01.05.2024)..

[257] Framework Agreements on Enhancing ASEAN Economic Cooperation. — Текст: электронный // ASEAN. January 1992. — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1992-Framework-Agreement-on-Enhancing-ASEAN-Economic-Cooperation-1.pdf#:~:text=1992%20FRAMEWORK%20AGREEMENTS%20ON%20ENHANCING,of%20the%20Kingdom%20of%20Thailand%3A (дата обращения: 01.05.2024)..

[258] Declaration of the Admission of the Socialist Republic of Vietnam into the Association of Southeast Asian Nations. — Текст: электронный // ASEAN. July 1992. — URL: https://arc-agreement.asean.org/file/doc/2015/01/declaration-on-the-

политического института, придерживающего принципа невмешательства и взаимного уважения, несмотря на разногласия и различия. Во многом, цель была выполнена. Первые пять стран Ассоциации ставили перед собой цель помочь новым членам Ассоциации через прямые инвестиции в их экономики[259].

Немаловажным фактором успешного экономического роста стран Ассоциации стало создание субрегиональных экономических зон. Первой такой зоной в 1989 г. стал «южный треугольник роста» (Сингапур, Малайзия, Индонезия), затем по аналогии были созданы «северный треугольник роста» (Индонезия, Малайзия, Таиланд), в 1994 г. был создан «восточный треугольник роста» (Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины). Все эти субрегиональные зоны имеют собой цель стать прототипами будущей общей зоны свободного торговли, создание которой было зафиксировано в договоре 1992 г.

Однако на пути к углублению экономической интеграции АСЕАН встретила на своем пути ряд проблем. Во-первых, большинство стран АСЕАН производили однотипную продукцию (Индонезия и Малайзия последние несколько лет занимают первые два места в мире по экспорту пальмового масла), во-вторых, создание полной Зоны свободной торговли было выгодно более развитым странам (Сингапур, Бруней), но экономически невыгодно для индустриальных или аграрно-индустриальных стран[260]. В-третьих, кризис 1997-1998 гг. указал на уязвимость политико-экономической модели большинства стран Ассоциации, так как «азиатская модель» – автократичное правление с сильной концентрацией власти в одних руках была, по мнению российского востоковеда Л.С. Васильева[261], неспособна к адекватной реакции на изменения в мировой политике или экономике.

---

admission-of-the-socialist-republic-of-vietnam-into-the-association-of-southeast-asian-nations.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[259] АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М. Мазырина и Е.В. Колдуновой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023 — С. 204.

[260] Купина Д.А. Неравенство в АСЕАН: взгляд с позиции регионального экономической интеграции / Д.А. Купина. // Азия и Африка сегодня. – 2019. – №1. – С. 25-31.

[261] Алаев Л. Б. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.Е.Непомнин versus Л.С.Васильев) / Л. Б. Алаев. // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3, № 1. – С. 67-83.

Тем не менее, несмотря на социальный взрыв, связанный с резким ухудшением экономического положения в подавляющем большинстве стран АСЕАН и ставшего причиной смены правительств в некоторых странах, сама Ассоциация не только пережила этот кризис, но и смогла выработать новые формы сотрудничества и продолжить выполнение ранее заявленных программ. В разгар кризиса в 1997 г. в АСЕАН были приняты Лаос и Мьянма. В 1998 г. была принята Ханойская декларация[262], которая фиксировала задачу принятия Камбоджи в организацию, а также подтверждала ведущую роль Ассоциации и усиление ее роли в регионе.

С 1999 г. членом АСЕАН стала Камбоджа. С этого момента АСЕАН могла эфективнее выражать интересы всего региона[263]. Логическим развитием Ассоциации стало подписание второй Балийской декларации[264] в 2003 г. Она зафиксировала экономическую повестку в качестве одного из основных направлений развития Ассоциации, в том числе формально закрепила основные пункты «Видения 2020»[265], программного документа развития Ассоциации. Несмотря на то, что экономическому развитию уделялось большее внимание, чем за все время существование Ассоциации, лишь после кризиса 1997 г. стало очевидным, что АСЕАН должна консолидировать свои усилия для продвижения интересов не отдельных стран-участниц, а всей Ассоциации. Для этого необходимо было довести экономическое развитие участников Ассоциации до единого приемлемого уровня. Обсуждение этого вопроса началось еще в 1995 г., когда Вьетнам стал 7-м членом АСЕАН, а решение принималось в период 1997-1999 гг., когда, с одной стороны, Камбоджа и Мьянма, два экономически слаборазвитых государства вступили в объединение, а с другой стороны, кризис

---

[262] Ha Noi Declaration of 1998. — Текст: электронный // ASEAN. December 1998. — URL: https://asean.org/?static_post=ha-noi-declaration-of-1998-16-december-1998 (дата обращения: 01.05.2024).

[263] Урляпов В. Ф. Расширение АСЕАН: мотивы, значение, последствия / В. Ф. Урляпов. // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 85-95.

[264] Declaration of ASEAN Concord II. — Текст: электронный // ASEAN. October 2003. — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2003-Declaration-of-ASEAN-Concord-II.pdf#:~:text=2003%20DECLARATION%20OF%20ASEAN%20CONCORD,all%20weapons%20of%20mass%20destruction (дата обращения: 01.05.2024).

[265] ASEAN Vision 2020. — Текст: электронный // ASEAN. December 1997. — URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_vision.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

1997-1998 гг. ударил больнее всего по странам, которые напрямую зависели от иностранных инвестиций.

За сокращение разрыва в развитии выступили все страны-основательницы Ассоциации. Они предложили установить выгодные тарифы для новых членов АСЕАН и содействовать созданию промышленной базы в этих странах. Эти предложения нашли свое отражение в Ханойской декларации 2001 г. о сокращении разрыва в экономическом развитии стран АСЕАН[266]. Однако, несмотря на все усилия, предпринятые странами Ассоциации, им не удалось добиться значительных успехов в этой сфере.

В политической повестке АСЕАН в начале XXI в. стояло несколько задач. Основное внимание было сосредоточено на борьбе с терроризмом. На это, безусловно, оказали влияние события 11 сентября 2001 г. Страны АСЕАН решительно выступили с осуждением терроризма и всякой формы экстремизма. В целом, на это у АСЕАН были причины. Крупные экстремистские международные организации, действующие на территории Юго-Восточной Азии, стремились к созданию панисламского государства из Филиппин, Малайзии и Индонезии. Борьба с терроризмом получила всестороннее обсуждение на сессии АРФ в 2002 г., по итогам которой вышло совместное заявление с призывом к решительной борьбе с терроризмом[267].

Вторым критическим для безопасности АСЕАН вопросом стала борьба с последствиями природных бедствий. На жителей АТР приходится 90% всех жертв природных катаклизмов[268], и для Ассоциации это было серьезным вызовом, так как в отличии от терроризма, данная проблема существует уже в течение тысячи лет и требует более решительных действий.

---

[266] Hanoi Declaration On Narrowing Development Gap For Closer ASEAN Integration. — Текст: электронный // ASEAN. July 2001. — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/2001-Hanoi-Decl-on-Narrowing-Development-Gap.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[267] Chairman's Statement The Ninth Meeting Of The ASEAN Regional Forum Bandar Seri Begawan. — Текст: электронный // ASEAN. July 2002. URL: https://asean.org/?static_post=chairman-s-statement-the-ninth-meeting-of-the-asean-regional-forum-bandar-seri-begawan-31-july-2002-2 (дата обращения: 01.05.2024).

[268] Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития / Н. П. Малетин. – М.: МГИМО, 2007. – С. 234.

Логичным завершением дискуссии о безопасности в Юго-Восточной Азии в 2003 г. стало выдвижение инициативы создать к 2017 г. Сообщество безопасности АСЕАН. Вторая Балийская декларация 2003 г. зафиксировала эту идею. В течение нескольких лет необходимость в его создании обсуждалась на пленарных сессиях Ассоциации и привело к смещению сроков реализации до 2015 г. Тем не менее, Сообщество безопасности АСЕАН испытывает серьезные проблемы в части разрешения конфликтных ситуаций в регионе, в частности, конфликта в Южно-Китайском море[269], а также снижения смертности в результате ежегодных природных бедствий.

В 2005 г. АСЕАН пригласили множество стран на Восточноазиатский саммит (ВАС). Причиной его проведения стало желание создать альтернативную АТЭС площадку и закрепить за АСЕАН ведущую роль в принятии окончательных решений по региональному развитию. Эта последовательная стратегия по созданию АСЕАН системы органов и дискуссионных площадок различной направленности была названа «асеаноцентричностью.

Подходы к определению термина «асеаноцентричность» различны у целого ряда ученых в зависимости от контекста. Наиболее усредненный вариант идентификации данного феномена предполагает, что асеаноцентричность – это многоуровневая модель взаимодействия стран как внутри региона, которая определяет безальтернативность АСЕАН и ее структур в решение всех вопросов развития региона а также центральная роль асеановских площадок при взаимодействии Ассоциации с другими интеграционными группировками или ведущими державами Азиатско-Тихоокеанского региона[270]. Таким образом, на макрорегиональном уровне асеаноцентричность способствует выработке единой

[269] Чан К. Сообщество безопасности АСЕАН через год и в перспективе / К. Чан, Г. М. Локшин. // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 3. – С. 119-127.
[270] Сообщество АСЕАН в современном мире / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин. – М.: ФОРУМ, 2019. — С. 28.

позиции по взаимоотношениям с внерегиональными странами[271] и снижению их влияния на процессы дезинтеграции региона.

В настоящее время Ассоциация сфокусирована на реализации целей, поставленных как в Уставе АСЕАН[272], так и в «АСЕАН 2045»[273]. В 2015 г. было объявлено о создании Сообщества АСЕАН[274]. Решение о его создании было принято еще в 2003 г. и закреплено во второй Балийской декларации. Сообщество АСЕАН состоит из Сообщества политики и безопасности (СПБА), Экономического сообщества (ЭСА) и Социально-культурного Сообщества (СКСА).

В предыдущем программном документе Ассоциации «Видение АСЕАН 2025[275]» отмечается, что Ассоциация стремится стать высокоинтегрированной, стабильной и развивающейся организацией, которая будет добиваться подобного состояния с помощью специального механизма инициатив по интеграции АСЕАН[276].

Отдельно в «Видении АСЕАН-2025» упоминается и внешнеполитический вектор АСЕАН. Ассоциация должна эффективно реагировать на вызовы для региона совместно с мировым сообществом, сохраняя при этом асеаноцентричность[277]. Здесь стоит обратить внимание на то, что процесс формирования асеаноцентричной системы взаимоотношений с внерегиональными

---

[271] АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М. Мазырина и Е.В. Колдуновой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023 — С. 37.

[272] The ASEAN Charter — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. December 2008. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[273] ASEAN 2045 Our Shared Future. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. May 2025. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/ASEAN-2045-Our-Shared-Future.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

[274] Chairman's Statement Of The 27th ASEAN Summit Kuala Lumpur. — Текст: электронный // ASEAN. November 2015. — URL: https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/27th-summit/statement/Final-Chairmans%20Statement%20of%2027th%20ASEAN%20Summit-25%20November%202015.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[275]ASEAN Community Vision 2025. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. November 2015. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[276] Framework Agreements on Enhancing ASEAN Economic Cooperation. — Текст: электронный // ASEAN. January 1992. — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1992-Framework-Agreement-on-Enhancing-ASEAN-Economic-Cooperation-1.pdf#:~:text=1992%20FRAMEWORK%20AGREEMENTS%20ON%20ENHANCING,of%20the%20Kingdom%20of%20Thailand%3A (дата обращения: 01.05.2024).

[277] ASEAN Community Vision 2025. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. November 2015. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

игроками начался задолго до 2015 г. Урегулирование Камбоджийского кризиса в 1993 г. произошло при активном участии АСЕАН, что было отмечено всеми и сторонами конфликта, и сторонними наблюдателями и заметно укрепило авторитет Ассоциации в Юго-Восточной Азии.

При более детальном рассмотрении асеаноценотричности стоит отметить свойства данного феномена. Под асеноцентричностью в современной отечественное литературе понимают принцип организации общерегиональной коммуникации в Азиатско-Тихоокеанском пространстве, где АСЕАН выступает в роли удобной переговорной площадки для всех заинтересованных региональных игроков, чтобы обсуждать вопросы регионального развития и более эффективно разворачивать свои дипломатические усилия по трансформации регионального порядка в АТР[278]. Тем не менее, представления российских и зарубежных исследователей об асеаноцентричности, ее свойствах и роли в региональных процессах различаются, что подводит нас к утверждению об отсутствии на текущий момент консенсуса относительно единого подхода к определению понятия асеаноцентричности[279].

В рамках анализа асеаноцентричности стоит обратить внимание на механизмы решения вопросов региональной повестки АСЕАН. Среди них рассмотрим наиболее выдающиеся: превентивная дипломатия, «Метод АСЕАН» и открытый регионализм.

Уже после урегулирования Камбоджийского кризиса в 1993 г. в Сингапуре была принята программа «открытого регионализма», которая позволяла нерегиональным странам взаимодействовать с организацией в различных форматах. Несмотря на то, что данный подход встретил сопротивление со стороны Малайзии, его реализация началась незамедлительно. В 1994 г. был создан Региональный форум АСЕАН, а в 1995 г. Ассоциация официально зафиксировала принцип «превентивной дипломатии» в его документах. Помимо

---

[278] АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М. Мазырина и Е.В. Колдуновой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. — С. 37.

[279] Indraswari, R. ASEAN centrality: Comparative case study of Indonesia leadership / R. Indraswari. // Journal of ASEAN Studies. — 2022. — Vol. 10, No. 1. —P. 3.

превентивной дипломатии, АРФ ставил своей целью обмен мнениями со странами, не входящими в Ассоциацию.

Ранее с начала 70-ых гг. XX в. в Восточной Азии формируется целая система двустороннего взаимодействия «АСЕАН+». В настоящее время существуют форматы «АСЕАН +1» (двустороннее соглашения), АСЕАН +6 (Индия, Новая Зеландия, Австралия, КНР, Республика Корея, Япония) и более эффективный и важный для Ассоциации формат «АСЕАН +3» (КНР, Япония, Республика Корея). В рамках Сообществ АСЕАН создана целая сеть консультативных и регулятивных органов по основным вопросам политического, экономического и социального развития Ассоциации. Заседания данных органов закрыты, однако заинтересованные страны иметь право взаимодействовать с ними в рамках диалогового партнерства, фокусируясь на проектную деятельность по специализированным направлениям, таким как образование, медицина, туризм, цифровизация и др. Российский исследователь Е.В. Колдунова, отмечает, что практика создания подобных форматов взаимодействия АСЕАН с остальным миром объясняется тем, что «АСЕАН, уделяя основное внимание проблемам и задачам регионального развития, как никакая другая интеграционная группировка, зависит от макрорегионального и в некоторых случаях глобального контекста»[280].

С учетом изложенного справедливо утверждение о том, что АСЕАН сформировала особый подход к решению проблем региональной безопасности. Данный подход получил название «Метод АСЕАН»[281] и несмотря на то, что он имеет существенные недостатки, этот механизм позволяет АСЕАН оставаться одной из центральных структур в процессе формировании региональной повестки в Восточной Азии, продвигая ценности мирного урегулирования с участием всех заинтересованных сторон.

---

[280] Колдунова, Е. В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН / Е. В. Колдунова // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 3(50). – С. 56.

[281] Koldunova, E. Which “ASEAN Way” Forward? Southeast Asian Perspectives on Peace and Institutions / E. Koldunova // The Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace / A. Kulnazarova, V. Popovski (eds). — Cham: Palgrave Macmillan, 2019. — P. 350.

С политической точки зрения АСЕАН в течение всей своей истории стремилась дистанцироваться от геополитического противостояния крупных держав и поддерживать хрупкий баланс сил в регионе. Ежегодный суммарный военный бюджет всех стран Ассоциации в период с ее образования до середины 90-ых гг. XX в. едва опережал военный бюджет Тайваня[282]. Все силы были направлены на экономическое развитие государств-членов, а политическое урегулирование предполагалось исключительно мирным путем. В 1995 г. в Бангкоке был подписан Договор о зоне, свободной от ядерного оружия[283]. Конечная цель такой стратегии виделась в создании зоны мира и нейтралитета в этом регионе в соответствии с договором 1971 г.[284]

Нейтралитет в политике АСЕАН стал одним из её принципиальных свойств и нашел свое отражение в важнейшем для Ассоциации документе – Уставе АСЕАН[285] (далее – Устав), который был подписан в 2008 г. В Уставе Ассоциация определяет себя как межгосударственная организация, полноправный субъект международного права. Кроме того, Устав закрепил план мероприятий по созданию общего рынка товаров, услуг и капиталов, который не только зафиксировал организационное устройство Ассоциации и формат проведения консультаций, саммитов, но и юридически закрепил нормы поведения всех ее членов, так называемый «Метод АСЕАН». Несмотря на то, что «Метод АСЕАН» имеет существенные недостатки, благодаря данному подходу АСЕАН остается одной из центральных структур в процессе формировании региональной повестки в Юго-Восточной Азии, продвигая ценности мирного урегулирования с участием всех заинтересованных сторон путем терпеливого поиска консенсуса через

---

[282] Military expenditure by country as percentage of gross domestic product. — Текст: электронный // Stockholm International Peace Research Institute. — URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988–2019%20as%20a%20share%20of%20GDP.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[283] The Treaty on Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone. — Текст: электронный // ASEAN. December 1995. — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1995-Treaty-on-the-Southeast-Asia-Nuclear-Weapon-Free-Zone.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[284] Declaration of Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration. — Текст: электронный // ASEAN. November 1971. — URL: https://www.pmo.gov.my/wp-content/uploads/2019/07/ZOPFAN.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[285] The ASEAN Charter — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. December 2008. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

механизмы превентивной дипломатии и созданию специализированных площадок для обсуждения вопросов региональной безопасности, а также мер по укреплению доверия.

Важно отметить, что обсуждение вопросов региональной безопасности путем создания инклюзивных диалоговых площадок – не единственная отличительная черта Ассоциации. Разрешение территориальных споров между странами-участниками Ассоциации стало возможным благодаря обращению в специализированные международно-правовые организации, в первую очередь Международный Суд ООН[286]. Кроме того, сама деятельность АСЕАН и ее структур может оцениваться как способствующая региональной стабильности, поскольку с момента создания основных региональных институтов на территории Юго-Восточной Азии не происходило крупномасштабных межгосударственных конфликтов[287].

Отличия в работе данного механизма отмечаются Дж. Лю и Дж. Энгом при обсуждении экономического сотрудничества в регионе. По их мнению, если в вопросах безопасности используется горизонтальная система взаимодействия с необходимым консенсусом и невмешательством в дела суверенных государств, то в вопросах экономического взаимодействия существует определенная иерархия, основанная на «правилах» и международном праве. Исследователи приходят к выводу, что в настоящий момент у АСЕАН стоит выбор относительно механизмов принятия решения, который или будет сфокусирован и дальше на вопросах политической стабильности, что сохранит консенсусный подход и полноценный суверенитет стран-членов АСЕАН, или будет стремиться расширить свое экономическое взаимодействие, что потребует изменений в политической роли АСЕАН как регулирующего органа и дальнейшего

[286] Koldunova, E. Which “ASEAN Way” Forward? Southeast Asian Perspectives on Peace and Institutions / E. Koldunova // The Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace / A. Kulnazarova, V. Popovski (eds). — Cham: Palgrave Macmillan, 2019. — P. 356.
[287] Mahbubani, K. Sng, J. The ASEAN Miracle. A Catalyst for Peace / K. Mahbubani, J. Sng. — Singapore: Ridge books, 2017. – P. 246.

расширения его полномочий в ущерб суверенности его членов, но позволит углубить экономическую интеграцию и развитие всех стран региона[288].

Таким образом, формирование асеаноцентричного регионального порядка имеет более чем полувековую историю, связанную как с успехами, так и неудачи на пути его становления.

Вначале своего пути АСЕАН столкнулась с множеством проблем, связанных с противоречиями между участниками Ассоциации. В этой связи АСЕАН сфокусировалась на создании максимально эффективных механизмов поддержания региональной стабильности, которые одновременно будут одобрены всеми участниками Ассоциации, что позволило к началу 1990 гг. консолидировать политическую повестку Юго-Восточной Азии и серьезно укрепить свой авторитет в последующие двадцать лет. Одновременно с этим активировалась и институализация АСЕАН. Был создан ряд асеаноцентричных форматов взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и за его пределами, что в определенной степени позволяло наладить диалог с великими державами по региональным вопросам в тех рамках, которые позволяли ей совместно отстаивать свои интересы.

Вместе с тем стоит отметить, концепция асеаноцентричности многогранная. С одной стороны, АСЕАН создала систему завязанных на АСЕАН правил и институтов для создания благоприятной среды в Юго-Восточной Азии, а затем начался процесс масштабирования данного подхода в макрорегиональном масштабе.

2.2. Роль Индонезии в асеаноцентричном региональном порядке

Индонезия с момента приобретения независимости в 1945 г. стала активным участником региональных процессов в Юго-Восточной Азии. Первый президент независимой Индонезии Сукарно (1945-1967 гг.) за период своего правления создал идеологическую базу для индонезийского общества, которая не потеряла

[288] Ng Luang Jong, J. The ASEAN Model of Integration / J. Ng Kuang Jong, J.C. Liow. // The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. / Ed. Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller. New York, London. — Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. — P. 112-114.

своей актуальности и сейчас. Исключением не стала и внешняя политика, которая руководствуется принципами «bebas dan aktif» – независимая и активная. Суть данной концепции заключается в том, что национальные интересы Индонезии определяются независимо, а затем прагматично и активно продвигаются[289]. Следует отметить, что Индонезия следовала данному подходу на протяжении всей своей истории в качестве независимого государства, не вступая ни в какие военно-политические союзы, и более того, является страной-основательницей Движения неприсоединения, активным участником Группы 77.

Одновременно с продвижением идей внеблокового статуса Индонезии и Юго-Восточной Азии в целом Сукарно стремился создать в стране общество в соответствии с его представлениями о национализме. Такая политика стала популярной среди соседних стран, поэтому Сукарно старался распространить свои подходы к решению вопросов во внутренней и внешней политике по всему региону, представив их в качестве главной идеологической составляющей юго-восточного антиколониализма[290], и достиг определенного успеха, но не смог закрепить за Индонезией лидирующую роль в вопросах о региональной интеграции ввиду слишком агрессивной политики по отношению к своим соседям, в первую очередь, Малайзии[291].

Переломный момент наступил лишь после отставки Сукарно в 1967 г. и с вступлением в должность генерала Сухарто, который стал больше ориентироваться на вопросы безопасности и стабильности, так как после затяжного периода конфликтов с Малайзией и Филиппинами внутриполитическая ситуация также ухудшалась и могла уже перерасти в затяжное гражданское противостояние[292]. Решением целого ряда угроз для региональной и национальной стабильности Индонезии новое индонезийское руководство видело

---

[289] Weatherbee, D. Indonesia in ASEAN Vision and Reality / D. Weatherbee. — Singapore: ISEAS Publishing, 2013. — P.11.

[290] АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М. Мазырина и Е.В. Колдуновой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023 — С. 359.

[291] Rattanasevee, P. Leadership in ASEAN: The Role of Indonesia Reconsidered / P. Rattanasevee. // Asian Journal of Political Science. — 2014. — Vol. 22 No. 2. — P. 115.

[292] Antolik, M. ASEAN and the Diplomacy of Accommodation / M. Antolik. — New York: M. E. Sharpe, 1990. – P.20.

в поддержке центростремительных движений в Юго-Восточной Азии, которые в конечном итоге материализовалось в виде АСЕАН.

Вместе с тем, стоит отметить, что Индонезия никогда не отказывалась от лидерский устремлений в отношении региона. Так, австралийский исследователь К. Раншоу утверждает, что изначальная цель участия Индонезии в АСЕАН в 1960-х годах состояла в урегулировании отношений с Малайзией, а также в том, чтобы возглавить движение по объединению Юго-Восточной Азии после провала проекта конфедеративного объединения Малайзии, Филиппин и Индонезии (Мафилиндо) в 1963 г. по причине двусторонних противоречий. К. Раншоу подчеркивает, что Индонезия показательно отказывалась от сотрудничества с организациями, где Индонезия не была бы однозначным лидером, в частности, СЕАТО и Ассоциацией Юго-Восточной Азии (АСА)[293].

В настоящее время Индонезия проводит последовательную политику по созданию асеаноцентричного регионального порядка в Юго-Восточной Азии при лидирующей роли Индонезии в вопросах стратегического планирования. Известный американский исследователь внешней политики Индонезии и вопросов безопасности в Юго-Восточной Азии Д. Вэверби указывает на четыре основные принципа региональной политики Индонезии в АСЕАН. Он относит к ним 1) стремление к тому, чтобы голос Индонезии имел вес в региональных процессах; 2) противодействие любым изменениям в сложившемся региональном порядке, который повредит национальным интересам Индонезии; 3) ограничение присутствия крупных мировых держав и предложение индонезийского лидерства в качестве альтернативы; 4) многосторонность как способ продвижения интересов Индонезии на международной арене[294]. Схожего мнения придерживается Адриана Элизабет, руководитель центра политических исследований Индонезийского института наук (LIPI). Среди пяти основных особенностей внешней политики Индонезии она упоминает «лидерство», причем под этим термином

[293] Ranshaw, C. Indonesia, Australia and ASEAN / C. Ranshaw // Strangers Next Door? Indonesia and Australia in the Asian Century / Ed. by Lindsey, T., McRae, D. Portland. — Hart: Hart Publishing, 2018. — P. 169.
[294] Weatherbee, D. Indonesia in ASEAN Vision and Reality / D. Weatherbee. — Singapore: ISEAS Publishing, 2013. — P.17.

подразумевается сложная ценностно-ориентированная система, в рамках которой за Индонезией неформально закреплена функция формирования повестки дня всего региона[295].

Крупнейший индонезийский ученый и бывший сотрудник аппарата вице-президента Индонезии Юсуфа Каллы по вопросам внешней политики Деви Фортуна Анвар указывает на значительную роль Индонезии в создании АСЕАН. Так, Анвар утверждает, что Индонезия при президентстве Сухарто способствовала существенному развитию Ассоциации. В частности, Индонезия сыграла ведущую роль в вопросах мирного урегулирования конфликта в Камбодже в 1991-1993 гг., активно предлагая пути решения конфликта, как, например, это было в случае с совместной с Малайзий «Куантанской формулой» разрешения конфликта[296] и дипломатическими усилиями при подготовке Богорской конференции 1988 г.[297], а также в целях сохранения динамки развития региональной интеграции шла на значительные уступки в двусторонних спорах со странами-участницами Ассоциации, в частности, с Сингапуром и Филиппинами[298].

Вместе с тем она отмечала, что Индонезия, представляя самую крупную страну в регионе, не стала использовать свое положение для доминирования в Юго-Восточной Азии. Благодаря такой внешней политике «Индонезия заслужила уважение среди стран-членов, а также звание «первой среди равных»[299]. С падением режима Сухарто в 1998 г., а также в связи с трансформацией постпиболярного устройства в Юго-Восточной Азии изменились и оценки Анвар относительно Индонезии и ее роли в становлении АСЕАН. Анвар более открыто стала говорить о доминирующей роли Индонезии в АСЕАН и региональном

---

[295] Elisabeth, A. Grand design kebijakan luar negeri Indonesia, 2015-2025 / A. Elisabeth. — Jakarta: Yayasan Pustaka Obor Indonesia, 2016. – P. 23.
[296] Канаев Е.А. Пятидесятилетний юбилей АСЕАН: «истории успеха» и их ресурсы. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – С. 14.
[297] Бектимирова, Н. Н. Общий путь к урегулированию в Камбодже / Н. Н. Бектимирова // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 100.
[298] Anwar, D.F. ASEAN and Indonesia: Some reflections / D.F. Anwar. // Asian Journal of Political Science. — 1997. — Vol. 5, No. 1. — P. 33.
[299] Anwar, D. F. Indonesia's Vision of Regional Order in East Asia amid U.S.-China Rivalry: Continuity and Change / D.F. Anwar. // Asia Policy. — 2018. — Vol. 13 No. 2. — P. 63.

порядке в Юго-Восточной Азии, утверждая, что Индонезия смогла внести в ключевые документы Ассоциации, такие как Балийская декларация 1976 г., тезисы о национальном и региональном суверенитете, а также подтолкнула страны АСЕАН к подписанию подготовленного Индонезией программного документа «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН»[300] в 2019 г. Такой стиль внешней политики Индонезии в АСЕАН она описывает как «лидерство из тени»[301].

Д. Вэверби признает аргументы Деви Фортуны Анвар, а также своего коллеги Д.К. Эммерсона[302], что АСЕАН для Индонезии – это лишь один из инструментов для реализации своей внешней политики, хотя и крайне важный. Вместе с тем новые факторы, такие как обострение отношений между США и Китаем, а также приход к власти Джоко Видодо в Индонезии отразились и на ее региональной политике. В исследовании Д. Вэверби внешней политики при президентстве Джоко Видодо отмечается, что заинтересованность Индонезии в АСЕАН постепенно снижается[303], а американский ученый-международник В. Шекхар открыто говорит о «перезагрузке» во внешней политике Индонезии, попытке перехода из категории «средней» державы в ведущую и смещении акцентов с АСЕАН в качестве краеугольного камня в региональной политике на макрорегиональный формат, в частности, Индо-Тихоокеанский регион[304].

Российский ученый-индонезист Н.П. Малетин, оценивая роль Индонезии в АСЕАН за последние полвека, отмечает, что Индонезия до 1998 г. была неофициальным лидером АСЕАН, однако падение режима «нового порядка» (1968-1998 гг.) при президенте Сухарто подорвало лидерство Индонезии в

---

[300] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. June 2019. — URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[301] Anwar, D. F. Indonesia's Vision of Regional Order in East Asia amid U.S.-China Rivalry: Continuity and Change / D.F. Anwar. // Asia Policy. — 2018. — Vol. 13 No. 2. — P. 63.

[302] Emmerson, D.K. Invisible Indonesia? — Текст: электронный // Foreign Affairs. 1 December 1987. — URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1987-12-01/invisible-indonesia (дата обращения: 01.05.2024).

[303] Weatherbee, D. Understanding Jokowi's foreign policy / D. Weatherbee. — Singapore: ISEAS Publishing, 2016 — P. 46.

[304] Shekhar, V. Indonesia’s Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century Rise of an Indo-Pacific Power / V. Shekhar. — Washington: Routledge, 2018. — P.41.

регионе, а возращение утраченного статуса стало целью последующих поколений руководителей страны на десятилетия[305]. Вместе с тем, развивая мысль об актуальных целях для внешней политики Индонезии, российский исследователь Н.И. Хохлова более подробно останавливается на ее методах, проводя исследования по выявлению аспектов «мягкой» и «жесткой» силы Индонезии, указывая в качестве мягкой силы самобытную культуру и природные богатства страны, которые оказывают благоприятное влияние на имидж страны, а также привлекает туристов[306]. Подкрепляется данное утверждение словами бывшего министра иностранных дел Индонезии М. Наталегавы, который отметил в программной речи «Индонезия и мир 2010», что среди всех методов ведения внешней политики мягкой силе уделено центральное место[307]. Кроме того, в своей книге «На что способна АСЕАН?» он отмечает ключевую роль публичной дипломатии в становлении АСЕАН и отношение населения Юго-Восточной Азии к Ассоциации как важной составляющей региона[308]. В отношении «жесткой силы» отмечается политика президента Дж. Видодо по отношению к США и Китаю, которая заключатся в более четком сигнале внерегиональным державам о невозможности ведения колониальной политики в Юго-Восточной Азии и незыблемость суверенитета Индонезии[309].

В этой связи можно подчеркнуть, что внешняя политика Индонезии в Юго-Восточной Азии динамична и постоянно адаптируется к международной среде. Так, если в конце 1990-х гг. исследователи отмечали, что Индонезия в ущерб своим интересам сотрудничала с партнерами из АСЕАН ради создания безопасного и развивающегося регионального пространства в Юго-Восточной

---

[305] Малетин Н. П. Индонезия в АСЕАН: от первой среди равных к равной среди равных? / Н.П. Малетин. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. – № 4 (45). – С. 185-186.

[306] Ефимова Л.М. Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо / Л.М. Ефимова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2016. – 32-33. — С. 69.

[307] Indonesia and the World 2010. — Текст: электронный // Kedutaan Besar Republik Indonesia di Tunis, Republik Tunisia. January 2010. — URL: https://www.kemlu.go.id/tunis/id/read/indonesia-and-the-world-2010/63/important-information (дата обращения: 01.05.2024).

[308] Наталегава М. На что способна АСЕАН? Взгляд изнутри / М.Наталегава / Пер. с англ. Е.Л.Хватовой, науч.ред. перевода В.В.Сумский. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. — С. 37-107.

[309] Хохлова Н. И. Эволюция внешнеполитического курса Индонезии при Джоко Видодо / Н. И. Хохлова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 37. – С. 70-81.

Азии (такую ситуацию Анвар образно описывает «золотой клеткой»)[310], то уже с начала тысячелетия приоритеты во внешней политике все больше смещаются в пользу продвижения прежде всего своих национальных интересов. Неслучайно в 2014 г. сразу после избрания президентом Индонезии Джоко Видодо его советник по вопросам внешней политики Ризал Сукма в одном из первых своих выступлений заявил, что при Джоко Видодо внешняя политика Индонезии станет менее ориентированной на АСЕАН[311]. Схожее мнение выразил профессор права Университета Индонезии Х. Джувана, отметив смену парадигмы С.Б. Юдхойоно «тысяча друзей, ноль врагов» на политику Джоко Видодо «все друзья, кто уважает суверенитет Индонезии»[312]. Впрочем, национальные интересы отстаивались в регионе и ранее. А. Альмутаки отмечает, что С.Б. Юдхойоно был последним из лидеров стран Ассоциации, кто подписал исторический для АСЕАН Устав в 2007 г., так как с точки зрения индонезийского руководства в недостаточной степени было отражено продвижение демократических ценностей в АСЕАН. Подобные действия, безусловно, воспринимались партнерами по Ассоциации как вмешательство во внутренние дела государств-членов с разными политическими режимами, что подрывало основы существования АСЕАН[313]. Стоит отметить, что схожей политики придерживалась и предшественница С.Б. Юдхойоно Мегавати Сукарнопутри, при президенстве которой вопросы демократизации в регионе нашли свое отражение в Балийской декларации 2003 г.[314]

---

[310] Anwar, D.F. ASEAN and Indonesia: Some reflections / D.F. Anwar. // Asian Journal of Political Science. — 1997. — Vol. 5, No. 1. — P.26.

[311] Parameswaran, P. Is Indonesia Turning Away From ASEAN Under Jokowi? — Текст: электронный // The Diplomat. 18 December 2014. — URL: https://thediplomat.com/2014/12/is-indonesia-turning-away-from-asean-under-jokowi/ (дата обращения: 01.05.2024).

[312] Juwana, H. Insight: Jokowi's foreign policy: Assertive or nationalistic? — Текст: электронный // The Jakarta Post. 25 June 2015. — URL: https://www.thejakartapost.com/news/2015/06/25/insight-jokowi-s-foreign-policy-assertive-or-nationalistic.html (дата обращения: 01.05.2024).

[313] Almuttaqi, A. Jokowi's Indonesia and the World. Jakarta / A. Almuttaqi. — Singapore: The Habibie Center, 2020. – P. 21.

[314] Elisabeth, A. Grand design kebijakan luar negeri Indonesia, 2015-2025 / A. Elisabeth. — Jakarta: Yayasan Pustaka Obor Indonesia, 2016. – P.25.

Одним из проявлений больших амбиций во внешней политике стало декларирование Джоко Видодо Индонезии в качестве «морской оси» мира[315], согласно которой «главной стратегической целью внешней политики и дипломатии на период 2015-2019 гг. объявлялось утверждение идентичности Индонезии как мировой морской державы». Для решения поставленной задачи Индонезия должна, с одной стороны, повысить роль асеаноцетричных структур в мировом сообществе и параллельно с этим усиливать роль Индонезии в АСЕАН, создавая плацдарм для утверждения себя в качестве морской державы, способствующей безопасности региона, а также главного морского хаба в Юго-Восточной Азии [316].

Для достижения поставленной цели правительство Индонезии выделило следующие задачи: 1) Возрождение исторической морской культуры; 2) Сохранение морских ресурсов и регулирование морских промыслов 3) Развитие морской инфраструктуры 4) Активизация морской дипломатии 5) Наращивание морской оборонной мощи[317].

В практическом измерении доктрина «Индонезия – морская ось мира» стала знаменованием нового этапа во внешней политике Индонезии, связанным с попыткой повысить значимость Индонезии и представить себя как ведущую державу, причем не только в региональном измерении. К основным достижениям в рамках формирования Индонезии как «морской оси мира» эксперты приписывают более активную политику в Южно-Китайском море, борьбу с пиратством, строительство новой морской инфраструктуры, а также жесткая политика по отношению к любым пересечениям акваториальных границ

[315] Inilah Prioritas Politik Luar Negeri Indonesia 5 Tahun Ke Depan. — Текст: электронный // Sekretariat Kabinet Republik Indonesia. January 2015. — URL: https://setkab.go.id/inilah-prioritas-politik-luar-negeri-indonesia-5-tahun-ke-depan/ (дата обращения: 01.05.2024).
[316] Ефимова Л.М. Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо / Л.М. Ефимова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2016. – 32-33 — С. 57.
[317] Там же. — С. 56.

Индонезии, будь то военные суда или рыболовное траулеры Китая и даже других стран Ассоциации[318].

Одновременно с этим распространён нарратив о том, что поведенческая модель Индонезии во внешней политике соответствует модели поведения держав среднего уровня[319], которая существенно влияет на региональные процессы в Юго-Восточной Азии, стремясь сохранить стабильное развитие региона путем снижения напряженности в отношениях как между региональными игроками, так и крупнейшими странами мира за счет активной политики в качестве посредника или переговорной площадки.

Схожую точку зрения на региональную политику Индонезии имеет крупнейший австралийский исследователь Юго-Восточной Азии М. Бисон. Рассматривая Индонезию в качестве державы среднего уровня, он приходит к выводам, что Индонезия, во-первых, придерживается «националистичной» внешней политики и использует свое влияние для продвижения индонезийских принципов демократии и прав человек в программные документы АСЕАН, а во-вторых, в свойственной для держав среднего уровня манере реализует свои внешнеполитические цели за счет международных форматов[320].

Между тем отдельные исследователи отмечают, что приоритеты для Индонезии как державы среднего уровня отличались. Так, в период президентства Сусило Бамбанг Юдойоно Индонезия стремилась в первую очередь закрепить свой лидирующий статус в регионе через доминирование в региональных организациях и модерирование межгосударственных конфликтов в регионе. В то же время после прихода к власти президента Джоко Видодо Индонезия перешла к более амбициозным целям через ревизию текущей внешней политики в

---

[318] Santoso, D., Nafisah F. Indonesia's Global Maritime Axis Doctrine: Security Concerns and Recommendations / D. Santoso, F. Nafisah. // Jurnal Hubungan Internasional. — 2017. — Vol. 10, No. 3. — P. 191-203.

[319] Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов / В.В. Вершинина // Сравнительная политика. — 2020. — № 3. — С. 25-40.; Karim, M.F. Middle Power, Status-seeking and Role Conceptions: the Cases of Indonesia and South Korea / M.F. Karim. // Australian Journal of International Affairs. — 2018. — Vol. 74, No. 4. — P. 343-363.

[320] Unlikely allies? Australia, Indonesia and the strategic cultures of middle powers / M. Beeson, M Bloomfield, A Wicaksana. // Asia & the Pacific Policy Studies. — 2021. — Vol. 17, No. 2. — P. 185.

международных форматах[321], где Индонезия могла бы себя проявить как держава с более весомым потенциалом, в частности, Группе двадцати, БРИКС и Организации исламского сотрудничества (ОИС).

Группа двадцати – одна из важных глобальных площадок для обсуждения экономических вопросов, которая вместе с тем с каждым годом вбирает в себя все новые форматы, расширяя свою повестку и список вопросов обсуждения между двадцати крупнейшими мировыми игроками[322].

Роль Группы двадцати стала повышаться после финансового кризиса 2008 г., когда стало очевидно, что формат Группы семи недостаточен для разрешения глобальных проблем и необходимо привлечение «Глобального Юга» для сбалансированной и разумной стратегии в мировом масштабе. На момент первых заседаний Группы двадцати Индонезия боролась с острым кризисом экономического неравенства, проблемами стабилизации экономики и повышения благосостояния населения, где на момент 2010 г. около 45% населения жили меньше, чем на 2 доллара в день[323]. В 2010 г. Индонезия стремилась, с одной стороны, обеспечить необходимую финансовую поддержку для развивающихся стран с помощью активизации создания различных фондов развития, а с другой стороны, закрепляла роль АСЕАН в качестве постоянного участника обсуждений на высоком уровне[324].

Индонезийское руководство последовательно придерживалось данной стратегии к моменту своего председательства в 2022 г., которое стало одним из переломных этапов для форума, а для президента Индонезии Джоко Видодо стало проверкой на прочность его политики повышения значимости Индонезии на

---

[321] Haluan Baru Politik Luar Negeri Indonesia: Perbandingan Diplomasi ‘Middle Power’ Susilo Bambang Yudhoyono dan Joko Widodo / Rizky Alif Alvian, Ganesh Cintika Putri, Irfan Ardhani. // Jurnal Hubungan Internasional. — 2018. — Vol, 6, No. 2. — P. 154.

[322] С 2023 г. 21-м членом форума стал Африканский союз. Подробнее: URL: https://www.g20.in/en/about-g20/about-g20.html

[323] Zamroni, S. Indonesia in the G20: Benefits And Challenges Amidst National Interests and Priorities / S. Zamroni. // G20 - Perceptions and Perspectives for Global Governance / W. Hofmeister. — Singapore: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2010. — P.101.

[324] Ibid. – P.104.

мировой арене[325]. Несмотря на серьезные противоречия между участниками по глобальным политическим вопросам, Индонезия убедила все стороны в необходимости прийти к компромиссу и утверждению Балийской декларации Группы двадцати[326], что безусловно подчеркивает способность Индонезии выступать в качестве посредника в конфликте мировых держав.

Схожие цели преследует Индонезия и в БРИКС, став полноценным участником данного форума с 2025 г. Президент Индонезии Прабово Субианто подчеркнул, что еще с 2014 г. во время своей первой предвыборной президентской кампании планировал стать полноправным членом объединения в случае своего избрания[327].

Оценки перспектив участия Индонезии в БРИКС с точки зрения практической выгоды разнятся. С одной стороны, в последние время БРИКС все чаще обозначается в СМИ как антизападное объединение, которое своей целью ставит изменить текущий порядок в мировой политике и экономике, основанной в большинстве своем на прозападных институтах. По мнению отдельных экспертов, вступление Индонезии в БРИКС может подорвать отношения с западными государствами и организациями, в части, повлиять на успех вступления Индонезии в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также вызвать сомнения в следовании принципам активной и независимой внешней политики[328].

С другой стороны, активизация сотрудничества со странами БРИКС может увеличить рост экономики до 7-8% в год за счет расширения экспортных рынков, а также расширит возможности в плане передачи технологий и привлечения

---

[325] Куклин Н.С. Председательство Индонезии в G20: новая заявка на глобальное лидерство. — Текст: электронный / Н.С. Куклин // РСМД. 10 марта 2022. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/predsedatelstvo-indonezii-v-g20-novaya-zayavka-na-globalnoe-liderstvo/ (дата обращения: 01.05.2024).

[326] Балийская декларация лидеров «Группы двадцати». — Текст: электронный // Кремль. Ноябрь 2022. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/69844 (дата обращения: 01.05.2024).

[327] Indonesian President Says Wanted Country to Join BRICS Since 2014. — Текст: электронный // Sputnik International. — URL: https://sputnikglobe.com/20241118/indonesian-president-says-wanted-country-to-join-brics-since-2014-1120916469.html (дата обращения: 25.04.2025).

[328] Ramezani, F. Indonesia’s Approach to BRICS: Opportunities and Membership Potential. — Текст: электронный // ASEAN Briefing. — URL: https://www.aseanbriefing.com/news/indonesias-approach-to-brics-opportunities-and-membership-potential/ (дата обращения: 25.04.2025).

инвестиций в широкий спектр секторов национальной экономики: от инфраструктуры до развития возобновляемых источников энергии[329].

С учетом вышеизложенного, результаты от вхождения в БРИКС будут понятны лишь спустя время. Тем не менее, данный шаг можно считать одним из подтверждений ранее высказанного предположения относительно изменений во внешней политики Индонезии относительно своего положения в мире. Как отмечал Э. Супарно, вице-председатель Парламента Индонезии, «Членство в БРИКС является стратегически важным шагом для Индонезии по усилению своего влияния на мировой арене»[330], что можно оценивать как ключевой фактор при принятии решения по данному вопросу.

Еще одним важным инструментов повышения глобальной значимости Индонезии стоит рассматривать ОИС, где Индонезия последовательно повышала свою роль с момента существования Организации Исламская Конференция, предшественницы ОИС, выступая в роли посредника в решениях конфликтов и участвуя в обсуждении любых острых для ОИС вопросов примирения не только на территории Юго-Восточной Азии, но и за ее пределами[331]. Для Юго-Восточной Азии ОИС является важным партнером в вопросах посредничества в таких сложных узлах противоречий, как проблема сепаратизма мусульман на филиппинском острове Минданао, а также притеснение рохинджа в Мьянме[332].

Индонезия в этой связи преследует свои национальные интересы, связанные с повышением престижа государства среди мусульманских стран, а также для продвижения своих подходов в конфликтах с участим мусульман. Ярким примером данной политики стоит отнести уже упомянутый конфликт в Мьянме.

---

[329] Muratshina, K. Indonesia’s Accession to BRICS: The Non-Western World Continues to Consolidate. — Текст: электронный // New Eastern Outlook. — URL: https://journal-neo.su/2025/01/28/indonesias-accession-to-brics-the-non-western-world-continues-to-consolidate/ (дата обращения: 25.04.2025).

[330] BRICS membership to boost Indonesia's influence: MPR. — Текст: электронный // Antara News. — URL: https://en.antaranews.com/news/340694/brics-membership-to-boost-indonesias-influence-mpr (дата обращения: 25.04.2025).

[331] Хохлова Н.И. Участие Индонезии в Организации исламского сотрудничества в контексте общей внешнеполитической линии страны: 1990-2012 гг. / Н. И. Хохлова. // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 2(27). – С. 11-17.

[332] Grzywacz. A. Indonesia’s (inter)national role as a Muslim democracy model: effectiveness and conflict between the conception and prescription roles / A. Grzywacz. // The Pacific Review. — 2020. — Vol. 33, No. 5. — P.16.

Индонезия в АСЕАН столкнулась с двойственной позицией ее членов относительно поддержки стороны в кровопролитном конфликте на почве религиозной сегрегации населения в Мьянме. АСЕАН ввиду ограниченности своих механизмов консенсусом не смогла прийти к единому решению, что не позволило Индонезии через АСЕАН проводить однозначную поддержку мусульман в Мьянме, в то время как ОИС, выразивший однозначную поддержку беженцам рохинджа стал важным и действенным механизмом направления гуманитарной и иной помощи, что одновременно повышало авторитет руководства страны в глазах населения Индонезии и среди стран ОИС, как одного из защитников ислама в мире[333].

Политический кризис 2021 г. в Мьянме стал новым витком долгого внутриполитического конфликта, происходящего как из политических, так и социально-этнических причин. Временное военное правительство после очередных выборов в феврале 2021 г. объявило чрезвычайное положение на год в соответствии конституцией государства. Однако, резко негативная реакция населения и оппозиции привела к гражданскому противостоянию в стране и до настоящего времени происходят столкновения между частями регулярной армии центрального правительства и множеством вооруженных оппозиционных групп[334]. На фоне этого от АСЕАН как главной институциональной структуры в Юго-Восточной Азии требовали более решительных мер по урегулированию политического кризиса одного из своих членов[335]. Здесь примечательно мнение индонезийских экспертов, чья позиция заключается в продвижении новому режиму в Нейпьидо индонезийской модели демократического управления с

[333] Jati, I. Comparative Study of the Roles of ASEAN and the Organization of Islamic Cooperation in Responding to the Rohingya Crisis / I. Jati. // The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies. — 2017. — Vol. 1, No. 1. — P.28.
[334] Ефремова К.А. Поствыборный кризис в Мьянме / К. Ефремова // Пути к миру и безопасности. – 2021. – № 1(60). – С. 89-98.
[335] Ефремова К.А. О ситуации вокруг Мьянмы и её членстве в АСЕАН. — Текст: электронный / К.А. Ефремова // Институт Китая и современной Азии РАН. 1 ноября 2022. — URL: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/4be31d30.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

сохранением заметной роли военных в политических процессах[336]. Примечательна данная позиция по двум причинам. Во-первых, она отвергает один из основных принципов АСЕАН о невмешательстве во внутренние дела государств-членов АСЕАН, что стало следствием отсутствия значимого успеха в реализации «Консенсуса из пяти пунктов»[337], соглашения между переходным правительством военных в Мьянме и руководством стран АСЕАН об условиях нормализации ситуации в Мьянме, в котором были положения о немедленном прекращении огня и начале диалога между всеми сторонами конфликта[338].

Индонезии, по мнению индонезийских ученых, необходимо больше проявить свои лидерские качества в АСЕАН и помочь Мьянме в процессе демократического перехода, который может пройти по схожему пути, что был в самой Индонезии[339]. На фоне данной позиции примечательно альтернативное, по сравнению с индонезийским, утверждение австралийских исследователей, где Индонезия рассматривается как страна, которая в разные периоды времени имела все основания стать одной из первых мусульманских стран со стабильным демократической режимом правления западного образца[340]. Вместе с тем здесь же подчеркивается, что Индонезия становится более консервативным и менее демократичным государством, а пример, который она может подать Мьянме и другим странам Юго-Восточной Азии скорее негативный[341] и связан с

[336] Indonesia's Approach Toward Myanmar's Crisis: Understanding the Different Perspectives of the Democracy Process in Indonesia and Myanmar and the Role of the Military / Aswin Ariyanto Azis, Firstyarinda Valentina Indraswari, Annisa Ridhatul Khatimah, A. Qalbi Faathimah Azzahra. // Jurnal Hubungan Internasional. — 2023. — Vol. 12, No. 1. — P.73.
[337] Yang, A. T. Y. Indonesia pushes for peace in Myanmar. — Текст: электронный // EastAsiaForum. 2 June 2023. — URL: https://eastasiaforum.org/2023/06/02/indonesia-pushes-for-peace-in-myanmar/ (дата обращения: 01.05.2024).
[338] Ефремова К.А. О ситуации вокруг Мьянмы и её членстве в АСЕАН. — Текст: электронный / К.А. Ефремова // Институт Китая и современной Азии РАН. 1 ноября 2022. — URL: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/4be31d30.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[339] Indonesia's Approach Toward Myanmar's Crisis: Understanding the Different Perspectives of the Democracy Process in Indonesia and Myanmar and the Role of the Military / Aswin Ariyanto Azis, Firstyarinda Valentina Indraswari, Annisa Ridhatul Khatimah, A. Qalbi Faathimah Azzahra. // Jurnal Hubungan Internasional. — 2023. — Vol. 12, No. 1. — P. 74
[340] Fealy, G. Islam in Australia-Indonesia Relations: Fear, Stereotypes and Opportunity / G. Fealy // Strangers Next Door? Indonesia and Australia in the Asian Century / Ed. by Lindsey, T., McRae, D. Portland. — Hart: Hart Publishing, 2018. — P.149 — 155.
[341] Ranshaw, C. Indonesia, Australia and ASEAN / C. Ranshaw // Strangers Next Door? Indonesia and Australia in the Asian Century / Ed. by Lindsey, T., McRae, D. Portland. — Hart: Hart Publishing, 2018. — P. 169 — 178.

увеличивающейся ролью ислама в стране и обществе, а также запросом населения на повышение роли ислама как во внутренней, так и внешней политике[342].

В этой связи стоит отдельно рассмотреть роль ислама в формировании региональной политики Индонезии. Так, Ризал Сукма отмечает очень существенное влияние ислама на внешнюю политику Индонезии. Данный феномен он объясняет набором демографических, социальных и внешнеполитических факторов, которые в совокупности влияют на решения правительства в вопросах двустороннего сотрудничества. В качестве примера Р. Сукма указывает на поддержку Палестины в арабо-израильском конфликте[343].

Рассматривая ислам и его влияние на Индонезию, эксперты отмечают дуализм во внешней политике, который заключается в противоречии между традиционными для Индонезии принципами «независимой и активной» дипломатии, установленной еще в период основания Республики Сукарно и попытками связать свою дипломатию с обязательствами перед мусульманскими странами, в отношении с которыми Индонезия стремится к тому, чтобы получить лидерские позиции будучи крупнейшей по численности мусульманской страной мира. По мнению Р. Сукмы, ярким проявлением дуализма стал пример политической линии руководства Индонезии по отношению к исламскому меньшинству в южной части Филиппин. Индонезия не стала поддерживать откровенно экстремистские лозунги исламских групп и поддержала филиппинское правительство, сославшись на принципы невмешательства во внутренние дела государства. Он отмечает, что «Индонезия отчетливо отдает приоритет стабильной деятельности АСЕАН»[344]. Схожие мотивы прослеживаются и через 15 лет после публикации исследования Р. Сукмы, где уже Деви Фортуна Анвар подтверждает дуализм индонезийской политики и трудности по совмещению демократического пути, поддержки исламских групп и государств и

[342] Каблуков К. С. Президентские выборы и проблемы демократии в Индонезии / К. С. Каблуков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 2(24). – С. 194.
[343] Sukma, R. Islam in Indonesian Foreign Policy / R. Sukma. —New York: Routledge, 2003. — P.48.
[344] Ibid. — P.142.

продвижению национальных интересов в региональной политике Индонезии, отмечая её усилия на пути к лидерству в исламском мире[345].

Разделяют позицию Р. Сукмы и российские исследователи индонезийского национализма и ислама М.Н. Гусев и М.В. Кирчанов. Подчеркивая все большее влияние ислама на политические процессы в Индонезии, власти все чаще обращаются к данному феномену как причине продвигать свои интересы на региональном и глобальном уровнях в международных организациях[346]. Н.С. Куклин отмечает, что главными точками исламского вектора внешней политики Индонезии на современном этапе стали Палестина и Мьянма, где для бывшего президента Индонезии Джоко Видодо виделась очевидная проблема совмещения региональных интересов и исламской повестки. Последнее же активно использовалось политическими оппонентами Джоко Видодо[347].

Д. Вэверби подчеркивает, что индонезийское руководство использует глубокое социальное влияние ислама в Индонезии для активизации своей внешней политики в части исламского международного сотрудничества и урегулирования кризисов с участием мусульманских стран. Если до 2014 г. работа в данном направлении велась в основном в русле гуманитарной поддержки мусульманских общин на Филиппинах и Таиланде, а также продвижения идеи примирения центрального правительства и мусульманских меньшинств в Мьянме[348], то с приходом к власти Джоко Видодо Индонезия стала активным участником урегулирования на Ближнем и Среднем Востоке, активизировав в

---

[345] Anwar, D. F. Values in Indonesian Foreign Policy: Independent and Active Doctrine / D. Anwar // Values in Foreign Policy: Investigating Ideals and Interests / J. Mayall, K. Srinivasan, S. Pulipaka. — Lanham: Rowman & Littlefield International, 2019 — P. 186.

[346] Гусев М.Н., Илюточкин А.С. Индонезия стремится повысить свою роль в мусульманском мире. — Текст: электронный / М.Н. Гусев, А.С. Илюточкин // Институт Ближнего Востока. 17 апреля 2017. — URL: http://www.iimes.ru/?p=34095 (дата обращения: 01.05.2024).

[347] Куклин Н.С. Влияние религиозно-политических факторов на внешнюю политику Индонезии в период президентства Джоко Видодо / Н.С. Куклин. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. – №2. – С.103—112.

[348] Weatherbee, D. Indonesia in ASEAN Vision and Reality / D. Weatherbee. — Singapore: ISEAS Publishing, 2013. — P.42.

2016 г. свою деятельность в вопросе признания независимости Палестины и выступив в качестве посредника между Ираном и Саудовской Аравии[349].

Таким образом, Индонезия оказала существенное влияние при создании АСЕАН и формировании асеаноцентричного регионального порядка в Юго-Восточной Азии.

Руководствуясь принципами активной и независимой внешней политики, Индонезии удалось привнести в АСЕАН принципы уважения суверенитета и независимости как внутри Ассоциации, так и с внерегиональными державами. Одновременно с этим Индонезия даже ценой ущерба собственных интересов стремилась закрепить за АСЕАН и ее площадками безальтернативное положение в Юго-Восточной Азии, а затем активно продвигать данный подход и в Восточной Азии[350].

Тем не менее, вместе с глобальными процессами трансформации международной системы в постбиполярном мире одновременные процессы переориентации своей внешней политики происходят и в Индонезии. В условиях растущего влияния глобальных форматов взаимодействия индонезийское руководство проводит активную международную политику, расширяя свое присутствие и заявляя о себе как ведущей державе, используя АСЕАН как одно из средств для достижения поставленной цели.

Выводы к Главе 2

АСЕАН прошла большой путь становления от неформального союза до полноценного регионального объединения, на котором принимаются решения по вопросам политического и экономического развития в Юго-Восточной Азии.

В начале своего пути АСЕАН столкнулась с рядом проблем, связанных с различиями между странами-участницами в экономической, политической, этнической и культурной сферах. Эти различия во многом сохраняются и сейчас.

---

[349] Weatherbee, D. Understanding Jokowi's foreign policy / D. Weatherbee. — Singapore: ISEAS Publishing, 2016 — P. 14.

[350] Каблуков К. С. Региональная политика Индонезии в фокусе национальных исследовательских школ: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 406–417. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-406-417.

Однако, несмотря на критику, АСЕАН удалось постепенно интегрировать все страны Юго-Восточной Азии и сформировать действующий подход к поддержанию региональной стабильности.

В конечном итоге АСЕАН стал организацией с развитой структурой управления, которая стремится отражать интересы всех участников. Основополагающие принципы Ассоциации включают уважение к каждому участнику и его суверенитету, отказ от применения силы при разрешении конфликтов, а также центральную роль АСЕАН в вопросах развития Юго-Восточной Азии, которая позже стала обозначаться термином асеаноцентричность. Данный подход стал основой для взаимодействия и с внерегиональными странами, которые должны были принять правила АСЕАН для участия в региональных процессах в Юго-Восточной Азии, а также последующим процессом продвижения асеаноцентричности в макрорегиональном масштабе, а именно в Восточной Азии.

В рамках существующего регионального порядка, основанного на центральной роли АСЕАН, примечательно место Индонезии, которая, будучи одной из основательниц АСЕАН, оказывает непосредственное влияние на Ассоциацию и региональные процессы.

Индонезийская региональная политика постоянно адаптируется к мировой системе международных отношений. Тем не менее, внешняя политика Индонезии, сформировавшись с момента обретения независимости, неизменно придерживается принципов активной и независимой дипломатии.

Индонезия играет важную роль в АСЕАН и формировании асеаноцентричного регионального порядка в Юго-Восточной Азии. Страна предлагала свои подходы к взаимодействию как между членами АСЕАН, так и в диалоге с крупными державами. Одновременно с этим Индонезии прилагала большие усилия для установления такого регионального порядка, который будет базироваться на индонезийских ценностях и признаваться универсальными в Юго-Восточной Азии.

В связи с этим любые события в регионе, которые будут противоречить индонезийскими национальным интересам в совокупности с внутриполитическим запросом на повышение значимости Индонезии в мире неизбежно приводят к изменению региональной политики Индонезии и ее взаимодействия с АСЕАН, которая остается краеугольном камнем политической жизни региона.

Глава 3. Индонезия в процессах регионализации и макрорегионализации в Азии на современном этапе

Данная глава рассматривает процессы регионализации в Юго-Восточной Азии за прошедшее десятилетие, в котором АСЕАН и Индонезия были вынуждены реагировать на новые вызовы для асеаноцентричного регионального порядка.

После распада биполярной системы в 90-ых гг. XX в. в управлении региональными процессами в Юго-Восточной Азии образовался вакуум, который начал постепенно заполняться асеаноцентричными структурами и площадками. Так, в течение первого десятилетия XXI в. АСЕАН определяла региональную повестку в Юго-Восточной Азии. Однако, новый виток противостояния великих держав в АТР и Восточной Азии привел к активизации процессов трансформации регионального пространства. Проявления данного процесса многогранны, они включают как активизацию двустороннего сотрудничества великих держав со странами АСЕАН и попытки втянуть их в свою орбиту влияния, так и создание новых многосторонних форматов, которые отчасти дублируют функции АСЕАН в Юго-Восточной Азии.

В первой части представленного анализа особое внимание будет уделено взаимоотношениям АСЕАН и Индонезии с КНР, США и Россией. Другие влиятельные игроки в регионе – Япония, Индия, Европейский Союз и Австралия будут рассматриваться менее подробно ввиду их ограниченного влияния на современные региональные процессы.

Отдельно будут рассмотрены организации, стоявшие у истоков АСЕАН и новые «альтернативные» проекты по объединению Юго-Восточной Азии уже в рамках более крупной макрорегиональной конструкции. Оценки неудач первых проектов интеграции Юго-Восточной Азии необходимы для определения предпосылок для возможного сотрудничества между странами Юго-Восточной Азии, а также причин привлекательности АСЕАН в качестве основы для регионального порядка. Эти данные смогут помочь в дальнейшем при анализе уже вопроса о размывании асеаноцентричного регионального порядка и

возможных причинах, по которым АСЕАН может уступать новым форматам взаимодействия

Целью данной главы является анализ вышеуказанных процессов, их причины и последствия для сохранения АСЕАН центральной роли в управлении региональными процессами. Вместе с тем, основное внимание в главе уделяется Индонезии, которая находится в процессе определения своих национальных интересов и стратегии в соответствии с трансформирующимся региональным пространством.

3.1. Усиление противоречий ведущих держав в Юго-Восточной Азии: последствия для АСЕАН и Индонезии

Юго-Восточная Азия в силу своего географического расположения была ареной противостояния между великими державами со времен колониальных войн. После обретения независимости странами Юго-Восточной Азии во второй половине XX в. в мире настала новая эпоха взаимоотношений в условиях противостояния СССР и США. Вместе с тем с окончанием холодной войны в 1989 г. и с распадом биполярной системы международных отношений в регионе все четче стали проявляться интересы крупных экономических и политических игроков в новом формирующимся мировом порядке.

Соединенные Штаты Америки, несмотря на свою географическую удаленность от региона с конца XIX в. активно вели свою внешнюю политику в Юго-Восточной Азии. Оккупация Филиппин (1907-1946 гг.), война во Вьетнаме (1965-1973 гг.), создание СЕАТО (1955-1977 гг.) оказали серьезное влияние на политические процессы в регионе. Тем не менее, вслед за агрессивной политикой середины XX в. в истории американской внешней политики наступил выжидательный период. Лишь в 2008 г. с приходом Барака Обамы в Белый Дом начался новый этап в развитии отношений США и Юго-Восточной Азии. Желание укрепить двусторонние связи было отчасти взаимным, так как, с одной стороны, глобалистская политика президента США требовала концентрации внимания на Азиатско-Тихоокеанском регионе, а с другой стороны, желание

стран Юго-Восточной Азии найти противовес набирающему силы и влияние Китаю.

Противостояние США и КНР в Юго-Восточной Азии пролегает в экономическом и политическом измерениях. С военно-политической точки зрения США определяет Китай как основную угрозу для своих интересов в регионе, что было неоднократно высказано как представителями администрации избранного в 2024 г. президента Д. Трампа[351], так и американским разведывательным сообществом[352].

Активизация политики США в Юго-Восточной Азии в XXI в. началась с объявления в 2002 г. Президентом США Дж. Буш мл. открытия в регионе второго фронта борьбы с международным терроризмом и направления 660 американских военнослужащих на Филиппины[353]. В последствии ключевым вопросом внешней политики США в Юго-Восточной Азии, помимо борьбы с терроризмом, станет территориальный конфликт в Южно-Китайском море, вовлекший в себя многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Госсекретарь США Хиллари Клинтон в 2011 г. озвучила позицию США в вопросе о статусе Южно-Китайского моря, где указала на то, что Соединенные Штаты приложат все усилия для сохранения свободного прохода всех судов в акватории, а также будут противостоять односторонним действиям Китая и побуждать всех участников конфликта содействовать подготовке и подписанию Кодекса поведения в Южно-Китайском море[354]. Здесь стоит отметить, что привлечение США к вопросам региональной безопасности в Юго-Восточной Азии было востребовано и со стороны АСЕАН,

---

[351] Trump VP Pick Vance Says China Is the ‘Biggest Threat’ to US. — Текст: электронный // Bloomberg. — URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-07-16/trump-s-vp-pick-vance-says-china-is-the-biggest-threat-to-us (дата обращения: 07.05.2025).

[352] Intelligence chiefs pinpoint China as U.S.’s “unparalleled priority”. — Текст: электронный // NBC News. — URL: https://www.nbcnews.com/nightly-news/video/intelligence-chiefs-pinpoint-china-as-u-s-s-unparalleled-priority-164743237854 (дата обращения: 07.05.2025).

[353] Gershman, J. Is Southeast Asia the Second Front? — Текст: электронный // Foreign Affairs. July/August 2002. — URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/fa/fa_julaug02g.html (дата обращения: 18.02.2026).

[354] Testimony by Joseph Yun. The Rebalance to Asia: Why South Asia Matters (Part 1). — Текст: электронный // U.S. Department of State. February 2013. — URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/02/205208.htm (дата обращения: 01.05.2024).

так как США впервые активно приняли участие в заседании Ассоциации в 2010 г. по приглашению вьетнамской стороны[355].

Согласно обновлённому докладу Исследовательской службы Конгресса, посвящённому стратегическому соперничеству США и Китая в Южно-Китайском море от 2024 г. США, с одной стороны, оказывают давление на Китай с целью их отказа от расширения военной инфраструктуры и проведения военных маневров в Южно-Китайском море и на спорных с другими странами островах, а с другой стороны, призывают к свободному мореплаванию военных судов США и других стран в акватории Южно-Китайского моря[356].

К 2017 г. обострение двусторонних противоречий между Китаем и США стали поводом для начала крупномасштабной кампании по сдерживанию Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, результатом которой стало создание Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD). Основные задачи данного неформального объединения были выражены годом ранее японским премьером С. Абэ в Токио[357] и позже отразились в Стратегии национальной безопасности США[358], где вопросы азиатской региональной безопасности рассматриваются в терминах Индо-Тихоокеанского региона – геостратегического формата, отличного от ставших к настоящему времени традиционными представлениях о формате АТР. Смещение акцентов с АТР на ИТР не было случайным. Это было необходимо США для правильного фокуса внешнеполитических задач в Азии, так как в рамках ИТР основным вызовом представляется нарастающая экономическая и политическая мощь КНР и ее подавление.

---

[355] Yang F. The South China Sea Disputes: Whither a Solution? / F. Yang // Territorial Disputes in the South China Sea / Ed. by Jing, H., Billo. — New York: Palgrave Macmillan, 2015. — P. 170.

[356] U.S.-China Strategic Competition in South and East China Seas: Background and Issues for Congress. — Текст: электронный // Congressional Research Service. August 2024. — URL: https://sgp.fas.org/crs/row/R42784.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

[357] Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Opening Session of the Sixth Tokyo International Conference on African Development (TICAD VI). — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Japan. August 2016. — URL: https://www.mofa.go.jp/afr/af2/page4e_000496.html (дата обращения: 01.05.2024).

[358] National Security Strategy of the United States of America. — Текст: электронный // The White House. December 2017. — URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

Для достижения данной цели США углубляют сотрудничество со своими союзниками в регионе, к которым американские эксперты относят Японию, Филиппины, Австралию, а также потенциальными партнерами: Вьетнамом, Индонезией и Индией[359]. Другим механизмом выстраивания успешного соперничества с Китаем американские эксперты считают наложение политических/экономических/репутационных последствий за каждое недружественное действие к США («Cost-Imposing Actions»)[360].

В экономике противостояние более активное и имеет тенденцию к обострению. За последние 15 лет США периодически вводили и снимали торговые ограничения на различные сферы китайской промышленности и финансов, в частности, полупроводниковую отрасль, китайский рынок ценных бумаг и военно-промышленный комплекс[361]. Президент США (2021-2024 гг,) Дж. Байден охарактеризовывал американо-китайские отношения как «ожесточенная конкуренция», которые не должны перейти в стадию конфликта[362]. События начала 2025 г., а именно введение взаимных пошлин в размере более 100%[363] стали новым витком обострения отношений между двумя странами и являются в том числе отражением несогласия США с политикой КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Все большее экономическое влияние Китая в Юго-Восточной Азии сокращает инвестиционные и экономические возможности для американского бизнеса в регионе, что и находит свое отражение в политическом и экономическом соперничестве за страны АСЕАН.

В 2008 г. США стали первой страной не из АСЕАН, отправившей своего постоянного представителя в секретариат при Ассоциации, а в 2010 г. было открыто постоянное представительство США при секретариате АСЕАН в

---

[359] Ibid. P. 25.
[360] Ibid. P. 22.
[361] Новая реальность индо-тихоокеанского пространства / под общей ред. В.В. Михеева ; отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. – Москва : ИМЭМО РАН, 2023. – С. 44-52.
[362] Bose, N., Nangoy, F. U.S. Seeks no Conflict with China, says Biden as G20 leaders gather. — Текст: электронный // Reuters. 12.11.2022. URL: https://www.reuters.com/world/biden-says-wont-veer-into-conflict-with-china-firstsummit-ends-asia-2022-11-13/ (дата обращения: 28.02.2024).
[363] https://www.nytimes.com/2025/04/16/world/asia/china-trump-tariffs-students.html

г. Джакарте[364]. В 2015 г. АСЕАН и США подняли уровень своих отношений до стратегического партнёрства[365], а в 2022 г. в г. Пномпене объявили о придании отношениям статуса всеобъемлющего стратегического партнерства[366]. В следующем году был подписан план совместных действий до 2020 г., который был успешно выполнен[367] и сформирован новый до 2025 г.

Активизировались экономические связи с большинством стран Юго-Восточной Азии. С 2008 г. размер прямых инвестиций США в страны АСЕАН увеличился в два раза и достиг 476 млрд долларов, что больше суммарных инвестиций США в экономики Китая, Индии, Японии и Южной Кореи вместе взятых[368]. Кроме того, со стороны стран АСЕАН также прослеживается рост инвестиций в экономику США на 250%, однако их объем в несколько раз меньше американских[369].

Важно отметить, что экономические отношения АСЕАН и США институализированы. Страны поддерживают активные связи как в двустороннем (деловой совет АСЕАН-США), так и в многостороннем форматах. К последним можно отнести асеановские структуры (Региональный форум АСЕАН по безопасности, Восточноазиатский саммит).

Другой важной составляющей внешней политики США является публичная дипломатия. В этом направлении США создали широкий ряд программ культурных и научных обменов. С одной стороны, существуют программы студенческой мобильности, с другой стороны, есть программы для повышения

---

[364] Mazza, M. An American Strategy for Southeast Asia / M. Mazza. —Washington: American Enterprise Institute, 2018. – 44 p.

[365] Joint Statement on the ASEAN-U.S. Strategic Partnership. — Текст: электронный // The White House. November 2015. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/21/joint-statement-asean-us-strategic-partnership (дата обращения: 01.05.2024).

[366] ASEAN-U.S. Leaders' Statement on the Establishment of the ASEAN-U.S. Comprehensive Strategic Partnership. — Текст: электронный // The White House. November 2015. — URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/12/asean-u-s-leaders-statement-on-the-establishment-of-the-asean-u-s-comprehensive-strategic-partnership/ (дата обращения: 18.02.2026).

[367] ASEAN, US to further strategic partnership for mutual benefit. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://asean.org/asean-us-to-further-strategic-partnership-for-mutual-benefit/ (дата обращения: 01.05.2024).

[368] US Investment in ASEAN Hits Record High, Outstripping Traditional Markets. — Текст: электронный // KW Group. — URL: https://www.kwglobaltrade.com/post/us-investment-in-asean-hits-record-high-outstripping-traditional-markets (дата обращения: 07.05.2025).

[369] An Overview of US Trade and Investment in ASEAN. — Текст: электронный // ASEAN Briefing. — URL: https://www.aseanbriefing.com/news/an-overview-of-us-trade-and-investment-in-asean/ (дата обращения: 07.05.2025).

квалификации государственных служащих АСЕАН. Такой охват позволяет влиять как на текущие процессы в политике, науке и культуре, так и на перспективы дальнейшего сотрудничества, поощряя как молодежь, так и текущие элиты активно сотрудничать и копировать американскую модель общества. С 2011 г. США совместно с Брунеем обучают английскому языку государственных служащих в странах АСЕАН. В том же году запущена система ежегодных консультаций США и АСЕАН по науке и технологиям. С 2012 г. работает программа Фулбрайт для академических обменов. С конца 2013 г. действует программа для молодых лидеров в странах Юго-Восточной Азии «Young Southeast Asian Leaders Initiative», к 2024 г. в этой программе приняло участие более 150 тысяч молодых людей из стран АСЕАН[370].

На этом фоне отношения Индонезии и США представляют особый интерес для исследователей в виду их подхода во внешней политики Индонезии, которая предполагает нейтралитет и внеблоковый статус государства.

Отношения США и Индонезии на современном этапе вот уже более, чем два десятилетия позитивно развиваются во всех сферах, включая вопросы безопасности и военного сотрудничества. Считается, что импульсом для активизации двустороннего сотрудничества стало неравнодушное отношение президента США Барака Обамы (2008-2016 гг.) к данному островному государству ввиду наличия большого числа родственников, происходящих из Индонезии. По мнению бывшего министра иностранных дел М. Наталегавы, никто из американских президентов не понимал так глубоко значимость Индонезии для США как Барак Обама[371].

Подтверждением его слов стало подписание ряда документов о двустороннем сотрудничестве, а также особое внимание администрации президента США к Индонезии в вопросах безопасности и стратегического

[370] Young Southeast Asian Leaders Initiative (YSEALI). — Текст: электронный // US Embassy & Consulates in Indonesia. 2024. — URL: https://id.usembassy.gov/young-southeast-asian-leaders-initiative-yseali/ (дата обращения: 18.02.2026).

[371] Pivotal Player: Marty Natalegawa and U.S.-Indonesia Relations. — Текст: электронный // CSIS. 27 August 2021. — URL: https://www.csis.org/analysis/pivotal-player-marty-natalegawa-and-us-indonesia-relations (дата обращения: 01.05.2024).

планирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 2010 г. президент США Барак Обама и президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно подписали декларацию о всеобъемлющем партнерстве между США и Индонезией[372]. Документ предполагал развитие демократического режима в Индонезии и лишь незначительно касался вопросов регионального устройства, подтверждая ценность формата США-АСЕАН, а также приверженность американского президента к решению региональных вопросов на асеановских площадках.

Новый виток развития двусторонних отношений произошел в 2015 г., когда было подписано соглашение о стратегическом партнерстве, где уже более конкретно были очерчены рамки сотрудничества, в частности, в вопросах безопасности на суши и море[373]. Вместе с тем справедливо будет отметить, что американское правительство при Обаме вело очень гибкую к своим потенциальным союзникам политику, соотнося свои амбиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе с целями своих партнеров. Так, можно заметить, что при разработке документа о стратегическом партнерстве с Индонезией, США не пренебрегали национальными интересами Индонезии, в частности, отметили свою поддержку объявленному курсу избранного в 2014 г. президента Индонезии Джоко Видодо по формированию государства в качестве «морской оси мира»[374]. Другим подтверждением особого отношения США к Индонезии можно считать выделение Индонезии среди трех других стран Юго-Восточной Азии (Вьетнама и Малайзии) в Стратегии национальной безопасности США от 2010 г.[375] в качестве одной из ключевых стран, с кем США необходимо

---

[372] Joint Declaration on the Comprehensive Partnership between the United States of America and the Republic of Indonesia. — Текст: электронный // The White House. February 2015. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2010/11/09/joint-declaration-comprehensive-partnership-between-united-states-americ (дата обращения: 01.05.2024).

[373] Joint Statement by the United States of America and the Republic of Indonesia. — Текст: электронный // The White House. October 2015. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/10/26/joint-statement-united-states-america-and-republic-indonesia (дата обращения: 01.05.2024).

[374] Ibid.

[375] National Security Strategy of the United States of America. — Текст: электронный // The White House. February 2010. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

укреплять отношения для перегруппировки сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Американо-индонезийские отношения в период первого срока президентства Д. Трампа (2016-2021 гг.) примечателен тем, что в этот период проявился основополагающий принцип индонезийской внешней политики, который заключается в приверженности Индонезии мирному разрешению вопросов безопасности и территориальной целостности, а также отказу от выбора сторон во время противостояния великих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, в период президентства Д. Трампа он не посетил Индонезию с государственным визитом, как и Джоко Видодо не был в период президента Д. Трампа в Вашингтоне. Американский Центр стратегических и международных исследователей приводит гипотезу, что причина охлаждения в двусторонних отношениях США и Индонезии стала явная антикитайская направленность американской администрации, что вкупе с отказом США от проекта Транстихоокеанского партнерства в 2016 г. стало причиной опасений Индонезии в последовательной и опасной политики США по вовлечению государства в конфликт с Китаем[376].

Отношения США и Индонезии при президенстве Дж. Байдена стремились повысить уровень партнерства с Индонезией во всех возможных сферах: экономике, вопросах здравоохранения и восстановления после пандемии, гуманитарной помощи и помощи при ликвидации стихийных бедствий, технологическом сотрудничестве и информационной безопасности. Вместе с тем американская администрация, добившись дипломатического успеха на Филиппинах, изменив риторику филиппинского правительства на противостояние в Китае в вопросе принадлежности акватории в Южно-Китайском море, не оставляло попыток повторить свой успех и с Индонезией. Тем не менее, Индонезия не согласилась на размещение американской базы на территории Индонезии, а также отказалась от агрессивной риторики по отношению к Китаю в

[376] How Much Trade Transits the South China Sea? — Текст: электронный // CSIS. — URL: https://www.csis.org/analysis/renewed-focus-indonesia-us-relations (дата обращения: 01.05.2024).

обновлённых документах о стратегическом партнерстве между США и Индонезией[377].

Несмотря на осторожную политику Индонезии в данных вопросах, она остается одним из важных партнеров США в сфере безопасности. В 2023 г. президентами США и Индонезии был обновлен договоры о стратегическом сотрудничестве между Индонезией и США, а также договор о сотрудничестве в области безопасности между министрами обороны Л. Остином и Прабово Субианто[378]. В обоих документах особый акцент ставится на защиту морского пространства Индонезии, а также продвижения «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» с учетом центральной роли АСЕАН и теми принципами, что были заложены в программный документ Ассоциации «Перспективы АСЕАН в Индо-Тихоокеанском регионе»[379]. Вместе с тем для реализации поставленной задачи по укреплению двустороннего сотрудничества и безопасности границ Индонезии страны наращивают свои возможности в рамках проведения совместных учений. Около 4 тысяч военнослужащих обеих стран принимают участие в совместных учениях, которые проводятся ежегодно с 2007 г.[380]

Таким образом, США планомерно повышают уровень своей вовлеченности в региональную повестку Азиатско-Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии. Индонезия, будучи важным элементом региональной подсистемы, становится одним из ключевых партнеров США в регионе, что приводит к значительной интенсификации двустороннего сотрудничества за последние 15

---

[377] Peng, N. The Limits of the Expanding Indonesia-US Partnership. — Текст: электронный // The Diplomat. 21 November 2023. — URL: https://thediplomat.com/2023/11/the-limits-of-the-expanding-indonesia-us-partnership/ (дата обращения: 01.05.2024).

[378] United States and Indonesia Sign Defense Cooperation Arrangement. — Текст: электронный // U.S. Embassy & Consulates in Indonesia. — URL: https://id.usembassy.gov/united-states-and-indonesia-sign-defense-cooperation-arrangement/#:~:text=Jakarta%20–%20On%20November%2016%2C,States%20will%20explore%20with%20Indonesia (дата обращения: 01.05.2024).

[379] President Joseph R. Biden and President Joko Widodo Announce the U.S.-Indonesia Comprehensive Strategic Partnership. — Текст: электронный // U.S. Embassy & C Consulates in Indonesia. — URL: https://id.usembassy.gov/fact-sheet-president-joseph-r-biden-and-president-joko-widodo-announce-the-u-s-indonesia-comprehensive-strategic-partnership/ (дата обращения: 01.05.2024).

[380] Rachman, J. US-Indonesia Security Relations Flourish in a Changing Indo-Pacific. — Текст: электронный // The Diplomat. 14 September 2023. — URL: https://thediplomat.com/2023/09/us-indonesia-security-relations-flourish-in-a-changing-indo-pacific/ (дата обращения: 01.05.2024).

лет. Индонезия, несмотря на свою показательную нейтральность, все же активно сотрудничает с США и стремится максимально эффективно развиваться за счет американских инвестиций в индонезийскую экономику, а также многочисленных программ двустороннего сотрудничества, балансируя между США и Китаем для поддержания нейтралитета.

Китай, в отличие от США, имеет сухопутные и морские границы с большинством стран Ассоциации. В региональной повестке внешней политики Китая закреплено положение, что Южно-Китайское море – это внутреннее море КНР, что предполагает беспрепятственное развёртывание соответствующей инфраструктуры[381] в акватории и контроль за мореходством[382]. Подобное представление китайского руководства о границах в Южно-Китайском море привело к значительному количеству территориальных споров со странами АСЕАН. Главным предметом спора стали Парасельские острова и острова Спратли, так как на них кроме Китая претендуют сразу несколько стран АСЕАН. Начиная с 1959 года, когда Китай предпринял первые реальные шаги по установлению контроля над территорией спорных Парасельских островов, страны Юго-Восточной Азии, в первую очередь Филиппины и Вьетнам, стали непосредственными участниками конфликта[383]. С самого основания Ассоциация прилагала все усилия для снижения эскалации и поддержания стабильности в регионе. Кодекс поведения в Южно-Китайском море, направленный на безусловное следование политики мирного разрешения любых территориальных споров в данной акватории, должен был стать продолжением одноименной Декларации, подписанной в Пномпене в 2002 г. странами АСЕАН и Китаем[384].

---

[381] Martinez, L. Why the US Navy sails past disputed artificial islands claimed by China. — Текст: электронный // ABC News. 6 May 2019. — URL: https://abcnews.go.com/Politics/us-navy-sails-past-disputed-artificial-islands-claimed/story?id=60993256 (дата обращения: 01.05.2024).

[382] Васильев Д.В., Шавлай Э.П. Южно-Китайское море в противостоянии КНР и США в Азии. / Д.В. Васильев, Э.П. Шавлай. // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 7. – С. 65.

[383] Мосяков Д. В. Конфликт в Южно-Китайском море и возможные пути его разрешения / Д. В. Мосяков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. – № 21. – С. 16-22.

[384] Declaration on the conduct of parties in the South China sea. — Текст: электронный // ASEAN. November 2002 — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2002-Declaration-on-the-Conduct-of-Parties-in-the-South-China-Sea.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

Примечательно, что упомянутый документ, который предполагал уровень подписания не ниже министра иностранных дел, с китайской стороны был подписан специальным посланником на уровне заместителя министра. Кроме того, процесс перехода от Декларации к Кодексу, который был одним из пунктов документа, проходил весьма проблематично для стран АСЕАН. Во-первых, Китай периодически тормозил процесс и настаивал на том, что все вопросы должны решаться в двустороннем формате заинтересованных сторон[385]. Во-вторых, в 2012 г. произошел кризис солидарности в Ассоциации, когда во время обострения отношений между Филиппинами и Китаем в Южно-Китайском море, лишь Вьетнам поддержал Филиппины. В том же году было запланировано окончательное утверждение Кодекса, однако в тот год председателем АСЕАН была Камбоджа, страна, очень сильно зависящая от китайских инвестиций. На заседании министров иностранных дел членов Ассоциации участники АСЕАН не пришли к консенсусу. Считается, что это произошла из-за позиции камбоджийского министра иностранных дел, который отверг пункт в совместном Коммюнике, где осуждалось поведение Китая в исключительной экономической зоне Филиппин. Впервые за 45-летнюю историю Ассоциации участники не смогли принять общего документа по итогам встречи[386]. Как отмечает известный австралийский ученый М. Бисон «Китай успешно применяет тактику разделять и властвовать, чтобы быть уверенным в эфемерности АСЕАН, когда дело доходит до принятия совместной внешней политики по ограничению китайской внешней политики в регионе[387]».

Кроме указанной работы над Кодексом, страны АСЕАН (Филиппины) обращались за помощью в Международный Суд ООН, чье решение от 2016 г. было принято в пользу Филиппин[388], хотя и было проигнорировано китайской стороной. Тем не менее, было бы ошибочно говорить о том, что действия АСЕАН

---

[385] Локшин Г. М. Кодекс поведения в Южно-Китайском море - иллюзия или отвлекающий маневр? / Г.М. Локшин/ // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – №34. – С. 47.
[386] Там же. – С. 49.
[387] Beeson, M. The great ASEAN Rorschach test / M. Beeson. // The Pacific Review. — 2020. — Vol. 3, No. 8. — P. 579
[388] Мосяков Д.В. Решение арбитражного суда в Гааге: реакция России и мирового сообщества / Д.В. Мосяков // Азия и Африка сегодня. — 2016. — №32. — С. 5-10.

по формированию системы региональной безопасности оказались неэффективными. Так, Филиппины и Вьетнам подписали соглашение о стратегическом партнерстве несмотря на то, что у обеих стран есть свои территориальные претензии на острова Спратли[389].

Отношения с Китаем носят конструктивный характер, так как на регулярной основе проходят встречи в двустороннем и многостороннем формате, а принимаемые по итогам декларации и решения подчеркивают необходимость продолжать сотрудничество в рамках диалога АСЕАН - Китай[390]. Одним из последних примеров позитивного развития событий можно считать совместное заявление министров иностранных дел АСЕАН в 2026 г., в котором заявляется о намерении согласовать текст «Кодекса поведения в Южно-Китайском море» (англ. “Code of Conduct in the South China Sea”[391]) в течение 2026 года.

Одновременно с этим стоит отметить, что Китай имеет широкий набор механизмов для влияния на политическую обстановку в странах Юго-Восточной Азии. Пекин предоставляет широкую финансовую помощь правительству Камбоджи, взамен на продвижение своей повестки на саммитах АСЕАН. Также особого внимания заслуживает влияние Китая на политические процессы в Мьянме, участвуя в миротворческом процессе в одной из самых продолжительных гражданских войн в мире[392]. Несмотря на то, что антикитайские настроения стран Юго-Восточной Азии стали одной из основных причин образования АСЕАН, Китай остается на первом месте среди внерегиональных игроков в Юго-Восточной Азии. В первую очередь, из-за своей экономической политики.

---

[389] Mazza, M. An American Strategy for Southeast Asia / M. Mazza. —Washington: American Enterprise Institute, 2018. – P. 13.

[390] Acharya, A. Doomed by Dialogue: Will ASEAN Survive Great Power Rivalry in Asia? / A. Acharya // International Relations and Asia’s Southern Tier. Asian-Palgrave Macmillan Series / G. Rozman, J. Liow (eds). — Singapore: Springer. 2018. — P. 85.

[391] Press Statement by the Chair of the ASEAN Foreign Ministers’ Retreat. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2026/01/FINAL-Press-Statement-by-the-Chair-of-the-ASEAN-Foreign-Ministers-Retreat.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

[392] Симония, А. А. Роль Китая в общенациональном мирном процессе Мьянмы / А. А. Симония // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 34. – С. 172.

Так, несмотря на то, что Китай не лидирует в Юго-Восточной Азии по объему прямых иностранных инвестиций[393], Китай сфокусирован на данном регионе как самом перспективном, так как реализует большинство своих проектов именно в странах АСЕАН (в 2017 г. Китай реализовал 26 проектов в Лаосе, 24 в Малайзии, в России для сравнения лишь два[394]). Основной фокус в формировании внешней политики Китая в Юго-Восточной Азии сосредоточено в торговой политике. КНР занимает первое место среди торговых партнеров стран АСЕАН, а сами страны занимает третье место в торговле Китая[395]. Функционирует фонд Китай-АСЕАН, а также Китай является ключевым партнером в рамках АСЕАН+3 и первой внерегиональной страной, которая состоит с 2010 г. с АСЕАН в Зоне свободной торговли.

Важно отметить, что Китай умело использует экономические рычаги, чтобы проводить свою внешнюю политику в регионе. Так, в 2006 г. в ответ на нежелание Вьетнама по просьбе Китая исключить Тайвань из списка участников саммита АТЭС в Ханое, китайские власти временно приостановили помощь Вьетнаму[396]. Также Китай поощряет соседние страны за проявление лояльности. В декабре 2009 г. власти Камбоджи депортировали в Китай 20 уйгуров, бежавших в Камбоджу после июльских столкновений на этнической почве в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, после этих действий Пекин объявил о намерении инвестировать $1,2 млрд в инфраструктуру Камбоджи[397].

Китайская диаспора, которая представлена во всех странах-членах АСЕАН (75% всех зарубежных китайцев проживает в Юго-Восточной Азии, и они

---

[393] A Special ASEAN Investment Report 2023. — Текст: электронный // ASEAN. 2023. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2023/12/AIR-Special-2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
[394] Арапова Е.Я. Экспансия китайского капитала / Е.Я.Арапова. // Азия и Африка сегодня. — №2. — 2017. — С. 21-26.
[395] Trade between China and Southeast Asia. — Текст: электронный // CKGSB. 2018. — URL: https://knowledge.ckgsb.edu.cn/2018/09/10/finance-and-investment/international-trade/trade-between-china-and-southeast-asia/ (дата обращения: 01.05.2024).
[396] Лексютина Я.В. «Добрососедская дипломатия» Китая в Восточной Азии / Я.В. Лексютина // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 9. – С.16.
[397] Там же. – С.16.

составляют 6% от общего количества населения[398]), также важный элемент китайской внешней политики в регионе. Считается, что это опора китайского бизнеса в Юго-Восточной Азии, так как китайская диаспора контролирует 70% от сферы услуг и 50% обрабатывающей промышленности в пяти самых развитых странах АСЕАН[399]. Кроме того, практически все китайские инвестиции так или иначе проходят через контролируемые китайской диаспорой компании и банки при покровительстве со стороны правительства КНР, так как начиная с середины 1980-ых гг. китайская зарубежная диаспора включается в планы по возрождению и развитию КНР. Для АСЕАН это считается как преимуществом, так и угрозой. С одной стороны, китайская диаспора активно привлекает китайский инвестиции в свои страны, а с другой стороны, их большое влияние на экономические процессы в странах Юго-Восточной Азии могут стать причиной дальнейшей экспансии Китая в регионе.

Ключевыми факторами в продвижении «мягкой силы» Китая на территории Юго-Восточной Азии являются академическая мобильность и продвижение китайского языка. Так, по случаю десятилетнего юбилея стратегического партнерства Китай-АСЕАН было объявлено о 15 тысячах стипендий для жителей стран АСЕАН[400]. Кроме того, китайские культурные и языковые центры (Институты Конфуция) представлены во всех странах Ассоциации.

Индонезия и Китай имеют долгую и богатую на события историю взаимоотношений. Условно их можно поделить на три этапа. Первый – период от обретения независимости до падения режима Сукарно. В этот период были установлены дипломатические отношения между странами (1950 г.), подписан договор о торговле (1953 г.), китайский премьер Чжоу Эньлай посетил 1955 г. Бандунгскую конференцию, где было подписано соглашение о двойном

---

[398] Афонасьева, А. В. Зарубежные китайцы в ЮВА и их роль в развитии морского шелкового пути XXI века / А.В. Афонасьева // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 12(725). – С. 55.
[399] Там же С. 58.
[400] Joint Statement of the 16th ASEAN-China Summit on Commemoration of the 10thAnniversary of the ASEAN-China Strategic Partnership. — Текст: электронный // ASEAN. October 2013. — URL: https://knowledge.ckgsb.edu.cn/2018/09/10/finance-and-investment/international-trade/trade-between-china-and-southeast-asia/ (дата обращения: 01.05.2024).

гражданстве Индонезии и Китая. Стоит отметить, что фактором, способствующим росту отношений между странами, стала общая идеологическая основа, так как коммунистическая идеология доминировала в обоих государствах. Второй период во взаимоотношениях начинается со смены режима Сукарно в 1967 г., а затем последующим разрывом дипломатических отношений между двумя странами. Основными причинами для разрыва отношений помимо идеологического несоответствия нового режима генерала Сухарто стало предполагаемое участие Китая на стороне индонезийской прокоммунистической оппозиции в 1966 г., а также потенциальный реванш со стороны Коммунистической партии Индонезии при непосредственной поддержке китайских единомышленников[401]. Несмотря на отсутствие дипломатических связей обе страны активно торговали и развивали свои экономические связи, чему может свидетельствовать подписание меморандума о взаимопонимании по вопросам прямой торговли в 1985 г. Знаковым событием для начала третьего современного этапа в отношениях между Китаем и Индонезией стало восстановление дипломатических отношений в 1990 г. Обе страны обязались развивать свои двусторонние отношения на основе пяти принципов мирного сосуществования, а также десяти принципов Бандунгской конференции[402], включающих уважение территориальной целостности, отказ от вмешательства во внутренние дела и урегулирование международных споров мирным путём[403].

Современные исследователи китайско-индонезийских отношений отмечают несоответствие в динамике экономического и политического сотрудничества, которое проявляется стремительными темпами роста экономического взаимодействия и политическим тупиком между двумя странами по вопросам территориального размежевания в спорной акватории ЮКМ.

---

[401] Six Decades of Indonesia-China Relations. An Indonesian Perspective / Ed. L.C. Sinaga. — Jakarta: Springer, 2016 — P. 3.

[402] Ibid. —P.4.

[403] Заключительное коммюнике конференции стран Азии и Африки Бандунг. — Текст: электронный //Российское историческое общество. 24 апреля 1955 г. — URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136211-zaklyuchitelnoe-kommyunike-konferentsii-stran-azii-i-afriki-bandung-24-aprelya-1955-goda#mode/inspect/page/7/zoom/4 (дата обращения: 01.05.2024).

Китай – крупнейший экономический партнер Индонезии. Объем торгового оборота между двумя странами за 2024 г. – 136,5 млрд долл. США[404]. Совокупный объем китайских инвестиций при объединении сумм материкового Китая и Гонконга составляет около 14 млрд долларов США, что делает КНР первым по объему прямых инвестиций в индонезийскую экономику[405].

Одновременно с этим активно развивается и гуманитарное сотрудничество. КНР оказало существенную помощь Индонезии в борьбе с пандемией COVID-19, направив гуманитарную помощь в размере более, чем 40 тон медицинских принадлежностей и другого медоборудования на сумму 10 млн долларов, а также заключила соглашение с крупнейшей индонезийской фармацевтической компанией «Bio Farma» на разработку и поставку в страну вакцин против коронавируса[406].

В гуманитарной сфере с 2015 г. существует индонезийско-китайская комиссия по сотрудничеству в сфере образования, науки и культуры[407], на регулярной основе заключаются соглашения о совместных научных лабораториях и проектах между китайскими и индонезийскими университетами[408]. Параллельно развивается туристическая сфера, где в качестве подтверждения можно привести заявление Министерства туризма и креативной экономики Индонезии по увеличению планируемой цели по посещению китайскими туристами Индонезии с 250 до 360 тысяч человек[409].

---

[404] Susilo, N. Indonesia Targets Increase in Trade Volume at the China ASEAN Expo. — Текст: электронный // https://www.bps.go.id/en/statistics-table/2/MzM2IzI=/balance-of-trade-of-selected-countries--million-us--.html (дата обращения: 01.05.2024).

[405] Ibid.

[406] Candra, I.A., Zhafran, M.Y. China-Indonesia Relations: The Debate over Foreign Aid during the COVID-19 / I.A. Candra, M.Y, Zhafran. // International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding. — 2023. — Vol. 10, No. 5. — P. 219.

[407] Малетин, Н. П. Индонезийско-китайские отношения при Джоко Видодо 2014-2021 гг / Н. П. Малетин, Н. И. Хохлова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2021. – Т. 1, № 1(50). – С. 88.

[408] Chinese Travelers Nihao Wonderful Indonesia Warmly Welcomes You. — Текст: электронный // Wonderful Indonesia. — URL: https://english.news.cn/asiapacific/20231107/7399ec403f724e4dae8309e785ebbd90/c.html (дата обращения: 01.05.2024).

[409] Chinese Travelers Nihao Wonderful Indonesia Warmly Welcomes You. — Текст: электронный // Wonderful Indonesia. — URL: https://indonesia.travel/gb/en/news-update/chinese-travelers-ni-hao-wonderful-indonesia-warmly-welcomes-you (дата обращения: 01.05.2024).

Такое широкое взаимовыгодное сотрудничество в экономической и гуманитарных сферах не соответствует объему политического диалога между странами. Несмотря на то, что Индонезия считает Китай своим ключевым партнером в Восточной Азии[410], Индонезия серьезно относится к возрастающим амбициям Китая, стремясь сохранить статус-кво в регионе, а именно обеспечить свободное и безопасное мореплавание в акватории Южно-Китайского моря, несмотря на позицию Китая. Для достижения поставленной цели Индонезия последовательно работает в двух измерениях: многостороннем и двустороннем.

В части многостороннего сотрудничества над проблемой демаркации границ Индонезия стала одним из проводников совместной позиции АСЕАН по противодействию расширения китайской экспансии в Южно-Китайском море несмотря на то, что у большинства стран Ассоциации есть территориальные споры как с Китаем, так и между собой. В этом сложном узле межгосударственных противоречий Индонезия отстаивает единый подход к решению данной проблемы, принимая на себя роль лидера, ярким примером чего может служить «лоббирование» принятия совместного документа относительно шести принципов поведения АСЕАН в Южно-Китайском море[411], так как уже ранее было отмечено, что совместное коммюнике было заблокировано по инициативе Камбоджи.

Одновременно с этим Индонезия работает и по линии ООН. В рамках данной работы Индонезия, ссылаясь на Конвенцию по морскому праву 1982 г., а именно статьи 55, 56, и 57 неоднократно в 2010 и 2020 гг. призывала международное сообщество к поддержке в вопросах территориальной целостности Южно-Китайского моря и границ государств, которые делят данную

---

[410] Малетин, Н. П. Индонезийско-китайские отношения при Джоко Видодо 2014-2021 гг / Н. П. Малетин, Н. И. Хохлова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2021. – Т. 1, № 1(50). – С. 101.

[411] Statement of the ASEAN Foreign Ministers. — Текст: электронный // ASEAN. July 2012. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/AFMs%20Statement%20on%206%20Principles%20on%20SCS.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

акваторию[412]. Совокупность данных подходов дает результаты, в частности, китайская дипломатия так не достигла существенных успехов по международному признанию своих прав в акватории Южно-Китайского моря.

В рамках двустороннего формата взаимоотношений Китая и Индонезии основной точкой соприкосновения интересов становится вопрос принадлежности островов Натуна и прилегающей акватории[413].

Индонезия считает вопрос принадлежности островов и ее прибрежной акватории чувствительным и применяют достаточно жесткую политику по отношению к судам, которые занимаются промыслом на ее территории. Исследователи отмечают, что Джоко Видодо после вступления в должность президента Индонезии послал четкий сигнал всем соседним странам о необходимости уважать суверенитет Индонезии над этими территориями, потопляя все суда, которые занимаются рыбным промыслом без разрешения[414].

Согласно отчету береговой службы Индонезии за период с 2016 по 2020 гг. было как минимум 9 инцидентов с участием китайских рыболовных судов или военных кораблей[415]. Было бы ошибочным утверждение о том, что Китай основной посягатель на морские ресурсы вокруг островов Натуна. Так, в индонезийские власти отмечают, что вьетнамские рыболовные суда в разы чаще занимаются рыболовным промыслом в индонезийских водах без соответствующего разрешения[416].

Таким образом, вопросы принадлежности островов в Южно-Китайском море представляют собой краеугольный камень в вопросах региональной безопасности Юго-Восточной Азии на данный момент. Вопросы свободного

---

[412] An Analysis of the South China Sea Conflict: Indonesia's Perspectives, Contexts and Recommendations / Angkasa Dipua, Rommy Hermawa, Dhiana, Puspitawati, Nuddin Harahap, Dickry Rizanny Nurdiansyah, Lukman Yudho Prakoso. // Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology. — 2020. —Vol. 17 No. 4 — P. 982.

[413] McRae, D. Indonesia's South China Sea Diplomacy: A Foreign Policy Illiberal Turn? / D. McRae. // Journal of Contemporary Asia. — 2019. — Vol. 49 No. 5. — P. 755.

[414] Robertua, V., Sinaga, O. Indonesia in the South China Sea Dispute: Humble-Hard Power / V. Robertua, O. Sinaga. // Global Strategis. — 2017. — Vol. 11, No. 2. — P. 75.

[415] Rofii, M. S. The Dynamic of Indonesia-China Relations in the Middle of South China Sea Dispute / M.S. Rofii. // Central Asia and the Caucasus. — 2022. — Vol. 23, No. 2. — P.138.

[416] Nurmalasari, N. Vietnamese fishing vessels spotted in North Natuna Sea, violating EEZ agreement. — Текст: электронный // Indonesia Business Post. 19 April 2023. — URL: https://indonesiabusinesspost.com/insider/vietnamese-fishing-vessels-spotted-in-north-natuna-sea-defying-eez-agreement/ (дата обращения: 01.05.2024).

мореплавания, принадлежности природных ресурсов все больше становятся причиной для разногласий не только между странами АСЕАН, но и внерегиональными игроками. Несмотря на то, что Индонезия не имеет существенных территориальных претензий по сравнению с другими участниками конфликта, Индонезия как одна из ведущих региональных держав все больше оказывает влияние на поддержание баланса интересов между великими державами, а также защите интересов АСЕАН.

На фоне указанного вопроса о вмешательстве великих держав в дела региона, стоит рассмотреть, как члены АСЕАН считают, кто из внерегиональных партнеров наиболее влиятельный в Юго-Восточной Азии. Проведенный в 2025 г. сингапурским институтом исследований Юго-Восточной Азии ISEAS[417] опрос среди ученых, государственных служащих и журналистов, показал, что, по их мнению, самые влиятельные страны-диалоговые партнёры АСЕАН это: Китай (1 место), США (2 место) и Япония (3 место). Примечательно, что страны АСЕАН оценивают роль России как стратегического партнера АСЕАН выше, чем роль Канады и Новой Зеландии[418]. В этой связи стоит отдельно рассмотреть российский фактор в региональных процессах Юго-Восточной Азии, а также его индонезийский аспект.

Последнее десятилетие в России и АСЕАН отмечается сравнительно высокий уровень развития двусторонних связей. Несмотря на более чем двадцатилетнюю историю сотрудничества в формате партнеров по диалогу, 2016 год стал поворотным в развитии двусторонних отношений между Россией и Ассоциацией. В том году прошел знаковый для обеих сторон саммит Россия – АСЕАН в г. Сочи, в ходе которого была выработана и подписана «Сочинская декларация», озаглавленная «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству»[419].

---

[417] The State of Southeast Asia: 2025 Survey Report. — Текст: электронный // ISEAS. 2025. — URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/03/The-State-of-SEA-2025-1.pdf (дата обращения: 18.02.2026).
[418] Ibid.
[419] Sochi Declaration of the ASEAN-Russian Federation Commemorative Summit to Mark the 20th Anniversary of ASEAN-Russian Federation Dialogue Partnership “Moving Towards a Strategic Partnership for Mutual Benefit”. —

Эта декларация заложила вектор будущего развития двусторонних отношений, а также определила содержание «Комплексного плана по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии»[420], который включал в себя целый ряд рабочих программ по развитию отношений между Россией и АСЕАН в области энергетики, электронной коммерции, торговли, промышленности, добычи полезных ископаемых, транспорта, продовольственной безопасности, сельского и лесного хозяйства, ИКТ[421], туризма, бизнеса, науки, технологий и инноваций. Через два года стороны подняли уровень своих отношений до уровня стратегических партнеров.

Исходя из определения стратегического партнерства, Россия и страны Ассоциации согласились поддерживать формат двухсторонних связей, который будет основываться на «обоюдном сотрудничестве равноправных субъектов на международном уровне ради решения задач государственного масштаба»[422]. Такой формат прокладывает путь не только для успешного развития отношений, но и открывает возможности для более амбициозных проектов. Например, проект «интеграция интеграций» между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), Шанхайской организацией сотрудничества и АСЕАН, предложенный В.В. Путиным на Сочинском саммите[423]. Практическое применение этой инициативы мы можем уже наблюдать в виде создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и двумя странами-членами АСЕАН – Вьетнамом в 2015[424] и

Текст: электронный // ASEAN. May 2016. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2016/05/Sochi-Declaration-of-the-ASEAN-Russia-Commemorative-Summit-Final.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[420] Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). — Текст: электронный // ASEAN. Май 2016. — URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign (дата обращения: 01.05.2024).

[421] Гомбоин З.Э., Каблуков К. С. Диалоговое партнерство Россия-АСЕАН в области цифровизации: состояние и перспективы / З.Э. Гомбоин, К. С. Каблуков // Международная жизнь. – 2024. – № 5. – С. 21.

[422] Жеглова Ю.Г. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений / Ю.Г. Жеглова. // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2014. — № 3. — С. 115-122.

[423] Саммит Россия - АСЕАН открывается в Сочи: от юбилея к стратегическому партнерству. — Текст: электронный // ТАСС. 19 мая 2016. — URL: https://tass.ru/politika/3293705 (дата обращения: 01.05.2024).

[424] Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами с одной стороны и Социалистической Республикой Вьетнам с другой стороны. — Текст: электронный // ЕАЭС. Май 2016. — URL: https://docs.cntd.ru/document/420353871 (дата обращения: 01.05.2024).

Сингапуром в 2019 гг.[425]. Кроме того, было создано постоянное представительство России при АСЕАН в 2017 г. в г. Джакарте, которое, по словам С.В. Лаврова «подтверждает приоритет взаимодействия с АСЕАН в рамках нашей политики в АТР»[426].

Следующим шагом на пути к интенсификации отношений с АСЕАН стало посещение Президентом Российской Федерации Восточноазиатского саммита в 2018 г. Важно отметить, что это произошло впервые с 2010 г., когда Россия стала постоянным членом данной организации. Сингапур, который принимал в тот год саммит, имеет стабильно хорошие отношения с СССР и современной Россией. Премьер-министр Сингапура учил русский язык, и был в России в 1970 г.[427], а его отец Ли Куан Юн верил, что России будет играть важную роль в мире. Эта уверенность передалась его сыну, и кроме основательных переговоров, подписания двусторонних договоров, Россия и АСЕАН подписали совместное заявление о стратегическом партнерстве[428]. Таким образом, всего за пару лет после анонсирования дорожной карты страны смогли добиться значительных успехов по развитию диалога между Россией и АСЕАН и выйти на качественно новый уровень международных отношений.

Одной из последних ключевых встреч на верхнем уровне стала министерская встреча в формате Россия-АСЕАН в Малайзии в июле 2025 г. Помимо того, что обе стороны подтвердили успехи в развитии двухсторонних отношений, отметив, что отношениям Российской Федерации и АСЕАН уже 35

[425]Eurasian Economic Union (EEU)-Singapore Free Trade Agreement. — Текст: электронный // EEU. October 2019 — URL: https://aric.adb.org/fta/singapore-eurasian-economic-union(eeu)free-trade-agreement (дата обращения: 01.05.2024)..

[426] Лавров открыл в Джакарте постоянное представительство России при АСЕАН. — Текст: электронный // РИА Новости. 9 августа 2017. — URL: https://ria.ru/20170809/1500059569.html (дата обращения: 01.05.2024).

[427] PM Lee Hsien Loong's remarks at press conference with Russian PM Dmitry Medvedev. — Текст: электронный // Prime Minister's Office Singapore. May 2016. — URL: https://www.pmo.gov.sg/newsroom/pm-lee-hsien-loongs-remarks-press-conference-russian-pm-dmitry-medvedev-19-may-2016 (дата обращения: 01.05.2024).

[428]Joint Statement of the 3rd ASEAN-Russian Federation Summit on Strategic Partnership. — Текст: электронный // Kremlin. November 2018. — URL: http://en.kremlin.ru/supplement/5360 (дата обращения: 01.05.2024).

лет[429], АСЕАН и Россия договорились о разработке нового плана на период с 2026 по 2030 гг.

Вместе с тем, в опросе ISEAS от 2023 г. одной из наиболее волнующих тем в странах АСЕАН[430] стало проведение специальной военной операции на территории Украины[431] (СВО), что, по мнению респондентов, отразилось на многие сферы жизни: продовольственная и энергетическая безопасность Юго-Восточной Азии, а также разрушение международного порядка, основанного правилах[432]. Последний фактор также подчеркивается в докладе Австралийского Института международных отношений, в котором СВО преподносится как сигнал будущих изменений региональных процессов в Азии[433]. Сингапурский ученый Дж. Энг подчеркивает, что начало СВО показало, как современная либеральная парадигма международного порядка, основанного на негласных правилах, не проходит проверки на прочность. В контексте Юго-Восточной Азии страны АСЕАН все больше беспокоятся о соответствии СШАроли гаранта безопасности региона в случае эскалации конфликта в Южно-Китайском море[434].

Совокупность указанных факторов стала одной из причин нейтральной позиции АСЕАН по отношению к СВО. Россия – стратегический партнёр АСЕАН, а также важный партнер многих стран Юго-Восточной Азии со времен СССР, что не позволяет странам Ассоциации прийти к консенсусному решению относительно реакции на СВО[435]. Кроме того, как отмечает канадский исследователь Джефри Ривз, такая индифферентная позиция АСЕАН по

---

[429] Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе встречи министров иностранных дел Россия-АСЕАН, Куала-Лумпур, 10 июля 2025 года. — Текст: электронный // МИД России — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/2035069 (дата обращения: 01.08.2025).

[430] 82.9% респондентов ответили, что в той или иной степени обеспокоены проведением СВО.

[431] The State of Southeast Asia: 2023 Survey Report. — Текст: электронный // ISEAS. 2023. — URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/07/The-State-of-SEA-2023-Final-Digital-V4-09-Feb-2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[432] Ibid.

[433] Regional Reflections on the war in Ukraine Diplomacy, Conflict, and the Future of Southeast Asea. An AIIA Special Report. February 2023 / Edited by Kristie Barrow // AIIA reports. – 2023. – P.4.

[434] Ibid. – P. 13.

[435] Passeri, A. The Russia-Ukraine War is ASEAN's Latest Political Headache. — Текст: электронный // AIIA. 9 June 2023. — URL: https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/the-russia-ukraine-war-is-aseans-latest-political-headache/ (дата обращения: 01.05.2024).

отношению к внерегиональным конфликтам – часть асеановской идентичности[436]. В этой связи показательно, что большинство исследователей сходятся во мнении, что процесс поиска новой архитектуры региональной безопасности в Юго-Восточной Азии и СВО отчасти связаны. АСЕАН все четче показывает, что не будет участвовать в противостоянии Китая и США в АТР. Можно предположить, что пример СВО показал разрушительные последствиями для малых государств, когда они становятся частью борьбы великих держав за региональное доминирование.

Индонезия продолжает асеановский подход к построению конструктивных отношений с Российской Федерацией. Россию и Индонезию связывают долгая история взаимоотношений, так как СССР помогал индонезийскому руководству в период становления независимой индонезийской республики.

Вместе с тем российские исследовали отмечают, что во внешней политике при президентстве Джоко Видодо, в том числе и в отношениях с Россией, свойственен транзакционализм, то есть зависимость внешнеполитических действий от практической выгоды[437]. С одной стороны, конструктивно развиваются взаимоотношения в различных сферах: энергетика, продовольствие и туризм[438]. Кроме того, Россия оказала существенную помощь Индонезии в борьбе с распространением вируса COVID-19[439].

С другой стороны, индонезийское руководство уверено, что сотрудничество не должно подрывать отношения с другими великими державами, в первую очередь, с США. В 2018 году Министерство обороны Индонезии объявило о покупке у России российских самолетов Су-35 сумму более 1.1 млрд долларов США, однако ввиду возможных санкций со стороны США, индонезийское

---

[436] Reeves, J. Southeast Asian States Have Their Own Views on the Ukraine War / J. Reeves. // Asia Policy. — 2023. — Vol.18, No 2. —P. 62.

[437] «Азиатский поворот» в российской внешней политике: Достижения, проблемы, перспективы: Монография / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. — С. 122.

[438] Russian-Indonesian Cooperation: Past, Present and Development Prospects (Collective Monograph) / Ed. by E. Astafieva, E. Kanaev. — IOS RAS: Moscow, 2020. – P. 7-18.

[439] Кочеткова Е.В. О борьбе с COVID-19 в Индонезии и российско-индонезийском сотрудничестве в этой сфере (Часть 1.) / Е.В. Кочеткова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2021. – Том IV, № 4 (53). – С. 118.

руководство приняло решение отказаться от покупки российских истребителей в пользу американских и французских моделей[440].

Вторым примером осторожного подхода к выстраиванию сотрудничества с Россией можно отнести политику Индонезии по отношению к СВО. Многие западные исследователи отмечают попытки балансирования Индонезии по отношению к России в ходе проведения СВО. Индонезия поддержала принятие «антироссийской» резолюции в Генеральной Ассамблеи ООН, однако вместе с тем отказалась от прямого обвинения России в агрессии по отношению к Украине, а также не ввела никаких санкций против России. Кроме того, президент Индонезии Джоко Видодо с самого начала СВО проводил политику по как можно скорейшему разрешению конфликта на фоне угрозы для продовольственной и энергетической безопасности для всего мира[441]. Джоко Видодо в рамках своего дипломатического тура в 2022 г. посетил как Россию, так и Украину, а также пригласил российского и украинского лидеров принять участие в саммите Группы двадцати на о. Бали (Индонезия), как «наилучшей» площадке для обсуждения подобных вопросов[442]. Важно отметить, что несмотря на то, что встреча президентов России и Украины не состоялась, усилиями Индонезии как председателя «двадцатки» страны смогли принять декларацию, которая «устроила всех», в том числе и Россию[443].

Индонезия видит в России важного партнера для поддержания баланса и продвижения национальных интересов в Юго-Восточной Азии. По мнению

---

[440] Abrams, A.B. Indonesia’s $22 Billion Purchases of US, French Fighter Jets: How Russia’s Su-35 Lost Out. — Текст: электронный // The Diplomat. 12 February 2022. — URL: https://thediplomat.com/2022/02/indonesias-22-billion-purchases-of-us-french-fighter-jets-how-russias-su-35-lost-out/ (дата обращения: 01.05.2024).

[441] Parameswaran, P. What's Behind Indonesia’s Russia-Ukraine Peace Initiative? — Текст: электронный // ASEAN Work. 5 June 2023. — URL: https://www.aseanwonk.com/p/whats-behind-indonesias-russia-ukraine-peace (дата обращения: 01.05.2024).

[442] Jokowi explains rationale behind inviting Ukraine to G20 Summit. — Текст: электронный // Antara news. 29 April 2022. — URL: https://en.antaranews.com/news/227533/jokowi-explains-rationale-behind-inviting-ukraine-to-g20-summit (дата обращения: 01.05.2024).

[443] Декларация на G20 устроила всех, заявил МИД. — Текст: электронный // РИА Новости. 18 ноября 2022. — URL: https://ria.ru/20221118/g20-1832482793.html (дата обращения: 01.05.2024).

британского ученого Самуэля Рамани, индонезийцев привлекает в России антизападная и антиколониальная риторика российских властей[444].

Таким образом, современные региональные процессы в Юго-Восточной Азии проходят через серьезные трансформации из-за повышенного внимания к внутрирегиональным вопросам Юго-Восточной Азии со стороны великих держав. Экономические вопросы становятся основанием для создания прочных и устойчивых двусторонних отношений, в которых странам Юго-Восточной Азии, неспособным в одиночку противостоять влиянию более крупных государств, приходится проводить свои интересы непосредственно через асеаноцентричные институты. Вместе с тем накопление противоречий между Китаем и США в АТР приводит к поляризации региона, а также повышает риск конфликта. Главным центром противоречий в Юго-Восточной Азии на данный момент является проблема демаркация Южно-Китайского моря, а также наступательная политика Китая по отношению к странам АСЕАН, которые вынуждены выбирать между США и Китаем в вопросах национальной безопасности.

В настоящий момент за Китаем остается решающий голос в определении будущего региональной безопасности в АТР. Тем не менее, очевидно, что китайское руководство не устраивает ни один из представленных подходов. Данный тезис подтверждается непоследовательностью внешней политики КНР по отношению и к АСЕАН, и к QUAD. Китайское руководство, улавливая сигналы, полученные из Токио в 2016 г., выпустило программный документ «Политика Китая в отношении сотрудничества в области безопасности в АТР»[445], где соглашалось на создание Кодекса поведения в Южно-Китайском море, а затем в 2018 г. приняло единый переговорный проект Кодекса поведения в Южно-Китайском море. Тем не менее, Китай продолжил свою экспансию в акватории

---

[444] Ramani, S. Indonesia’s Ukraine Peace Plan Makes Sense—for Indonesia. — Текст: электронный // World Politics Review. 15 June. 2023. — URL: https://www.worldpoliticsreview.com/indonesia-politics-foreign-policy-russia-war-ukraine/ (дата обращения: 01.05.2024).

[445] China’s Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. The State Council Information Office of the People’s Republic of China. — Текст: электронный // The State Council The People's Republic of China. January 2017. — URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm (дата обращения: 01.05.2024).

Южно-Китайского моря[446]. В отношении с QUAD также прослеживается непоследовательность, когда позитивное восприятие QUAD, как новой формы сотрудничества в регионе[447] вскоре признается неактуальным, а само существование данного формата объявляется недолговечным, как «пена в море»[448]. Причина такой непоследовательности заключается в понимании того, что ни один из данных форматов не позволит Китаю оставить за собой эксклюзивное право на контроль над Южно-Китайским морем.

Подводя итоги, можно с большой долей уверенности утверждать, что КНР признает Юго-Восточную Азию ключевым регионом в своей внешней политике[449]. В данном регионе находятся важные экономические проекты КНР, и это центр геополитического противостояния Китая и США. Для Индонезии КНР – это важнейший экономический партнер и источник иностранных инвестиций, что способствует стабильному экономическому развитию государства. Вместе с тем, опасения относительно возможного конфликта между великими державами подталкивает Индонезию к более осторожной политике в области сотрудничества с Китаем и США. Сохранение хрупкого баланса жизненно необходимо пока не разрешена наиболее острая проблема региональной безопасности в Юго-Восточной Азии – вопрос территориальной принадлежности акватории Южно-Китайского моря.

Индонезия, которая в меньше степени по сравнению с Вьетнамом или Филиппинами вовлечена в вопросы принадлежности акватории в ЮКМ, в свою очередь остается одной из важнейших для АСЕАН стран по продвижению единой повестки в отношении Китая и США. Основа внешней политики Индонезии в

---

[446] Sarkar M. G. China and QUAD 2.0: Between response and regional construct / M. G. Sarkar. // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. — 2020. — Vol. 16 No.1. — P. 110-130.

[447] Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on November 15, 2017. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of China. November 2017 — URL: https://www.mfa.gov.cn/ce/ceus//eng/fyrth/t1511125.htm (дата обращения: 01.05.2024).

[448] Zhihao, Zh. PLA slams naval drills in South China Sea. — Текст: электронный // China Daily. 1 May 2020. — URL: http://global.chinadaily.com.cn/a/202005/01/WS5eab62dca310a8b2411530ee.html (дата обращения: 01.05.2024).

[449] China’s Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. — Текст: электронный // The State Council Information Office of the People’s Republic of China. January 2017. — URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm (дата обращения: 01.05.2024).

данном вопросе строится на поиске баланса в отношениях, где Китай остается главным драйвером экономического роста, а США остается гарантом безопасности со стороны нарастающего китайского влияния в регионе.

Российская Федерация в данном контексте кажется менее значимым игроком в АТР, однако недавние события стали толчком как для АСЕАН, так и для Индонезии пересмотреть свое отношение к потенциальным угрозам для национальной и региональной безопасности, так как формирование регионального порядка в Юго-Восточной Азии, в основе которого стоит биполярное противостояние, принесет разрушительные последствия в первую очередь для самих стран Юго-Восточной Азии.

3.2. Альтернативные проекты организации регионального и макрорегионального пространства: подходы АСЕАН и Индонезии

Параллельно и отчасти ввиду противостояния великих держав в АТР асеаноцентричный региональный порядок все больше подвергается эрозии со стороны так называемых альтернативных региональных проектов по экономическому и политическому объединению стран региона с участием одной из великих держав[450].

Одним из первых проектов объединения стран Юго-Восточной Азии стал военно-политический блок Организация стран Юго-Восточной Азии (СЕАТО). В период биполярного противостояния создание проамериканских или просоветских организаций было нередким явлением, одной из форм невоенной экспансии. Большая советская энциклопедия определяет СЕАТО как «военно-политическую группировку, созданную по инициативе США, главной задачей которой является борьба против национально-освободительных и всех прогрессивных сил в Юго-Восточной Азии»[451]. Вместе с тем западные исследователи отмечали, что со

[450] Сумский В.В. Опыт регионализма на азиатском юго-востоке и поиск ответов на новые вызовы / В.В. Сумский // Международные процессы. - 2017. - №3. - С. 9.
[451] Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 18: Никко - Отолиты/ гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия,1970–1981. – С. 1415-1416.

стороны отдельных стран Юго-Восточной Азии была потребность в защите от «китайских намерений в регионе»[452].

В качестве причин неудачи СЕАТО, который просуществовал с 1954 до 1977 гг., стать центральной структурой в Юго-Восточной Азии можно выделить, во-первых, поражение проамериканской коалиции в войне во Вьетнаме, что серьезно ударило по имиджу не только США, но СЕАТО, как крупнейшего военно-политического блока, а также нежелание юго-восточных стран быть участниками биполярного противостояния. Одним из ярких противников вовлечения

Юго-Восточной Азии в противостояние сверхдержав была Индонезия.

Индонезия как страна-основательница Движения неприсоединения, а также сторонница нейтралитета во внешней политике призывала к отказу от размещения на территории стран Юго-Восточной Азии иностранных военных баз и присоединению к любому военно-политическому блоку[453].

Одновременно с СЕАТО потерпели неудачу проекты объединения Малайзии, Филиппин и Индонезии (Мафилиндо) и Ассоциации Юго-Восточной Азии (АСА).

Если в случае в Мафилиндо причиной распада конфедерации стали внутренние разногласия, а также агрессивная политика Индонезия по отношению к Малайзии[454], то в случае с АСА стоит отдельно проанализировать то, почему Индонезия пришла к выводу о необходимости создания отдельной АСА структуры, будущей АСЕАН.

АСА – объединение, основанное в 1961 г. между Таиландом, Филиппинами и Малайзией, стало первой попыткой экономической интеграции региона под

---

[452] Buszynski, L. SEATO: Why It Survived until 1977 and Why It Was Abolished / L. Buszynski // Journal of Southeast Asian Studies. — 1981. — Vol. 12 No. 2. —P. 288.

[453] Djiwandono, J. Soedjati. Indonesia's Relations with Other Southeast Asian Countries /J. Soedjati Djiwandono // Asian Perspective. — 1977. — Vol. 1, Vo. 1. — P. 40.

[454] Chalermpalanupap, T. Five Decades of ASEAN: The History of a Political Miracle. — Текст: электронный // The Diplomat. 27 December. 2016. — URL: https://thediplomat.com/2016/12/five-decades-of-asean-the-history-of-a-political-miracle/ (дата обращения: 01.05.2024).

пристальным присмотром со стороны Великобритании и США[455]. В отличии от СЕАТО, АСА была направлена, в первую очередь, на экономическое сотрудничество между тремя странами и созданию стабильной экономической системы в регионе.

Тем не менее, за период своего существования она не смогла продолжить курс на экономическую консолидацию Юго-Восточной Азии из-за разногласий между самими странами АСА, а также нежеланием Индонезии присоединятся к указанному формату.

Причины неудачи СЕАТО, АСА и Мафилиндо во многом объясняются позицией Индонезии к этим трем форматам. Уже с момента обретения независимости большинством стран Юго-Восточной Азии становится очевидно, что Индонезия — это крупнейшая страна, определяющая региональную повестку. В этой связи неудивительно, что трансформация Юго-Восточной Азии и формирование АСЕАН как преемницы АСА стало возможным после учета критических замечаний Индонезии, а именно: антиколониальная и антиимпериалистическая повестка в рамках отсутствия любого иностранного вмешательства в дела региона[456].

На таком базисе, закреплённом в Индонезии на Балийском саммите в 1967 г. была основана Ассоциация, определяющая региональное развития Юго-Восточной Азии уже на протяжении более 55 лет. Тем не менее, за последние несколько десятилетий сформировался целый ряд «альтернативных» проектов регионального объединения Юго-Восточной Азии на основе макрорегионального пространства Азиатско-Тихоокеанского региона или в рамках Восточной Азии. К таким проектам, о которых ниже пойдет речь, можно отнести Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), Транстихоокеанское партнёрство (ТПП), Инициатива «Один пояс – один путь», проект формирования Индо-Тихоокеанского региона и связанные с ним форматы (AUKUS, QUAD,

[455] Chheun, S. From ASA to ASEAN: Challenges and Opportunities for the Five Founding Fathers (1961-1967) / S. Chheun // AVI Perspective. – 2020. – Vol. 3. – P. 11.
[456] Djiwandono, J. Soedjati. Indonesia's Relations with Other Southeast Asian Countries /J. Soedjati Djiwandono // Asian Perspective. — 1977. — Vol. 1, Vo. 1. — P. 37.

Индо-Тихоокеанская экономическая структура – ИТЭС), форум Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС).

Несмотря на то, что все перечисленные площадки по своему уровню институализации сильно отстают от АСЕАН, стоит проанализировать их динамику развития в Юго-Восточной Азии, определить их роль в рамках асеаноцентричного регионального порядка: являются ли данные форматы деструктивным элементом в интеграционных процессах в Юго-Восточной Азии или, наоборот, способствуют их дальнейшему развитию.

ВРЭП считается японской инициативой, однако истоки ее происходят из самих стран АСЕАН, в частности из Малайзии. В ответ на создание АТЭС, премьер-министр Малайзии в середине 90-ых гг. прошлого столетия М. Махатхир предложил ускорить экономическую интеграцию в рамках АСЕАН+3, однако по началу эта инициатива не находила отклик[457]. Большим импульсом для интенсификации развития данного формата стал финансовый кризис 1997-1998 гг., когда, с одной стороны, страны Запада в рамках АТЭС и МВФ не смогли выработать эффективную программу преодоления кризиса, а с другой стороны, именно Корея, Япония и Китай стали основными партнерами и кредиторами в нелегкое для стран Юго-Восточной Азии время. Результатом стало создание многосторонней площадки ВАС для обсуждения более крупных экономических проектов. Среди таких проектов можно выделить китайскую Восточноазиатскую зону свободной торговли (EAFTA) и Всеобъемлющее экономическое партнерство в Восточной Азии (CEPEA), предложенное Японией и являющееся предшественником ВРЭП. Разница между двумя проектами заключалась в объеме совместных договоренностей по либерализации экономического сотрудничества между странами договора. Так, китайская инициатива предлагала лишь значительное снижение торговых барьеров, в то время как японский вариант представлялся «всеобъемлющее и высококачественное сотрудничество»[458]. В

[457] Современные и перспективные направления сотрудничества России с экономиками АТЭС / Ж. В. Петрунина, Е. А. Канаев, Д. В. Киба. – Комсомольск на Амуре: ФГБОУ ВПО "КнАГТУ", 2013. — С. 59.
[458] Там же. — С. 59.

итоге страны в формате АСЕАН+3 приняли решение действовать в рамках Всестороннего регионального экономического партнерства. Оно представлялось более привлекательным для стран Юго-Восточной Азии по следующим причинам:

- Включало в себя не только снижения торговых тарифов, но и вопросы, касающиеся интеллектуальной собственности и защиты инвестиций, а также мероприятия по повышению конкурентоспособности участников ВРЭП и разрешение споров между ними;
- Учитывало индивидуальные особенности стран участниц при формировании условий сотрудничества;
- АСЕАН признавалась главной движущей силой не только этого проекта, но и всех процессов регионального экономического развития в целом;
- Открыто для подписания другими странами, у которых есть договор о Зоне свободной торговли с Ассоциацией[459].

Соглашение между 15 странами-участницами было подписано в ноябре 2020 г. Индия вышла из сделки, так как это могло еще сильнее увеличить дефицит торговли с большинством стран, входящих в договор, особенно с Китаем, который считается её главным конкурентом в регионе[460]. Индонезия поставила свою подпись вместе со всеми странами АСЕАН, и начиная с июня 2023 г., когда соглашение вступило в силу для всех участвующих стран, кроме Мьянмы, активно участвует в профильных органах соглашения.

Считается, что концепция ВРЭП была представлена Индонезией во время ее председательства в АСЕАН в 2011 г., как ответ на все большее давление со стороны Китая, Японии и Южной Кореи на расширение экономического сотрудничества с АСЕАН[461].

---

[459] Там же. — С. 60.

[460] Pant, H.V. Modi Was Right. India Isn't Ready for Free Trade. — Текст: электронный // Foreign Policy. 19 November 2019. — URL: https://foreignpolicy.com/2019/11/19/modi-pull-out-rcep-india-manufacturers-compete-china/ (дата обращения: 01.05.2024).

[461] Damuri, Y.R., Friawan D. RCEP and Indonesia: Economic Reform and Prospects for Implementation / Y.R. Damuri, D. Friawan // ERIA Discussion Paper Series. – 2022. – Vol. 467. – P. 9.

Отдельного внимания заслуживает общественная реакция на вступление Индонезии во ВРЭП. Согласно проведенному исследователями анализу крупнейших индонезийских СМИ, 88% статей положительно описывали вступление Индонезии во ВРЭП, указывая на то, что это положительно повлияет на экономическое развитие Индонезии, а ВРЭП может потенциально стать крупнейшей торговым соглашением в мире[462]. Кроме того, ВРЭП может стать отличной возможностью, чтобы улучшить свои отношения с внерегиональными странами через механизмы партнерства.

К негативным сторонам участия в партнерстве ведущие индонезийские СМИ отмечают опасения, что индонезийский рынок будет заполнен дешевыми продуктами питания и промышленности из крупных индустриальных держав, что потенциально может разрушить промышленность, а также создать угрозу продовольственной безопасности государства.

В целом ВРЭП положительно оценивается как для АСЕАН, так и для Индонезии в частности. ВРЭП не разрушает существующие торговые соглашения, а наоборот, использует их для интенсификации и развития экономического сотрудничества АСЕАН с крупнейшими экономиками Восточной Азии. Индонезия как формальный инициатор процесса формирования ВРЭП была заинтересована в том, что данный процесс прошел успешно, так как формирование прочных экономических связи АСЕАН в Восточной Азии с учетом асеаноцентричнсти совпадает с национальными интересами Индонезии.

Другой экономической организацией для ряда стран АСЕАН стало соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве, идея создания которого возникла ранее, чем ВРЭП. Партнерство была рассчитано на то, чтобы связать страны АСЕАН со странами Запада, предоставив альтернативу Китаю. Данный формат происходит от Транстихоокеанского соглашения о стратегическом экономическом партнерстве (TPSEP, P4 Agreement), подписанным в 2002 г. между

[462] Ibid. – P. 10.

Чили, Новой Зеландией и Сингапуром[463]. Позже в 2005 г. к нему присоединился Бруней. Новый виток в развитии соглашения придало пристальное внимание администрации Дж.Буша мл., которая решила участвовать в разработке соглашения в 2008 г. В годы президентства Барака Обамы были попытки ратифицировать данный договор, однако соглашение так и не вступило в силу.

Вместе с тем США вышли из сделки в первый год президентства Д. Трампа из-за опасений в том, что этот договор еще сильнее приведет к упадку американской промышленности и увеличит разрыв с развитыми странами[464]. Остальные 11 стран-подписантов в 2018 г. в Чили решили переквалифицировать договор во «Всеобъемлющее соглашений о Транс-Тихоокеанском партнерстве» (CPTPP)[465] и соглашение было успешно подписано всеми сторонами.

Индонезия не является членом CPTPP, хотя и выражала свою заинтересованность в участии в данном формате. Отдельные исследователи считают, что участие в CPTPP может ухудшить отношения с Китаем, так как изначально проект Транстихоокеанского партнерства предполагался как антикитайская инициатива[466]. Тем не менее, в связи с отказом США от вступления в вышеуказанный проект, китайское руководство начало активно рассматривать перспективы подключения к CPTPP[467].

Фактор ВРЭП также учитывается при анализе перспектив участия Индонезии в CPTPP. Президент Джоко Видодо в 2015 г. выражал свои опасения, что параллельный процесс вступления во ВРЭП и CPTPP будет затруднителен и

---

[463] Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of New Zealand. June 2005. — URL: https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/P4/Full-text-of-P4-agreement.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[464] McBride J., Chatzky A., Siripurapu A. What Is the Trans-Pacific Partnership (TPP)? — Текст: электронный // Council on Foreign Relations. 20 September 2021 — URL: https://www.cfr.org/backgrounder/what-trans-pacific-partnership-tpp (дата обращения: 01.05.2024).

[465] New Zealand sets out progressive and inclusive trade approach at CPTPP signing. — Текст: электронный // The New Zealand Government. 9 March 2018. — URL: https://www.beehive.govt.nz/release/new-zealand-sets-out-progressive-and-inclusive-trade-approach-cptpp-signing (дата обращения: 01.05.2024).

[466] Hayden, S. Heine, J. CPTPP: Can We Expect Additional Southeast Asian Members Soon? — Текст: электронный // The Diplomat. 10 March. 2022. — URL: https://thediplomat.com/2022/03/cptpp-can-we-expect-additional-southeast-asian-members-soon/ (дата обращения: 01.05.2024).

[467] Zhenhua, L. Premier Sends ‘Powerful’ Signal for China to Join Asia-Pacific’s Largest Trade Pact. — Текст: электронный // Caixin Global. 29 May. 2020. — URL: https://www.caixinglobal.com/2020-05-29/premier-sends-powerful-signal-for-china-to-join-asia-pacifics-largest-trade-pact-101560855.html (дата обращения: 01.05.2024).

Индонезия в этом вопросе будет вести поступательную политику с первоочередностью ВРЭП в данном вопросе[468]. В качестве же основной причины, препятствующей вступлению в СРТРР, многие исследователи указывают несоответствие Индонезии стандартам участия в СРТРР, в частности, в области антикоррупционного законодательства и экономической среды для бизнеса[469], что в своей совокупности действительно дает основания полагать, что вступление Индонезии на данном этапе в Транстихоокеанское партнёрство преждевременно.

Подводя итоги данной части анализа, стоит обратить внимание на сходство в двух проектах экономической интеграции в рамках АТР или Восточной Азии, так как между ВРЭП и СТРР есть много общего. Оба соглашения предполагают сокращение таможенных пошлин, защиту прав интеллектуальной собственности и юридическую защиту инвестиций стран-участников соглашения. Тем не менее, есть и существенная разница в двух соглашениях. Если во ВРЭП состоят все члены Ассоциации, то в СРТРР лишь четыре из наиболее развитых стран АСЕАН (Сингапур, Малайзия, Бруней). Такое разделение создает проблемы для развития регионализации в Юго-Восточной Азии. Во-первых, увеличивается неравенство между странами АСЕАН: некоторые из участников из-за преимуществ льготного торгового режима получают преференции как от Китая, так и от западных стран. В результате страны, которые и так в несколько раз превосходят по экономическим показателям своих соседей в регионе, будут развиваться с еще большими темпами, в то время как остальные партнеры по Ассоциации не только не получат выход на западные рынки, но и будут еще более зависимы от Китая в рамках ВРЭП. Во-вторых, это нарушение принципа солидарности – одного из основополагающих принципов существования АСЕАН[470]. Кроме того, есть все основания полагать, что ВРЭП лучше соответствует асеаноцентричному

[468] Hayden, S. Heine, J. CPTPP: Can We Expect Additional Southeast Asian Members Soon? — Текст: электронный // The Diplomat. 10 March. 2022. — URL: https://thediplomat.com/2022/03/cptpp-can-we-expect-additional-southeast-asian-members-soon/ (дата обращения: 01.05.2024).

[469] Simbolon, P.G.M., Simatupang, E.M. Is Indonesia Ready to be the Party of the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership? / P.G.M. Simbolon, E.M. Simatupang. // Jurnal Kajian Pembaruan Hukum. — 2024. — Vol. 4, No. 1. — P. 35.

[470] Wu, C.H. ASEAN at the Crossroads: Trap and Track between CPTPP and RCEP / C.H. Wu. // Journal of International Economic Law. — 2020. — Vol. 23, No 1. — P. 97–117.

представлению об экономическом развитии региона, так как в Соглашении участвуют все страны АСЕАН, а все внерегиональные партнеры – имеют соглашение с АСЕАН о свободной торговле[471], в то время как СРТРР вводит эксклюзивную систему преференциальной торговли с отдельными странами АСЕАН и нарушает принципы солидарности внутри Ассоциации.

Оба вышеуказанных проекта экономической интеграции по своей организации и амбициям уступают другой, наиболее крупной азиатской экономической структуре – Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (АТЭС). Этот форум, созданный при непосредственной поддержке США, включает в себя 21 экономику стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Важно отметить, что АСЕАН изначально отрицательно относилась к идее существования такого макрорегионального формата, так как видела в нем угрозу доминирования в Юго-Восточной Азии сверхдержав: США и еще существовавшего на тот момент СССР. Во-первых, из-за активной политики стран Ассоциации АТЭС был создан в виде форума, а не организации. Во-вторых, для противодействия экономическому доминированию АТЭС в регионе, АСЕАН попробовала создать дублирующую структуру Восточно-Азиатскую экономическую группу (ВАЭГ), куда не должны были входить США, СССР, Австралия и Новая Зеландия.

У АСЕАН действительно был повод для беспокойства. Основной целью АТЭС служило создание торговых режимов, соответствующих правилам ГАТТ, а также либерализация торгового и инвестиционного режима, которая должна была приносить выгоды его членам без ущемления интересов третьих стран[472]. Более того, в АТЭС превалирует принцип «совместных односторонних действий», предполагающий свободный выбор каждым участником приоритетных

---

[471] Gultom, D. RCEP: The Opportunity for Indonesia and Steps of Its Implementation, An Insider's Perspective. — Текст: электронный // CIPS. 22 December 2021. — URL: https://www.cips-indonesia.org/post/rcep-the-opportunity-for-indonesia-and-steps-of-its-implementation-an-insider-s-perspective (дата обращения: 01.05.2024).

[472] Сидоров А.А. АТЭС в поисках новой парадигмы развития / А.А. Сидоров/ // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2009. – № 2. – С.24.

направлений сотрудничества и самостоятельное определение «глубины» и «скорости» включения в процессы либерализации[473]. В 1994 г. в г. Богоре прошел первый саммит АТЭС, на котором было открыто объявлено о планах создать на территории АТР до 2010 г. свободный и открытый для торговли и инвестиций рынок для развитых стран и до 2020 г. для развивающихся[474]. В следующем году в г. Осаке «Богорские цели» был подтверждены. АСЕАН не принял такой формат международного сотрудничества со странами АТР и решила создать ряд дублирующих асеаноцентричных организаций со схожей повесткой. ВАС, АСЕАН+3, АСЕАН+1, АСЕАН+6 и диалоговые форматы как АСЕАН-Россия и АСЕАН-США были призваны сохранить ведущую роль Ассоциации в экономическом развитии региона. И эта цель удалась, АТЭС не смог пройти проверку на прочность во время финансовых кризисов 1998 и 2008 гг., показав своим бездействием, что это лишь дискуссионная площадка с большими, но нереализуемыми целями[475].

Индонезия придерживается общего для АСЕАН мнения относительно первоочередности Ассоциации. Для подтверждения указанного высказывания можно рассмотреть индонезийскую повестку на саммите АТЭС в г. Сан-Франциско в 2023 г. Основной темой для обсуждения лидеров в АТР Индонезия сочла вопросы урегулирования палестино-израильского конфликта[476].

Подобная политика также подтверждает ранее высказанное утверждение о том, что Индонезия рассматривает АТЭС и другие подобные многосторонние форумы как механизм повышения престижа страны на международной арене в роли одной из ведущих держав не только в своем регионе, но и среди мусульманских стран, и во всем мире.

---

[473] Там же. – С. 23.
[474] Beeson, M. Institutions of the Asia-Pacific: ASEAN, APEC, and beyond / M. Beeson. — New York: Taylor & Francis, 2008. – P.47.
[475] Ibid – P. 54.
[476] Pambagyo, I. Indonesia in Global Economic Map: Reflection from APEC Leaders' Week in San Francisco. — Текст: электронный // Jakarta Globe. 19 November 2023. — URL: https://jakartaglobe.id/opinion/indonesia-in-global-economic-map-reflection-from-apec-leaders-week-in-san-francisco (дата обращения: 01.05.2024).

Отдельного внимания заслуживает другой широкомасштабный проект азиатской интеграции – «Один пояс – один путь», проходящий через большинство стран Юго-Восточной Азии. Данный проект может послужить драйвером дальнейшей интеграции стран региона. Китай вкладывает большие средства в данный проект, где Юго-Восточной Азии уделено центральное место. Такое обстоятельство не случайно, для Китая критически важно обеспечить неприкосновенность морских путей, через которые проходит 75% всей азиатской торговли, 60% импорта энергоресурсов Китая и 90% всей торговли Китая[477]. В связи с этим для КНР жизненно необходимо добиться обладания ключевыми инфраструктурными объектами в регионе с гарантией их дальнейшего использования в течение десятилетий, и в отличии от США и Японии у Китая есть несравненное преимущество в лице китайской зарубежной диаспоры.

Индонезия играет роль одного из ключевых партнеров проекта «Один пояс – один путь», так как это не противоречило планам президента Джоко Видодо в части развития морской инфраструктуры. Китайский исследователь Гао Лан приводит четыре позитивных эффекта от имплементации «Одного пояса – одного пути» в Юго-Восточной Азии:

1) Создание инфраструктуры с соседними с Китаем странами;

2) Развитие «морской культуры» у отдельных стран Юго-Восточной Азии;

3) Существенный фактор развития морской торговли;

4) «Один пояс – один путь» становится причиной значительного повышения уровня безопасности мореплавания в ЮКМ[478].

Для Индонезии «Один пояс – один путь» воспринимается как источник больших инвестиций в торговую инфраструктуру. В 2020 г. Джоко Видодо объявил о намерении потратить более 400 млрд. долларов США на инфраструктурные проекты в течение следующих пяти лет. Однако, с учетом

---

[477] Зеленева И.В. «Малаккская диллема» и региональная безопасность в Юго-Восточной Азии / И.В. Зеленева. // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 1. – С. 19.

[478] Gao, L. Reconstructing Maritime Silk Road & China’s Marine Diplomacy with Neighboring Countries / L. Gao. // History Research. — 2014. — Vol. 2, No. 3. —P. 12.

дефицитного бюджета Индонезия не в состоянии реализовать свои амбициозные планы без китайской помощи.

Вместе с тем исследователи из Сингапура справедливо отмечают, что китайская инвестиционная политика имеет специфику, которая не устраивает многих кредиторов. В частности, кредиты, связанные с проектом «Один пояс – один путь», приводят к «долговому рабству» стран перед Китаем[479]. Во многом поэтому пока не объявлено ни об одном китайском проекте в Индонезии в рамках «Один пояс – один путь»[480]. Другой особенностью ведения китайского бизнеса в регионе является привлечение большого числа китайских рабочих и компаний-подрядчиков. Подобная тактика еще более успешно реализовывается в Индонезии, так как это здесь находится одна из крупнейших в Юго-Восточной Азии китайских диаспор.

Исторически китайцы были представлены как одна из наиболее многочисленных групп населения, связанная с торговлей и финансами в Индонезии. Как отмечает О.Л. Петрова, китайская диаспора занимает важное положение в социальной структуре страны. Так, она приводит статистические данные, что китайские индонезийцы владеют 68% из 300 крупнейших конгломератов в стране[481]. Кроме того, китайское правительство активно использует китайцев за рубежом в качестве одного из механизма продвижения своих бизнес-интересов[482].

Таким образом, китайский проект «Один пояс – один путь» является одним из перспективных направлений для экономической интеграции регионального пространства в Юго-Восточной Азии через создание устойчивых цепочек морской торговли на материально-технической базе, основанной на китайских инвестициях. Для Индонезии как морской державы это открывает большие

---

[479] Negara, S. D., & Suryadinata, L. The Flying Geese and China's BRI in Indonesia / S. D. Negara, L. Suryadinata. // The Singapore Economic Review. — 2021. — Vol. 66, No 1. — P. 19.
[480] Ibid. — P.12.
[481] Петрова О. Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений / О. Л. Петрова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 35. – С.133.
[482] Muas, R. Tuty Nur Mutia Enoch Diaspora in Indonesia-China Relationship at the Comprehensive Strategic Partnership Era / R. Tuty Nur Mutia Enoch Muas. // International Review of Humanities Studies. — 2024. — Vol. 8, No. 1. — P. 301.

возможности для улучшения своих позиций в мировой торговле, однако риски зависимости от китайского капитала вызывают опасения у индонезийского руководства, что позволяет развиваться другим проектам региональной интеграции в рамках макрорегионального пространства АТР, Восточной Азии или ИТР.

Одним из последних примеров такого объединения в рамках ИТР считается QUAD, который опирается на более грубые методы обеспечения региональной стабильности, основанные на стратегическом балансировании и военной мощи.

Попытки предложить альтернативу асеановскому подходу к региональной безопасности предлагались и ранее, в том числе Австралией, Индией и Японией[483]. Наиболее близкой к реализации оказалась попытка Японии создать формат

Индо-Тихоокеанского сотрудничества в 2007 году, когда по инициативе японского премьера Синдзо Абэ было объявлено о формировании четырехстороннего формата взаимодействия[484]. Однако на тот момент он оказался нежизнеспособным на фоне низкой заинтересованности партнеров в усилении конфронтации с Китаем.

Кардинальное изменение ситуации произошло в 2017 г., когда администрация Дональда Трампа вернулась к идее создания свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона[485]. Для США стало очевидно, что текущая динамика развития территориального конфликта в Южно-Китайском море приведет к фактическому контролю вооруженных сил КНР над данной акваторией. Для Вашингтона данная территория важна как экономически, так и стратегически: в акватории Южно-Китайского моря ежегодно перевозится американских товаров на сумму более 1.2 трлн долларов США[486], а также ведется

---

[483] Колдунова Е. В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций / Е. В. Колдунова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. – Т. 1, № 2(43). – С. 43-44.
[484] Там же. – С. 44.
[485] Kliem, F. Why Quasi-Alliances Will Persist in the Indo-Pacific? The Fall and Rise of the Quad / F. Kliem // Journal of Asian Security and International Affairs. — 2020. — Vol. 7, No 3. — P. 272.
[486] How Much Trade Transits the South China Sea? — Текст: электронный // CSIS. — URL: https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/ (дата обращения: 01.05.2024).

деятельность американских разведывательных подводных лодок, что неоднократно вызывало негативную реакцию со стороны Китая[487].

Обострение двусторонних противоречий между Китаем и США послужило поводом для начала крупномасштабной кампании по сдерживанию «китайской агрессии», результатом которой стало создание QUAD. Основные задачи данного неформального объединения были выражены годом ранее японским премьером[488] Синдзо Абэ и позже отразились в Стратегии национальной безопасности США от 2017 г.[489] В Стратегии вопросы азиатской региональной безопасности рассматриваются в терминах Индо-Тихоокеанского региона – геостратегического формата, отличающегося от традиционных представлений о формате АТР. Смещение акцентов с АТР на ИТР не было случайным. Это необходимо США для перераспределения приоритетов в региональной политике в Азии, так как в рамках ИТР основным вызовом представляется нарастающая экономическая и политическая мощь КНР. В этой связи неудивительно, что новый формат QUAD быстро выработал свой набор концептуальных посылов и начал прорабатывать механизмы взаимодействия с основными участниками региона.

Предпосылки для закрепления данного формата в макрорегиональной повестке можно рассмотреть в двух плоскостях.

Известный американский исследователь А. Ачарья утверждает, что внутренняя слабость Ассоциации лежит в основополагающем принципе принятия решений консенсусом, не позволяющим принимать принципиальные решения по спорным вопросам. Таким образом, результативные документы по итогам саммитов АСЕАН не носят строго обязывающего характера и принимаются в обтекаемых формулировках. В вопросах экономического развития асеановские

---

[487] Pickrell, R. China is fixated on a mysterious US submarine incident in the South China Sea and keeps accusing the US of a cover-up. — Текст: электронный // Business Insider. 26 October 2021. — URL: https://www.businessinsider.com/china-keeps-demanding-answers-mysterious-us-submarine-incident-2021-10 (дата обращения: 01.05.2024).

[488] Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Opening Session of the Sixth Tokyo International Conference on African Development (TICAD VI). — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Japan. August 2016. — URL: https://www.mofa.go.jp/afr/af2/page4e_000496.html (дата обращения: 01.05.2024).

[489] National Security Strategy of the United States of America. — Текст: электронный // The White House. December 2017. — URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

институты работают достаточно эффективно, но при наступлении политического кризиса они парализуются в силу отсутствия общей позиции[490], что создает возможность для QUAD активнее продвигать собственную повестку.

Другой зарубежный исследователь, Фр. Клием, выдвигает свое предположение, почему формат QUAD может оказаться вполне жизнеспособным, опираясь на теоретические подходы неореализма. По его словам, QUAD является ответом на растущую угрозу в виде все больше набирающего мощь Китая, и для подтверждения своей гипотезы он использовал четыре показателя из теории неореализма: суммарная мощь, географическая близость, наступательная мощь и агрессивные намерения КНР. На основе данных показателей он приходит к выводу, что при детальном рассмотрении все четыре государства-члена QUAD рассматривают Китай как существенную угрозу их интересам, что обуславливает устойчивость кооперационных усилий членов QUAD[491].

Как уже было сказано ранее, основой скоординированных действий объединения QUAD является декларация о «Свободном и открытом Индо-Тихоокеанском регионе»[492]. Сам термин Индо-Тихоокеанский регион уже давно употреблялся в различных географических и экономических сборниках, однако использовался в основном Индией и Японией[493]. С приходом к власти Д. Трампа изменился и вектор американской внешней политики. Произошла фрагментация большого Азиатско-Тихоокеанского региона, а Индо-Тихоокеанский регион стал более компактным, так как для Трампа ключевой статус приобрела концентрация внимания на две крупные угрозы для национальной безопасности США: Китай и КНДР. При этом, в отличие от асеановоского подхода, QUAD не предлагает какой-либо институциональной альтернативы для разрешения спорных ситуаций.

---

[490] Acharya, A. Doomed by Dialogue: Will ASEAN Survive Great Power Rivalry in Asia? / A. Acharya // International Relations and Asia's Southern Tier. Asan-Palgrave Macmillan Series / G. Rozman, J. Liow (eds). — Singapore: Springer. 2018. — P.89.

[491] Kliem F. Why Quasi-Alliances Will Persist in the Indo-Pacific? The Fall and Rise of the Quad. Journal of Asian Security and International Affairs. 2020;7(3). P. 277.

[492] A Free and Open Indo-Pacific Advancing a Shared Vision URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf.

[493] Miyake, K. The 'Indo-Pacific' is nothing new. — Текст: электронный // The Japan Times. 4 June 2018. — URL: https://www.japantimes.co.jp/opinion/2018/06/04/commentary/world-commentary/indo-pacific-nothing-new/#.XrSi14vVJQK (дата обращения: 01.05.2024).

Более того, с учетом обнародованной американской стратегии Индо-Тихоокеанского региона от 2017 г., методом решения основных проблем в ИТР (американская администрация выделяет две такие проблемы – ядерная программа КНДР и растущее влияние КНР) оказывается «стратегическое соперничество»[494].

Документ приводит классическую для реализма методологию ведения внешней политики в регионе. Во-первых, для создания «противовеса» Китаю США наращивают военное и экономическое сотрудничество с Индией. Такая политика соотносится с популярной теорией «офшорного балансирования», предложенной крупнейшим в США теоретиком «наступательного реализма» Дж. Миршаймером. Он утверждал, что намного дешевле создать региональную систему, в которой США будут иметь второстепенную роль, подрывая экономический потенциал своего соперника в глобальном или региональном масштабе за счет поддержки его конкурента в регионе[495] – Индии. Во-вторых, США, в отличие от АСЕАН, не предлагают создать инклюзивную систему региональной безопасности. Напротив, такая система безопасности, в американском представлении, должна выстраивается за счет укрепления двусторонних отношений со странами региона. Предполагается материально-техническая поддержка большинства соседствующих с Китаем стран с целью создания крупных игроков на военно-политической карте ИТР[496].

В дополнение стоит отметить, что в Стратегии национальной безопасности от 2017 г. Д. Трамп выделил центральную роль Юго-Восточной Азии в ИТР, так как это пространство стало местом борьбы за влияние со стороны Китая и США[497]. Схожая позиция выражена и самой Ассоциацией в документе «Индо-

---

[494] Strategic Framework for The Indo-Pacific. — Текст: электронный // The White House. May 2021. — URL: https://sgp.fas.org/news/2021/01/indopac-framework.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[495] Mearsheimer, J.J., Walt, S.M. The Case for Offshore Balancing. A Superior U.S. Grand Strategy. — Текст: электронный // Foreign Affairs. 13 June 2016. — URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/case-offshore-balancing (дата обращения: 01.05.2024).

[496] Strategic Framework for The Indo-Pacific. — Текст: электронный // The White House. May 2021. — URL: https://sgp.fas.org/news/2021/01/indopac-framework.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[497] National Security Strategy of the United States of America. — Текст: электронный // The White House. December 2017. — URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

тихоокеанское видение АСЕАН»[498], где также подчеркивается центральная роль Юго-Восточной Азии и АСЕАН в вопросах регионального развития ИТР и подразумевает непосредственное участие Ассоциации в региональных процессах.

Индонезийские эксперты в целом солидарны с официальной линией индонезийских властей, высказанной министром иностранных дел Индонезии Р. Марсуди на страницах газеты “The Jakarta Times”. Основная цель Индонезии в ИТР, по мнению министра, заключается в том, чтобы асеаноцентричность была закреплена в качестве одного из ключевых принципов существования ИТР. Сама концепция сотрудничества ИТР будет способствовать безопасности и экономическому росту в акватории обоих океанов[499]. Положительно относится к переменам в регионе и бывший министр иностранных дел Индонезии (2009-2014 гг.) Марти Наталегава, который еще будучи министром иностранных дел при президенте С.Б. Юдхойоно в 2013 г. сформулировал подход Индонезии к ИТР, утверждая, что для достижения равновесия в будущем необходимо расширение регионального пространства и включение в него новых стран, имеющих выход к Индийскому океану, а «Индонезия и США смогут преодолеть свои противоречия в новом региональном пространстве»[500]. Вместе с тем, по мнению ряда индонезийских исследователей, важно, чтобы интересы Индонезии были максимально учтены при формировании ИТР, а концептуальной основой нового регионального порядка должно стать «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН»[501].

Рассматривая более детально данный аспект, необходимо обратиться к утверждению Д.Ф. Анвар о том, что Индонезия разрабатывала и в последствии

---

[498] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. June 2019. — URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[499] Marsudi, R. Insight: Time to deepen Indo-Pacific cooperation. — Текст: электронный // The Jakarta Post. 20 March. 2019. — URL: https://www.thejakartapost.com/academia/2019/03/20/insight-time-to-deepen-indo-pacific-cooperation.html (дата обращения: 01.05.2024).

[500] Keynote address by Matry Natalegawa of May 16, 2013. — Текст: электронный // Center for Strategic and International Studies. May 2013. — URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/130516_MartyNatalegawa_Speech.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

[501] Mamentu, M., Indonesian Foreign Policy in Encouraging the Acceleration of Implementation of the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific / M. Mamentu, J.J. Rares, V.Y. Lond // Journal of Law and Sustainable Development. — 2024. — Vol. 12, No. 1. — P. 4.

лоббировала принятие «Индо-Тихоокеанское видения АСЕАН» как программного документа для всей Ассоциации. В этой связи, анализируя указанный документ, можно определить не только видение АСЕАН на новые тренды в макрорегионализации Юго-Восточной Азии, но и Индонезии[502]. Так, Анвар указывает, что Индонезия активно продвигала диалог по вопросу будущего вида ИТР для АСЕАН по трем причинам:

1) Закрепить неофициальный статус лидера АСЕАН и державы среднего уровня за Индонезией;

2) Укрепить асеаноцентричность региона за счет активного вмешательства в переговорный процесс формирования контуров ИТР;

3) Сформировать собственное представление о целях ИТР в Юго-Восточной Азии[503].

В то же время известный американский исследователь Д. Веверби представил свою точку зрения на данный вопрос. Он утверждал, что Индонезия ведет двойственную политику снижения рисков для своей страны. С одной стороны, Индонезия стремится сохранить центральную роль АСЕАН, но с другой стороны, ИТР может быть причиной «оптимизации существующих структур»[504]. Общим для данной дискуссии выводом можно обозначить, что ИТР — это существенный фактор в современных процессах регионализации Юго-Восточной Азии, а Индонезия является одной из первых стран в регионе, которая не только это осознала, но и попробовала сконфигурировать данные перемены в свою пользу[505].

Экономическое измерение ИТР также становится одним из важных факторов в процессах регионализации Юго-Восточной Азии. Индо-Тихоокеанская экономическая структура (ИТЭС) – торговое соглашение между

---

[502] Anwar, D.F. Indonesia and the ASEAN outlook on the Indo-Pacific / D.F. Anwar. // International Affairs. — 2020. — Vol. 96, No. 1. — P. 127.
[503] Ibid. — P. 127.
[504] Weatherbee, D. E. Indonesia, ASEAN, and the Indo-Pacific Cooperation Concept / D. E. Weatherbee. // ISEAS Perspective. — 2019. — Vol. 2019. No. 47. — P. 7.
[505] Сумский, В. В. "Индо-тихоокеанское видение АСЕАН" и вертикальный взлет американо-китайских противоречий / В. В. Сумский // Международная жизнь. – 2021. – № 4. – С. 74-89.

13 странами АТР[506], подписанное в 2022 г. и направленное на усиление связей между странами в таких областях, как торговля, цепочки поставок, декарбонизация и налогообложение. Российский экономист Б.А. Хейфец подчеркивает, что ИТЭС в отличии от многих подобных структур достаточно гибкая по отношению к обязательствам его членов. Так, партнеры по ИТЭС не обязаны соблюдать все части соглашения, а могут участвовать лишь частично, что, по мнению российского ученого, делает ее похожей на «Один пояс – один путь»[507].

Важно отметить, что здесь проглядывается стратегия двух противодействующих великих держав в попытках закрепить за собой не только политическую, но и экономическую повестку в рамках своих отраслевых организаций и соглашений. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что экономическому направлению уделяется не меньшее внимание, чем политическому. Предотвращение экономического доминирования Китая в регионе является такой же приоритетной задачей, как и свобода судоходства в регионе. Экономическая агрессия рассматривается с такой же степенью серьезности, как и военная[508], что может говорить только о возникновения новых граней соперничества в XXI в.

Для Индонезии ИТЭС стоит рассматривать как один из инструментов продвижения своих торговых интересов на рынках США, Австралии и Новой Зеландии, что в свою очередь снижает перекос в экономическом взаимодействии с «китаецентричными» экономическими структурами, оперирующими на территории Юго-Восточной Азии.

Таким образом, в рамках макрорегиональных пространств АТР и Восточной Азии конструируются новые форматы политической и экономической интеграции, которые все больше участвуют в экономической и политической

---

[506] США, Япония, Индия, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Сингапур, Бруней и Фиджи.

[507] Хейфец Б. А. Индо-Тихоокеанская экономическая структура - новая форма трансрегионального партнерства / Б. А. Хейфец. // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 2. – С. 95.

[508] Weatherbee, D. E. Indonesia, ASEAN, and the Indo-Pacific Cooperation Concept / D. E. Weatherbee. // ISEAS Perspective. — 2019. — Vol. 2019. No. 47. — P. 1.

жизни Юго-Восточной Азии. Параллельно с этим активно продвигается концепция Индо-Тихоокеанского региона со своим представлением о региональном порядке и ролью Индонезии и АСЕАН.

Стоит отметить, что данные процессы происходят ввиду все большей неопределённости и турбулентности в международных отношениях ведущих мировых держав. Можно утверждать, что разные форматы экономической интеграции в ИТР или АТР исключают вовлечение Китая или США, что подвергает регион риску поляризации.

Для Юго-Восточной Азии и АСЕАН это проявляется в попытках ведущих мировых держав замкнуть экономическую жизнь региона в своих эксклюзивных структурах. Так, Китай стремится вовлечь Ассоциацию в орбиту своей экономической экспансии в рамках регионального пространства Восточной Азии и формата «Один пояс – один путь», а ИТР, QUAD и ИТЭС предлагают альтернативный вариант региональной структуры в рамках концепта Индо-Тихоокеанского региона. Индонезия старается сохранять нейтралитет и балансирует между соперничающими лагерями в АТР, активно участвуя во всех выгодных для нее формат, однако у такого подхода есть и обратная сторона, негативная для АСЕАН и ее центральной роли в Юго-Восточной Азии.

Выводы к Главе 3

Противостояние великих держав приводит к повышенному вниманию к Юго-Восточной Азии и ее странам как одной из арен соперничества за рынки капиталов и политическую поддержку в регионе. Вместе с тем единственным действенным способом для стран Юго-Восточной Азии противостоять влиянию более крупных государств остаются асеаноцентричные институты.

Основным источником напряжённости в Юго-Восточной Азии остается вопрос о демаркации границ в Южно-Китайском море, а также связанная с этим активная политика Китая в отношении стран АСЕАН. США в данной ситуации выступают в роли противовеса, к которому обращаются страны АСЕАН, чтобы избежать доминирования со стороны КНР. Несмотря на вышесказанное, Китай

нельзя обозначить в качестве однозначной угрозы для региональной безопасности. Напротив, китайские инвестиции и экономический рост, спровоцированный тесной кооперацией с КНР, позволяет АСЕАН укреплять региональную стабильность и повышает уровень развития всего региона.

Таким образом, в регионе сформирована сложная система сдержек и противовесов, которая на данный момент позволяет сохранять в регионе статус-кво, однако такая конструкция становится очень зависимой от событий в мире, в частности, начало Специальной военной операции на Украине и выборы 2024 г. в США вызвали большие сомнения у стран Ассоциации в способности США быть тем фактором, что будет способен оказать необходимые усилия для сдерживания китайской агрессии при необходимости. С одной стороны, это ставит страны АСЕАН и Индонезию как одну из ключевых стран объединения в очень уязвимое отношение перед внешней средой, а с другой стороны, подвергает сомнению эффективность асеаноцентричных институтов в разрешении экономических и политических вопросов в Юго-Восточной Азии и за ее пределами.

В связи с этим Индонезия определяет для себя, что необходимо либо продолжать укреплять асеаноцентричную архитектуру региональной безопасности, либо формировать другую систему, в которой Индонезия продолжит выполнять роль гаранта региональной безопасности и системы в целом, так как национальные интересы и безопасность Республики имеют первейший приоритет по сравнению с интересами АСЕАН.

Параллельно процессам становления региона одним из пространств для соперничества великих держав АСЕАН проходит тесты на прочность со стороны «альтернативных» проектов по объединению стран в макрорегиональном измерении: азиатско-тихоокеанском, восточноазиатском или индо-тихоокеанском.

С одной стороны, ВРЭП и инициатива «Один пояс — один путь» стремятся включить АСЕАН в сферу экономического влияния Китая в Восточной Азии.

С другой стороны, QUAD и ИТЭС предлагают альтернативную структуру региона в рамках концепции Индо-Тихоокеанского региона со своими союзниками и угрозами. Нельзя также не отметать интеграционные процессы в

более устоявшихся географических рамках: СРТРР и АТЭС также претендуют на объединение уже в пространстве АТР. Индонезийская внешняя политика в вышеизложенных условиях остается верна принципам активной и независимой дипломатии в интересах государства. Такой подход предполагает участие во всех возможных процессах регионализации и макрорегионализации с целью максимализации выгоды. Вместе с тем есть большой риск, что в долгосрочной перспективе Индонезия, которая имеет амбиции стать более важным участником глобальных процессов и не в последнюю очередь с этой целью активно участвует в новых экономических и политических многосторонних инициативах, может таким образом подорвать авторитет и вес асеаноцентричных площадок не только в макрорегиональном измерении, но и внутри Юго-Восточной Азии.

Заключение

В международно-политических региональных исследованиях за последние несколько десятилетий сформировались различные концепции и теоретические направления изучения регионального уровня и связанных с ним процессов, они обладают своей уникальной теоретико-методологической основой и все в большей степени акцентируют внимания на региональной динамике в незападном мире. На базисе практической реализации интеграции европейского пространства исследователи вывели основные принципы и закономерности, которые заложили основу для дальнейшего развития региональных исследований, а впоследствии – сравнительных региональных исследований.

Одновременно с этим другой особенностью в современном регионоведении стала неоднородность исследовательских школ. Во многом это объясняется тем, что исследователи, представлявшие различные континенты и апеллировавшие к эмпирическому опыту локальных примеров регионализации, приходили к отличным от европейских коллег выводам, а также использовали методологию исследования, которая в наибольшей степени была близка их национальным исследовательским школам. Не исключением стала и Россия, где в основу международных регионоведческих исследований были положены наработки российских теоретиков в области политологии и международных отношений, в частности, сочетающие использование методов системного и структурно-функционального анализа при активном внедрении сравнительного анализа.

С развитием научно-технического прогресса, а также серьезными изменениями в глобальной системе международных отношений произошли качественные изменения в региональных исследованиях. Так, новые переменные, включая глобализацию и повышение роли негосударственных акторов международных расширили фокус исследований в части прикладного анализа современных региональных процессов, что привело к формированию нового термина – регионализации.

Помимо концептуальных отличий от регионализма и интеграции, исследования регионализации позволяют делать больший акцент на

эмпирической реальности региональной динамики, привлекать широкий набор методологических инструментов для их анализа и определения закономерностей, а также прогнозирования.

Как уже было упомянуто ранее, одной из причин развития региональных исследований и вместе с ним изучения процессов регионализации стало повсеместное распространения данных процессов за пределы Европы. В представленном исследовании был проанализирован феномен регионализации в Юго-Восточной Азии.

Ретроспективно рассмотрев процессы регионализации в Юго-Восточной Азии на примере деятельности АСЕАН был сделан вывод о сложном пути формирования асеаноцентричной системы в Юго-Восточной Азии. Несмотря на непростой процесс консолидации региона, в начале XXI в. АСЕАН прочно утвердилась в качестве безальтернативного проекта региональной интеграции в Юго-Восточной Азии.

Подобное достижение было бы невозможным без развитой идеологической основы. Антиколониализм, принцип сохранения нейтральности, безусловное уважение к национальному суверенитету стран-членов Ассоциации, а также консенсусное и многостороннее разрешение противоречий на своих площадках – все вышеперечисленное сформировало соответствующую концептуальную рамку регионализации в рамках АСЕАН и позволило в течение нескольких десятилетий поддерживать мир и безопасность в Юго-Восточной Азии.

Отдельно стоит подчеркнуть трансрегиональное взаимодействие АСЕАН с внерегиональными странами и другими региональными объединениями как отдельное направление в развитии асеаноцентричности. Принцип открытого регионализма с четким условием уважения и принятия асеаноцентричности при обсуждении вопросов регионального развития в Юго-Восточной Азии стал одним из наиболее выдающихся достижений Ассоциации по достижению компромисса с великими державами в части их участия региональных процессах. Все это в своей совокупности и определяет асеаноцентричную систему в Юго-Восточной Азии и ее «Путь АСЕАН».

В рамках проведенного исследования наравне с АСЕАН рассматривалась роль и место Индонезии в асеаноцентиричной системе. Индонезия с момента обретения независимости является важным элементом региональной системы в Юго-Восточной Азии. Индонезия оказала ключевое влияние на становление АСЕАН и развитие региона соответственно, продвигая свои национальные интересы и идеи в качестве магистральных для всего региона. Неудивительно, что основные принципы работы АСЕАН находят свое отражение в концептуальных основах внешней политики Индонезии, опирающейся на идеи активной деятельности по всем возможным направлениям со строгим соблюдением нейтралитета к основам полюсам на международной арене. Тем не менее, именно этот основополагающий принцип индонезийской внешней политики и стал катализатором для ее дальнейшего дистанцирования от асеаноцентричного подхода в своей внешней политике.

Усиление напряженности в мировой политике, а также дальнейшая макрорегионализация в Азии привели к глубокой трансформации регионального пространства, что безусловно отразилось и на АСЕАН, и на Индонезии. Для АСЕАН противостояние Китая и США в Азии принимает все новые более институализированные и сложные формы. Немаловажным фактором в данном процессе является и активная политика КНР в Южно-Китайского море, ключевой акватории для логистического обеспечения всей азиатской и даже мировой торговли. Страны АСЕАН и сама Ассоциация вынуждены балансировать между экономическими выгодами, получаемыми ими от соседства с Китаем, – крупнейшим мировым производителем и инвестором в страны региона, и угрозой китайской экспансии, купировать которую АСЕАН предполагает путем более активного привлечения к системе региональной безопасности США. Указанные факторы становятся угрозой для асеаноцентричной системы региональной безопасности, так как, не имея жесткой наднациональной организации в данной сфере, она с высокой долей вероятности может не справится с преодолением кризисных ситуаций используя только лишь асеановские форматы.

Вместе с тем угрозой для центральной роли АСЕАН представляются новые региональные объединения, число которых кратно возросло за последние 20 лет. Важной особенностью данных форматов является их макрорегиональное измерение, которое охватывает различные пространства: Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточную Азию или так называемый Индо-Тихоокеанский регион. В этих рамках Юго-Восточная Азия играет роль одного из составных элементов системы, где ей уделяется существенная, но не определяющая роль в региональной повестке.

Для Индонезии это также определенная точка бифуркации, так как выбор вектора развития своей региональной политики станет определяющим для АСЕАН и Юго-Восточной Азии в целом. Индонезия придерживается свойственной ей независимой и активной дипломатии, где основной целью является повышение позиции страны в рамках глобальной системы международных отношений. Данную цель можно реализовать через продвижение асеаноцентричности в рамках макрорегиональных форматов, повышая значимость асеановских площадок, снижая политический вес новых форматов взаимодействия, но при этом лишаясь возможности «оседлать» новые тенденции в регионализации (как они видятся на данный момент). В качестве второго способа повышения роли и места Индонезии можно предположить более активное участие в указанных альтернативных региональных объединениях за счет использования АСЕАН как инструмента продвижения своих позиций. Есть все основания полагать, что такая политика определенно снизит и уровень асеаноцентричности, и уровень асеановской солидарности в Юго-Восточной Азии, однако Индонезия за счет отсутствия строгой привязки своих национальных интересов к интересам АСЕАН сможет более эффективно продвигать их на международной арене. Тем не менее, нет уверенности в том, что изменения в приоритетах внешней политики по отношению к АСЕАН позволят Индонезии закрепить свои лидирующие позиции в рамках новых макрорегиональных структур. Индонезия как держава «среднего уровня» не имеет достаточного веса, чтобы самостоятельно достигать своих целей на

международной арене вне многосторонних площадок. На протяжении десятилетий такой площадкой для выражения своего видения на региональные и глобальные процессы была АСЕАН и для Индонезии такой подход представлялся вполне оптимальным. На фоне возникновения новых макрорегиональных форматов с привлечением крупнейших региональных и внерегиональных держав Индонезия еще не продемонстрировала своей эффективности в деле конкуренции с великими держава в принципиальных вопросах регионального развития на макрорегиональном уровне и даже в Юго-Восточной Азии в отрыве от АСЕАН.

Таким образом, современные процессы регионализации в Юго-Восточной Азии находятся в состоянии постоянной трансформации. Модель асеаноцентричного порядка размывается под влиянием процессов макрорегионализации и эрозии системы безопасности в районе Южно-Китайского моря. Традиционные для Юго-Восточной Азии форматы и площадки не в состоянии в настоящий момент купировать данные угрозы, что создает условия для возникновения и развития новых форматов и объединений в сфере безопасности и экономики.

Индонезия как один из важнейших элементов региональной подсистемы в Юго-Восточной Азии не имеет возможности не реагировать на данные вызовы. Основная цель Индонезии на текущем этапе развития – сохранить свою определяющую роль в региональной архитектуре с учетом базовых для ее внешней политики принципов нейтральности. Выполнение такой задачи в условиях пересечения интересов множества крупных и средних держав требует единой и последовательной внешней политики, которая за десятилетия сможет сформировать конечный облик государства и действенных методов продвижения своих интересов. Внешняя политика Индонезии между тем напротив демонстрирует непостоянство в вопросах продвижения своих интересов в регионе и за его пределами. С одной стороны, Индонезия придерживается линии по развитию АСЕАН и её институтов как главной площадки для обсуждения вопросов развития Юго-Восточной Азии с учетом лидирующей роли Индонезии при принятии решений, но с другой стороны, Индонезия не противится созданию

новых макрорегиональных форматов взаимодействия, а активно включается в процессы их формирования и развития, чтобы попытаться закрепить в них за собой ведущую роль, несмотря на ущерб интересам как отдельным странам АСЕАН, так и самой Ассоциации в целом. Подобная политика может стать проблематичной в долгосрочной перспективе, так новые форматы подрывают асеаноцентричный порядок в Юго-Восточной Азии, а в формирующихся макрорегиональных конфигурациях нет гарантии того, что Индонезии будет отводиться место одного из лидирующих государств.

Список источников и литературы

Источники

Официальные документы и выступления

1. Балийская декларация лидеров «Группы двадцати». — Текст: электронный // Кремль. Ноябрь 2022. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/69844 (дата обращения: 01.05.2024).

2. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе встречи министров иностранных дел Россия-АСЕАН, Куала-Лумпур, 10 июля 2025 года. — Текст: электронный // МИД России — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/2035069 (дата обращения: 01.08.2025).

3. Заключительное коммюнике конференции стран Азии и Африки Бандунг. — Текст: электронный //Российское историческое общество. 24 апреля 1955 г. — URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136211-zaklyuchitelnoe-kommyunike-konferentsii-stran-azii-i-afriki-bandung-24-aprelya-1955-goda#mode/inspect/page/7/zoom/4 (дата обращения: 01.05.2024).

4. Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). — Текст: электронный // ASEAN. Май 2016. — URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign (дата обращения: 01.05.2024).

5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). — Текст: электронный // МИД России. 31 марта 2023 г. — URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 01.05.2024).

6. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами с одной стороны и Социалистической Республикой Вьетнам с другой стороны. — Текст: электронный // ЕАЭС. Май 2016. — URL: https://docs.cntd.ru/document/420353871 (дата обращения: 01.05.2024).

7. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. — Текст: электронный // EU Commission. June 2016. — URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

8. Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Opening Session of the Sixth Tokyo International Conference on African Development (TICAD VI). — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Japan. August 2016. — URL: https://www.mofa.go.jp/afr/af2/page4e_000496.html (дата обращения: 01.05.2024).

9. Agreement on the Common Effective Preferential Tariff Scheme for the ASEAN Free Trade Area. — Текст: электронный // ASEAN. January 1992. — URL: https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2012/Economic/AFTA/Common_Effective_Preferential_Tariff/Agreement%20on%20the%20Common%20Effective%20Preferential%20Tariff%20Scheme%20for%20the%20ASEAN%20Free%20Trade%20Area.pdf (дата обращения: 01.05.2024).ASEAN 2045 Our Shared Future. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. May 2025. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/ASEAN-2045-Our-Shared-Future.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

10. ASEAN Community Vision 2025. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. November 2015. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

11. ASEAN documents series 1967-1986. — Jakarta: ASEAN Secretariat, 1986. — 469 p.

12. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. June 2019. — URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

13. ASEAN Vision 2020. — Текст: электронный // ASEAN. December 1997. — URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_vision.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

14. ASEAN Vision 2040: Towards a Bolder and Stronger ASEAN Community. — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. March 2019. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Vision-2040-Volume-1.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

15. ASEAN-U.S. Leaders' Statement on the Establishment of the ASEAN-U.S. Comprehensive Strategic Partnership. — Текст: электронный // The White House. November 2015. — URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/12/asean-u-s-leaders-statement-on-the-establishment-of-the-asean-u-s-comprehensive-strategic-partnership/ (дата обращения: 18.02.2026).

16. Chairman's Statement Of The 27th ASEAN Summit Kuala Lumpur. — Текст: электронный // ASEAN. November 2015. — URL: https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/27th-summit/statement/Final-Chairmans%20Statement%20of%2027th%20ASEAN%20Summit-25%20November%202015.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

17. Chairman's Statement of the 32nd ASEAN Regional Forum. — Текст: электронный // ASEAN Regional Forum. 11 July 2025. Kuala Lumpur. — URL: https://asean.org/chairmans-statement-of-the-32nd-asean-regional-forum/ (дата обращения: 18.02.2026).

18. Chairman's Statement The Ninth Meeting Of The ASEAN Regional Forum Bandar Seri Begawan. — Текст: электронный // ASEAN. July 2002. URL: https://asean.org/?static_post=chairman-s-statement-the-ninth-meeting-of-the-asean-regional-forum-bandar-seri-begawan-31-july-2002-2 (дата обращения: 01.05.2024).

19. China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. The State Council Information Office of the People's Republic of China. — Текст: электронный // The State Council The People's Republic of China. January 2017. — URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm (дата обращения: 01.05.2024).

20. Declaration of ASEAN Concord II. — Текст: электронный // ASEAN. October 2003. — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2003-Declaration-of-ASEAN-Concord-II.pdf#:~:text=2003%20DECLARATION%20OF%

20ASEAN%20CONCORD,all%20weapons%20of%20mass%20destruction (дата обращения: 01.05.2024).

21. Declaration of the Admission of the Socialist Republic of Vietnam into the Association of Southeast Asian Nations. — Текст: электронный // ASEAN. July 1992. — URL: https://arc-agreement.asean.org/file/doc/2015/01/declaration-on-the-admission-of-the-socialist-republic-of-vietnam-into-the-association-of-southeast-asian-nations.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

22. Declaration of Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration. — Текст: электронный // ASEAN. November 1971. — URL: https://www.pmo.gov.my/wp-content/uploads/2019/07/ZOPFAN.pdf

23. Declaration on the conduct of parties in the South China sea. — Текст: электронный // ASEAN. November 2002 — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2002-Declaration-on-the-Conduct-of-Parties-in-the-South-China-Sea.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

24. Eurasian Economic Union (EEU)-Singapore Free Trade Agreement. — Текст: электронный // EEU. October 2019 — URL: https://aric.adb.org/fta/singapore-eurasian-economic-union(eeu)free-trade-agreement (дата обращения: 01.05.2024).

25. Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on November 15, 2017. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of China. November 2017 — URL: https://www.mfa.gov.cn/ce/ceus//eng/fyrth/t1511125.htm (дата обращения: 01.05.2024).

26. Framework Agreements on Enhancing ASEAN Economic Cooperation. — Текст: электронный // ASEAN. January 1992. — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1992-Framework-Agreement-on-Enhancing-ASEAN-Economic-Cooperation-1.pdf#:~:text=1992%20FRAMEWORK%20AGREEMENTS%20ON%20ENHANCING,of%20the%20Kingdom%20of%20Thailand%3A (дата обращения: 01.05.2024).

27. Ha Noi Declaration of 1998. — Текст: электронный // ASEAN. December 1998. — URL: https://asean.org/?static_post=ha-noi-declaration-of-1998-16-december-1998 (дата обращения: 01.05.2024).

28. Hanoi Declaration On Narrowing Development Gap For Closer ASEAN Integration. — Текст: электронный // ASEAN. July 2001. — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/2001-Hanoi-Decl-on-Narrowing-Development-Gap.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

29. Indonesia and the World 2010. — Текст: электронный // Kedutaan Besar Republik Indonesia di Tunis, Republik Tunisia. January 2010. — URL: https://www.kemlu.go.id/tunis/id/read/indonesia-and-the-world-2010/63/important-information (дата обращения: 01.05.2024).

30. Inilah Prioritas Politik Luar Negeri Indonesia 5 Tahun Ke Depan. — Текст: электронный // Sekretariat Kabinet Republik Indonesia. January 2015. — URL: https://setkab.go.id/inilah-prioritas-politik-luar-negeri-indonesia-5-tahun-ke-depan/ (дата обращения: 01.05.2024).

31. Initiative for ASEAN Integration (IAI) Work Plan III. — Текст: электронный // ASEAN. September 2016. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2016/09/09rev2Content-IAI-Work-Plan-III.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

32. Joint Declaration on the Comprehensive Partnership between the United States of America and the Republic of Indonesia. — Текст: электронный // The White House. February 2015. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2010/11/09/joint-declaration-comprehensive-partnership-between-united-states-americ (дата обращения: 01.05.2024).

33. Joint Statement by the United States of America and the Republic of Indonesia. — Текст: электронный // The White House. October 2015. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/10/26/joint-statement-united-states-america-and-republic-indonesia (дата обращения: 01.05.2024).

34. Joint Statement of the 16th ASEAN-China Summit on Commemoration of the 10thAnniversary of the ASEAN-China Strategic Partnership. — Текст:

электронный // ASEAN. October 2013. — URL: https://knowledge.ckgsb.edu.cn/2018/09/10/finance-and-investment/international-trade/trade-between-china-and-southeast-asia/
(дата обращения: 01.05.2024).

35. Joint Statement of the 3rd ASEAN-Russian Federation Summit on Strategic Partnership. — Текст: электронный // Kremlin. November 2018. — URL: http://en.kremlin.ru/supplement/5360 (дата обращения: 01.05.2024).

36. Joint Statement on the ASEAN-U.S. Strategic Partnership. — Текст: электронный // The White House. November 2015. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/21/joint-statement-asean-us-strategic-partnership (дата обращения: 01.05.2024).

37. Keynote address by Matry Natalegawa of May 16, 2013. — Текст: электронный // Center for Strategic and International Studies. May 2013. — URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/130516_MartyNatalegawa_Speech.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

38. National Security Strategy of the United States of America. — Текст: электронный // The White House. December 2017. — URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

39. National Security Strategy of the United States of America. — Текст: электронный // The White House. February 2010. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

40. PM Lee Hsien Loong's remarks at press conference with Russian PM Dmitry Medvedev. — Текст: электронный // Prime Minister's Office Singapore. May 2016. — URL: https://www.pmo.gov.sg/newsroom/pm-lee-hsien-loongs-remarks-press-conference-russian-pm-dmitry-medvedev-19-may-2016 (дата обращения: 01.05.2024).

41. Press Statement by the Chair of the ASEAN Foreign Ministers' Retreat. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://asean.org/wp-

content/uploads/2026/01/FINAL-Press-Statement-by-the-Chair-of-the-ASEAN-Foreign-Ministers-Retreat.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

42. Sochi Declaration of the ASEAN-Russian Federation Commemorative Summit to Mark the 20th Anniversary of ASEAN-Russian Federation Dialogue Partnership “Moving Towards a Strategic Partnership for Mutual Benefit”. — Текст: электронный // ASEAN. May 2016. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2016/05/Sochi-Declaration-of-the-ASEAN-Russia-Commemorative-Summit-Final.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

43. Statement by President of the Republic of Indonesia H.E. Joko Widodo at the General Debate of the 75th Session of the United Nations General Assembly New York, 22 September 2020 Текст: электронный // The International Affairs Journal. November 2022. — URL: https://kemlu.go.id/portal/en/read/1715/berita/statement-by-president-of-the-republic-of-indonesia-he-joko-widodo-at-the-general-debateof-the-75th-session-of-the-united-nations-general-assembly-new-york-22-september-2020 (дата обращения: 01.05.2024).

44. Statement of the ASEAN Foreign Ministers. — Текст: электронный // ASEAN. July 2012. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/AFMs%20Statement%20on%206%20Principles%20on%20SCS.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

45. Strategic Framework for The Indo-Pacific. — Текст: электронный // The White House. May 2021. — URL: https://sgp.fas.org/news/2021/01/indopac-framework.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

46. Testimony by Joseph Yun. The Rebalance to Asia: Why South Asia Matters (Part 1). — Текст: электронный // U.S. Department of State. February 2013. — URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/02/205208.htm (дата обращения: 01.05.2024).

47. The ASEAN Charter — Текст: электронный // ASEAN Secretariat. December 2008. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

48. The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration). — Текст: электронный // ASEAN. August 1967. — URL: https://web.archive.org/web/20150211121705/http://www.asean.org/news/item/the-asean-declaration-bangkok-declaration (дата обращения: 01.05.2024).

49. The Brussels Treaty — Текст: электронный // NATO. March 1948. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17072.htm? (дата обращения: 01.05.2024).

50. The Declaration of ASEAN Concord, Bali, Indonesia. — Текст: электронный // ASEAN. February 1976. — URL: https://asean.org/the-declaration-of-asean-concord-bali-indonesia-24-february-1976/#:~:text=Member%20states%20shall%20strive%2C%20individually,mutual%20respect%20and%20mutual%20benefit (дата обращения: 01.05.2024).

51. The Maastricht Treaty. — Текст: электронный // European Union. February 1992. — URL: https://blogs.elpais.com/files/maastrichtec.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

52. The Treaty on Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone. — Текст: электронный // ASEAN. December 1995. — URL: https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1995-Treaty-on-the-Southeast-Asia-Nuclear-Weapon-Free-Zone.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

53. Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of New Zealand. June 2005. — URL: https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/P4/Full-text-of-P4-agreement.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

54. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon. — Текст: электронный // European Union. December 2007. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT (дата обращения: 01.05.2024).

55. Treaty on the Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone. — Текст: электронный // ASEAN. December 1995. — URL: https://asean.org/treaty-on-the-southeast-asia-nuclear-weapon-free-zone (дата обращения: 01.05.2024).

56. U.S.-China Strategic Competition in South and East China Seas: Background and Issues for Congress. — Текст: электронный // Congressional Research Service. August 2024. — URL: https://sgp.fas.org/crs/row/R42784.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

57. US National Security Strategy. — Текст: электронный // White House. October 2022. — URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

58. White paper on the future of Europe. — Текст: электронный // European Commission. March 2017. — URL: https://commission.europa.eu/publications/white-paper-future-europe_en (дата обращения: 01.05.2024).

Литература

Монографические исследования и учебные пособия

59. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: Достижения, проблемы, перспективы: Монография / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. — 256 с.

60. Алексеева Т. А. Теория международных отношений как политическая философия и наука : учебное пособие для вузов / Т. А. Алексеева. — Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2019. - 608 с.

61. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: учеб. пособие / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 535 с.

62. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М. Мазырина и Е.В. Колдуновой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023 — 608 с.

63. Байков А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной. Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков; отв. ред. А. Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 256 с.

64. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д. Богатуров. – М.: Конверт - МОНФ, 1997. 349 с.

65. Богатуров А. Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталев. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – 377 с.

66. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: РОССПЭН, 2002. – 523 с.

67. Гуревич Э.М., Чуфрин Г.И. Внешняя политика Сингапура / Э.М. Гуревич., Чуфрин Г.И. – М.: Наука., 1989. – 165 с.

68. Колосков Б.Т. Малайзия вчера и сегодня (Опыт проблемного исследования истории развивающихся стран) / Б.Т. Колосков – М.: Мысль, 1984. – 302 с.

69. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации / Д.А.Кузнецов // Сравнительная политика. — 2016. — №2. — С. 14-26.

70. Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития / Н. П. Малетин. – М.: МГИМО, 2007. – 312 с.

71. Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник / А. А. Байков, Э. Я. Баталов, А. В. Бирюков [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 528 с.

72. Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика / ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова — Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. — 720 с.

73. Мировое комплексное регионоведение: учебник/ А.Д.Воскресенский, Е.В.Колдунова, С.И.Лунев, А.А.Киреева. —М.: Магистр, 2020. — 416 с.

74. Наталегава М. На что способна АСЕАН? Взгляд изнутри / М.Наталегава / Пер. с англ. Е.Л.Хватовой, науч.ред. перевода В.В.Сумский. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. — 332 с.

75. Новая реальность индо-тихоокеанского пространства / под общей ред. В.В. Михеева ; отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. – Москва : ИМЭМО РАН, 2023. – С. 44-52.

76. Оврах Г. П. Политология / Оврах Г. П. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000 — 183 с.

77. Парсонс Т. О структуре социального действия /Т. Парсонс. — М.: Академический Проект, 2000. — 880 с.

78. Российская наука международных отношений : новые направления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. – М. : ПЕР СЭ, 2005. – 415 с.

79. Современные и перспективные направления сотрудничества России с экономиками АТЭС / Ж. В. Петрунина, Е. А. Канаев, Д. В. Киба. – Комсомольск на Амуре: ФГБОУ ВПО "КнАГТУ", 2013. — 174 с.

80. Современные международные отношения: учебник / под ред. А.В.Торкунова, А.В.Мальгина. — Москва: Аспект-Пресс, 2017. — 688 с.

81. Сообщество АСЕАН в современном мире / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин. – М.: ФОРУМ, 2019. — 296 с.

82. Теория международных отношений : учебник для вузов / П. А. Цыганков [и др.] ; под редакцией П. А. Цыганкова. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 317 с.

83. Торкунов А.В. Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство : Мифы и реальность / Н. А. Симония, А. В. Торкунов. – Москва : Редакция журнала "Международная жизнь", 2013. – 88 с.

84. Фомичева Е.А. Внешняя политика Таиланда / Е.А. Фомичева – М.: Наука, 1991. – 168 с.

85. Хрусталев М.А. Системное моделирование международных отношений: учеб. пособие / М. А. Хрусталев. — М.: МГИМО МИД СССР, 1987. — 115 с.

86. 10 years of ASEAN 1978 Jakarta / ASEAN. — Jakarta: ASEAN, 1976. – 316 p.

87. Almuttaqi, A. Jokowi's Indonesia and the World. Jakarta / A. Almuttaqi. — Singapore: The Habibie Center, 2020. – 188 p.

88. Antolik, M. ASEAN and the Diplomacy of Accommodation / M. Antolik. — New York: M. E. Sharpe, 1990. – 200 p.

89. Beeson, M. Routledge Handbook of Asian Regionalism / M. Beeson. — New York: Routledge, 2011. – 521 p.

90. Beeson, M. Institutions of the Asia-Pacific: ASEAN, APEC, and beyond / M. Beeson. — New York: Taylor & Francis, 2008. – 152 p.

91. Burchill, S. The National Interest in International Relations Theory. — Basingstoke: Palgrave, 2005. – 224 p.

92. Dent, C.M. East Asian Regionalism / C.M. Dent — New York: Routledge, 2008. – 370 p.

93. Deustsch, K.W. Political Community and the North Atlantic Area; International Organization in the Light of Historical Experience/ Karl W. Deutsch. — New Jersey: Princeton University Press, 1957. – 256 p.

94. Elisabeth, A. Grand design kebijakan luar negeri Indonesia, 2015-2025 / A. Elisabeth. — Jakarta: Yayasan Pustaka Obor Indonesia, 2016. – 96 p.

95. Haas, Ernst B. Beyond the nation-state: functionalism and international organization. / Ernst B. Haas. — Stanford, CA: Stanford University Press, 1964. – 595 p.

96. Harrison, Reginald J The Evolution of International Society. A Comparative, Historical Analysis / Reginald J. Harrison. — London: Allen & Unwin, 1974. – 346 p.

97. Mahbubani, K. Sng, J. The ASEAN Miracle. A Catalyst for Peace / K. Mahbubani, J. Sng. — Singapore: Ridge books, 2017. – 264 p.

98. Mitrany, D. A Working Peace System: An Argument for the Functional Development of International Organization. / D. Mitrany. — London: The Royal Institute of International Affairs, 1943. – 60 p.

99. Moravcsik, A. The choice for Europe: social purpose and state power from Messina to Maastricht / A. Moravcsik — New York: Cornell University Press, 1998. – 528 p.

100. Regionalization in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes. / M.Schulz, F. Söderbaum, J. Öjendal. — Zed Books Limited: New York, 2001. – 304 p.

101. Rosamond, B. Theories of European integration / B. Rosamond. — New York: St. Martin's Press, 2000. – 260 p.

102. Russian-Indonesian Cooperation: Past, Present and Development Prospects (Collective Monograph) / Ed. by E. Astafieva, E. Kanaev. — IOS RAS: Moscow, 2020. – 250 p.

103. Shekhar, V. Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century Rise of an Indo-Pacific Power / V. Shekhar. — Washington: Routledge, 2018. —266 p.

104. Six Decades of Indonesia-China Relations. An Indonesian Perspective / Ed. L.C. Sinaga. — Jakarta: Springer, 2016. — 96 p.

105. Söderbaum, F. The Political Economy of Regionalism: The Case of Southern Africa / F. Söderbaum, — New York: Palgrave Macmillan, 2004. – 251 p.

106. Sukma, R. Islam in Indonesian Foreign Policy / R. Sukma. —New York: Routledge, 2003. — 192 p.

107. The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / Ed. Tanja A. Börzel, T. Risse. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — 667 p.

108. To, Lee Lai. Regional community building in East Asia: Countries in focus / Lee Lai To, Z. Othman. — New York: Routledge, 2013. – 350 p.

109. Voskressenski, A. D. Non-western theories of international relations: Conceptualizing world regional studies / A. D. Voskressenski. — Cham: Springer International Publishing, 2016. – 270 p.

110. Watson, A. The Evolution of International Society. A Comparative, Historical Analysis / A. Watson. — London: Routledge, 1992. — 337 p.

111. Weatherbee, D. Indonesia in ASEAN Vision and Reality / D. Weatherbee. — Singapore: ISEAS Publishing, 2013. — 109 p.

112. Weatherbee, D. Understanding Jokowi's foreign policy / D. Weatherbee. — Singapore: ISEAS Publishing, 2016 — 71 p.

Научные статьи и главы в коллективных монографиях

113. Алаев Л. Б. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.Е.Непомнин versus Л.С.Васильев) / Л. Б. Алаев. // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3, № 1. – С. 67-83.

114. Арапова Е.Я. Экспансия китайского капитала / Е.Я.Арапова. // Азия и Африка сегодня. — №2. — 2017. — С. 21-26.

115. Атакишиева Д.Г., Наумова Н.Н. Эволюция интеграционной политики де Голля (середина 50-х - конец 60-х гг. XX в.) / Д.Г. Атакишиева, Н.Н. Наумова. // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 8. – С. 28 - 44.

116. Афонасьева А. В. Зарубежные китайцы в ЮВА и их роль в развитии морского шелкового пути XXI века / А. В. Афонасьева // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 12(725). – С. 54-60.

117. Бектимирова Н. Н. Общий путь к урегулированию в Камбодже / Н. Н. Бектимирова // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 96-105.

118. Большая советская энциклопедия в 30 т.. Т. 18: Никко-Отолиты/ гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия,1970–1981. – 663 с.

119. Буторина О.В. Понятие региональной интеграции: новые подходы / О.В. Буторина. // Космополис. – 2005. – № 3. – С. 136-145.

120. Васильев Д.В., Шавлай Э.П. Южно-Китайское море в противостоянии КНР и США в Азии. / Д.В. Васильев, Э.П. Шавлай. // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 7. – С. 61-66.

121. Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов / В.В. Вершинина // Сравнительная политика. — 2020. — № 3. — С. 25-40.

122. Викторова Е.В., Петренко Д.А. Идентичность европейцев в контексте теорий неофункционализма и "воображаемых сообществ / Е.В. Викторова,

Д.А. Петренко // Современная Европа: журнал общественно-политических исследований. — 2021. — № 2. — С. 89-98.

123. Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаезированной) теории международных отношений / А.Д. Воскресенский. // Полис. – 2013. – №6. – С. 82-96.

124. Гомбоин З.Э., Каблуков К. С. Диалоговое партнерство Россия-АСЕАН в области цифровизации: состояние и перспективы / З.Э. Гомбоин, К. С. Каблуков // Международная жизнь. – 2024. – № 5. – С. 20-29.

125. Грачёв Б.В. Возможности и границы применения структурно-функционального подхода в отношении интеграционных объединений / Возможности и границы применения структурно-функционального подхода в отношении интеграционных объединений / Б.В. Грачев. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2018. – Т. 26. – С. 21-36.

126. Ефимова Л.М. Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо / Л.М. Ефимова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2016. – 32-33. — С. 55-69.

127. Ефремова К.А. Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональной идентичности / К.А. Ефремова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2018. — Т. 2. — №4. — С. 39-53.

128. Ефремова К.А. Поствыборный кризис в Мьянме / К. Ефремова // Пути к миру и безопасности. – 2021. – № 1(60). – С. 89-98.

129. Жеглова Ю.Г. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений / Ю.Г. Жеглова. // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2014. — № 3. — С. 115-122.

130. Зеленева И.В. «Малаккская диллема» и региональная безопасность в Юго-Восточной Азии / И.В. Зеленева. // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 1. – С. 16-20.

131. Золотухин И.Н. Морское пиратство в Юго-Восточной Азии: региональное измерение проблемы / И.Н. Золотухин. // Ойкумена. – 2016. – №4. – С. 140-157.

132. Каблуков К. С. Президентские выборы и проблемы демократии в Индонезии / К. С. Каблуков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 2(24). – С. 189-201.

133. Каблуков К. С. Региональная политика Индонезии в фокусе национальных исследовательских школ: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 406–417. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-406-417.

134. Каблуков К.С. Сравнительный анализ походов QUAD и АСЕАН к обеспечению безопасности в АТР / К.С. Каблуков. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2022. – Том 1, № 1(54). – С. 53-65.

135. Кирчанов М. В. Политический ислам в Индонезии в 2021 г.: умма между модернизацией и радикализацией / М.В. Кирчанов. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2022. – № 55. – С. 112 —124.

136. Колдунова Е.В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина / Е.В. Колдунова. // Вестник МГИМО-Университета. – 2016 – №5. – 63-69.

137. Колдунова Е. В. "Диалоговые партнерства" во внешней политике АСЕАН / Е. В. Колдунова // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 3(50). – С. 55-66.

138. Колдунова, Е. В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций / Е. В. Колдунова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. – Т. 1, № 2(43). – С. 42-53.

139. Кочеткова Е.В. О борьбе с COVID-19 в Индонезии и российско-индонезийском сотрудничестве в этой сфере (Часть 1.) / Е.В. Кочеткова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2021. – Том IV, № 4 (53). – С. 107-122.

140. Куклин Н.С. Влияние религиозно-политических факторов на внешнюю политику Индонезии в период президентства Джоко Видодо / Н.С. Куклин. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. – №2. – С.103—112.

141. Купина Д.А. Неравенство в АСЕАН: взгляд с позиции регионального экономической интеграции / Д.А. Купина. // Азия и Африка сегодня. – 2019. – №1. – С. 25-31.

142. Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов / М.Л. Лагутина, Е.Б. Михайленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. № 2. – С. 261-268.

143. Лексютина Я.В. «Добрососедская дипломатия» Китая в Восточной Азии / Я.В. Лексютина. // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 9. – С. 12-18.

144. Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О.Г. Леонова // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 59-66.

145. Локшин Г. М. Кодекс поведения в Южно-Китайском море - иллюзия или отвлекающий маневр? / Г.М. Локшин/ // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – №34. – С. 40-60.

146. Малетин Н. П. Индонезия в АСЕАН: от первой среди равных к равной среди равных? / Н.П. Малетин. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. – № 4 (45). – С. 178-186.

147. Малетин Н. П. Индонезийско-китайские отношения при Джоко Видодо 2014-2021 гг / Н. П. Малетин, Н. И. Хохлова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2021. – Т. 1, № 1(50). – С. 82-113.

148. Мосяков Д. В. Конфликт в Южно-Китайском море и возможные пути его разрешения / Д. В. Мосяков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. – № 21. – С. 16-22.

149. Мосяков Д.В. Решение арбитражного суда в Гааге: реакция России и мирового сообщества / Д.В. Мосяков/ // Азия и Африка сегодня. — 2016. — №32. — С. 5-10.

150. Петрова О. Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений / О. Л. Петрова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 35. – С. 131-146.

151. Севастьянов С.В. «Новый регионализм» Восточной Азии: теоретические и практические аспекты. / С.В. Севастьянов. // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 4. – С. 111-122.

152. Сидоров А.А. АТЭС в поисках новой парадигмы развития / А.А. Сидоров/ // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2009. – № 2. – С.18-38.

153. Симония А. А. Роль Китая в общенациональном мирном процессе Мьянмы / А. А. Симония/ // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 34. – С. 171-187.

154. Сумский В.В. Опыт регионализма на азиатском юго-востоке и поиск ответов на новые вызовы / В.В. Сумский // Международные процессы. - 2017. - №3. - С. 5-11.

155. Сумский В. В. "Индо-тихоокеанское видение АСЕАН" и вертикальный взлет американо-китайских противоречий / В. В. Сумский // Международная жизнь. – 2021. – № 4. – С. 74-89.

156. Троицкий М. А. Глобальный регионализм и внешняя политика России / М.А. Троицкий. // Свободная мысль. – 2009. – № 11(1606). – С. 35-46.

157. Урляпов В. Ф. Расширение АСЕАН: мотивы, значение, последствия / В. Ф. Урляпов. // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 85-95.

158. Хейфец Б. А. Индо-Тихоокеанская экономическая структура - новая форма трансрегионального партнерства / Б. А. Хейфец. // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 2. – С. 94-101.

159. Хохлова Н. И. Эволюция внешнеполитического курса Индонезии при Джоко Видодо / Н. И. Хохлова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 37. – С. 70-81.

160. Хохлова Н.И. Участие Индонезии в Организации исламского сотрудничества в контексте общей внешнеполитической линии страны: 1990-

2012 гг. / Н. И. Хохлова. // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 2(27). – С. 11-17.

161. Чан К. Сообщество безопасности АСЕАН через год и в перспективе / К. Чан, Г. М. Локшин. // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 3. – С. 119-127.

162. Шаклеина Т. А. Великие державы и региональные подсистемы / Т. А. Шаклеина // Международные процессы. – 2011. – Т. 9, № 2(26). – С. 29-39.

163. Acharya, A. Collective identity and conflict management in Southeast Asia / A. Acharya. // Security Communities / E. Adler, M. Barnett (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 198-227.

164. Acharya, A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? / A. Acharya. // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. — 2012. — Vol. 47 No. 1. — P. 3—15.

165. Acharya, A. Doomed by Dialogue: Will ASEAN Survive Great Power Rivalry in Asia? / A. Acharya // International Relations and Asia's Southern Tier. Asan-Palgrave Macmillan Series / G. Rozman, J. Liow (eds). — Singapore: Springer. 2018. — P. 77-91.

166. Acharya, A. Foundations of Collective Action in Asia: Theory and Practice of Regional Cooperation / A. Acharya. // ADBI Working Paper. – 2012. – Vol. 344. – 21 p.

167. An Analysis of the South China Sea Conflict: Indonesia's Perspectives, Contexts and Recommendations / Angkasa Dipua, Rommy Hermawa, Dhiana, Puspitawati, Nuddin Harahap, Dickry Rizanny Nurdiansyah, Lukman Yudho Prakoso. // Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology. — 2020. —Vol. 17 No. 4 — P. 976-990.

168. Anwar, D. F. Indonesia's Vision of Regional Order in East Asia amid U.S.-China Rivalry: Continuity and Change / D.F. Anwar. // Asia Policy. — 2018. — Vol. 13 No. 2. — P. 57-63.

169. Anwar, D. F. Values in Indonesian Foreign Policy: Independent and Active Doctrine / D. Anwar // Values in Foreign Policy: Investigating Ideals and Interests / J.

Mayall, K. Srinivasan, S. Pulipaka. — Lanham: Rowman & Littlefield International, 2019 — P. 175-193.

170. Anwar, D.F. ASEAN and Indonesia: Some reflections / D.F. Anwar. // Asian Journal of Political Science. — 1997. — Vol. 5, No. 1. — P. 20-34.

171. Anwar, D.F. Indonesia and the ASEAN outlook on the Indo-Pacific / D.F. Anwar. // International Affairs. — 2020. — Vol. 96, No. 1. — P. 111-129.

172. Beeson, M. Re-thinking Regionalism: Europe and East Asia in Comparative Historical Perspective / M. Beeson // Journal of European Public Policy. — 2005. — Vol. 12, No. 6. — P. 969-958.

173. Beeson, M. The great ASEAN Rorschach test / M. Beeson. // The Pacific Review. — 2020. — Vol. 3, No. 8. — P. 574-581.

174. Buszynski, L. SEATO: Why It Survived until 1977 and Why It Was Abolished / L. Buszynski // Journal of Southeast Asian Studies. — 1981. — Vol. 12 No. 2. —P. 287–296.

175. Candra, I.A., Zhafran, M.Y. China-Indonesia Relations: The Debate over Foreign Aid during the COVID-19 / I.A. Candra, M.Y, Zhafran. // International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding. — 2023. — Vol. 10, No. 5. — P. 216-225.

176. Djiwandono, J. Soedjati. Indonesia’s Relations with Other Southeast Asian Countries /J. Soedjati Djiwandono // Asian Perspective. — 1977. — Vol. 1, Vo. 1. — P. 32-52.

177. Fawcett, L. The History and Concept of Regionalism / L. Fawcett. – Bruges: UNU Institute on Comparative Regional Integration Studies, 2013. – 20 p.

178. Fealy, G. Islam in Australia-Indonesia Relations: Fear, Stereotypes and Opportunity / G. Fealy // Strangers Next Door? Indonesia and Australia in the Asian Century / Ed. by Lindsey, T., McRae, D. Portland. — Hart: Hart Publishing, 2018. — P. 149—168.

179. Gao, L. Reconstructing Maritime Silk Road & China’s Marine Diplomacy with Neighboring Countries / L. Gao. // History Research. — 2014. — Vol. 2, No. 3. — P. 11-14.

180. Grzywacz. A. Indonesia’s (inter)national role as a Muslim democracy model: effectiveness and conflict between the conception and prescription roles / A. Grzywacz. // The Pacific Review. — 2020. — Vol. 33, No. 5. — P. 728-756.

181. Haas, E. B. The Study of Regional Integration: Reections on the Joy and Anguish of Pretheorizing Ernst / E. B. Haas. // International Organization. — 1970. — Vol. 24, No 4. — P. 606 – 646.

182. Haluan Baru Politik Luar Negeri Indonesia: Perbandingan Diplomasi ‘Middle Power’ Susilo Bambang Yudhoyono dan Joko Widodo / Rizky Alif Alvian, Ganesh Cintika Putri, Irfan Ardhani. // Jurnal Hubungan Internasional. — 2018. — Vol, 6, No. 2. — P 151-168.

183. Hettne, B. Beyond the “New Regionalism.” / B. Hettne. // New Political Economy. — 2005. — Vol. 10, No. 4. — P. 543–571.

184. Hettne, B. Söderbaum, F, Theorising the Rise of Regionness / B. Hettne, F. Söderbaum // New Political Economy. — 2003. — Vol. 5, No. 3. — P. 457-472.

185. Hill, H. Menon, J. ASEAN Economic Integration: Features, Fulfillments, Failures and the Future / H. Hill, J. Menon // ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. – 2010. – Vol. 69. – 44 p.

186. Hoffmann, S. Obstinate or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe/ S. Hoffman. //Daedalus. — 1966. — Vol. 95, No. 3. — P. 862-915.

187. How Much Trade Transits the South China Sea? — Текст: электронный // CSIS. — URL: https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/ (дата обращения: 01.05.2024).

188. Indonesia’s Approach Toward Myanmar’s Crisis: Understanding the Different Perspectives of the Democracy Process in Indonesia and Myanmar and the Role of the Military / Aswin Ariyanto Azis, Firstyarinda Valentina Indraswari, Annisa Ridhatul Khatimah, A. Qalbi Faathimah Azzahra. // Jurnal Hubungan Internasional. — 2023. — Vol. 12, No. 1. — P. 63-75.

189. Indraswari, R. ASEAN centrality: Comparative case study of Indonesia leadership / R. Indraswari. // Journal of ASEAN Studies. — 2022. — Vol. 10, No. 1. — P. 1−19.

190. Jati, I. Comparative Study of the Roles of ASEAN and the Organization of Islamic Cooperation in Responding to the Rohingya Crisis / I. Jati. // The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies. — 2017. — Vol. 1, No. 1. — P. 17-32.

191. Karim, M.F. Middle Power, Status-seeking and Role Conceptions: the Cases of Indonesia and South Korea / M.F. Karim. // Australian Journal of International Affairs. — 2018. — Vol. 74, No. 4. — P. 343-363.

192. Katzenstein, P.J. Regionalism and Asia / P.J. Katzenstein. // New Political Economy. — 2000. — Vol. 31, No. 3. — P. 353-368.

193. Katzenstein, P.J. Regionalism in Comparative Perspective / P.J. Katzenstein. // Cooperation and Conflict. — 1996. — Vol. 31, No. 2. — P. 123-159.

194. Kipgen, N. ASEAN and China in the South China Sea disputes / N. Kipgen. // Asian Affairs. — 2018. — Vol. 49 No. 3. — P. 433-448.

195. Kliem, F. Why Quasi-Alliances Will Persist in the Indo-Pacific? The Fall and Rise of the Quad / F. Kliem // Journal of Asian Security and International Affairs. — 2020. — Vol. 7, No 3. — P. 271-304.

196. Koldunova, E. Which “ASEAN Way” Forward? Southeast Asian Perspectives on Peace and Institutions / E. Koldunova // The Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace / A. Kulnazarova, V. Popovski (eds). — Cham: Palgrave Macmillan, 2019. — P. 347-366.

197. Mamentu, M., Indonesian Foreign Policy in Encouraging the Acceleration of Implementation of the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific / M. Mamentu, J.J. Rares, V.Y. Lond // Journal of Law and Sustainable Development. — 2024. — Vol. 12, No. 1. — P. 1-28.

198. Marchand, M.H. The Weave-World: The Regional Interweaving of Economies, Ideas and Identities / M.H. Marchand, T.M. Shaw. // Theories of New

Regionalism. International Political Economy Series. – London: Palgrave Macmillan, 2003. — P. 197-210.

199. McRae, D. Indonesia's South China Sea Diplomacy: A Foreign Policy Illiberal Turn? / D. McRae. // Journal of Contemporary Asia. — 2019. — Vol. 49 No. 5. — P. 759-779.

200. Muas, R. Tuty Nur Mutia Enoch Diaspora in Indonesia-China Relationship at the Comprehensive Strategic Partnership Era / R. Tuty Nur Mutia Enoch Muas. // International Review of Humanities Studies. — 2024. — Vol. 8, No. 1. — P. 296-311.

201. Negara, S. D., & Suryadinata, L. The Flying Geese and China's BRI in Indonesia / S. D. Negara, L. Suryadinata. // The Singapore Economic Review. — 2021. — Vol. 66, No 1. — P. 269-292.

202. Neumann, I. B. A Region-Building Approach to Northern Europe / I. B. Neumann. // Review of International Studies. — 1994. — Vol. 20, No. 1. — P. 53-74.

203. Ng Luang Jong, J. The ASEAN Model of Integration / J. Ng Kuang Jong, J.C. Liow. // The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. / Ed. Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller. New York, London. — Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. — P.103-122.

204. Ranshaw, C. Indonesia, Australia and ASEAN / C. Ranshaw // Strangers Next Door? Indonesia and Australia in the Asian Century / Ed. by Lindsey, T., McRae, D. Portland. — Hart: Hart Publishing, 2018. — P. 169-192.

205. Rattanasevee, P. Leadership in ASEAN: The Role of Indonesia Reconsidered / P. Rattanasevee. // Asian Journal of Political Science. — 2014. — Vol. 22 No. 2. — P. 113-127.

206. Reeves, J. Southeast Asian States Have Their Own Views on the Ukraine War / J. Reeves. // Asia Policy. — 2023. — Vol.18, No 2. —P. 55-63.

207. Reiterer, M. Interregionalism as a New Diplomatic Tool: The EU and East Asia / M. Reiter // European Foreign Affairs Review. — 2006. — Vol. 11, No 2. — P. 223-243.

208. Risse, T. Neofunctionalism, European identity, and the puzzles of European integration / T. Risse. // Journal of European Public Policy. — 2005 — Vol.12, No. 2 — P. 291-309.

209. Robertua, V., Sinaga, O. Indonesia in the South China Sea Dispute: Humble-Hard Power / V. Robertua, O. Sinaga. // Global Strategis. — 2017. — Vol. 11, No. 2. — P. 73-83.

210. Rofii, M. S. The Dynamic of Indonesia-China Relations in the Middle of South China Sea Dispute / M.S. Rofii. // Central Asia and the Caucasus. — 2022. — Vol. 23, No. 2. — P. 133-140.

211. Santoso, D., Nafisah F. Indonesia's Global Maritime Axis Doctrine: Security Concerns and Recommendations / D. Santoso, F. Nafisah. // Jurnal Hubungan Internasional. — 2017. — Vol. 10, No. 3. — P. 191-203.

212. Sarkar M. G. China and QUAD 2.0: Between response and regional construct / M. G. Sarkar. // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. — 2020. — Vol. 16 No.1. — P. 110-130.

213. Simbolon, P.G.M., Simatupang, E.M. Is Indonesia Ready to be the Party of the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership? / P.G.M. Simbolon, E.M. Simatupang. // Jurnal Kajian Pembaruan Hukum. — 2024. — Vol. 4, No. 1. — P. 1-44.

214. The problem of comparison in comparative regionalism / P. Lombaerde, F. Söderbaum, L. Van Langenhove, L., F. Baert. // Review of International Studies. — 2010. — Vol. 36, No. 3. — P. 731-753.

215. Unlikely allies? Australia, Indonesia and the strategic cultures of middle powers / M. Beeson, M Bloomfield, A Wicaksana. // Asia & the Pacific Policy Studies. — 2021. — Vol. 17, No. 2. — P. 185.

216. Vayrynena, R. Regionalism: Old and New / R. Vayrynena // International Studies Review. — 2003. — Vol. 5, No. 1. — P. 25-51.

217. Weatherbee, D. E. Indonesia, ASEAN, and the Indo-Pacific Cooperation Concept / D. E. Weatherbee. // ISEAS Perspective. — 2019. — Vol. 2019. No. 47. — P. 1–9.

218. Wu, C.H. ASEAN at the Crossroads: Trap and Track between CPTPP and RCEP / C.H. Wu. // Journal of International Economic Law. — 2020. — Vol. 23, No 1. — P. 97–117.

219. Yang F. The South China Sea Disputes: Whither a Solution? / F. Yang // Territorial Disputes in the South China Sea / Ed. by Jing, H., Billo. — New York: Palgrave Macmillan, 2015. — P. 164–189.

220. Zamroni, S. Indonesia in the G20: Benefits And Challenges Amidst National Interests and Priorities / S. Zamroni. // G20 - Perceptions and Perspectives for Global Governance / W. Hofmeister. — Singapore: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2010. — P. 95-109.

Аналитические доклады

221. Канаев Е.А. Пятидесятилетний юбилей АСЕАН: «истории успеха» и их ресурсы. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 39 с.

222. Chheun, S. From ASA to ASEAN: Challenges and Opportunities for the Five Founding Fathers (1961-1967) / S. Chheun // AVI Perspective. – 2020. – Vol. 3. – 11 p.

223. Damuri, Y.R., Friawan D. RCEP and Indonesia: Economic Reform and Prospects for Implementation / Y.R. Damuri, D. Friawan // ERIA Discussion Paper Series. – 2022. – Vol. 467. – 27 p.

224. Fawcett, L. The History and Concept of Regionalism / L. Fawcett. – Bruges: UNU Institute on Comparative Regional Integration Studies, 2013. – 20 p.

225. Hill, H. Menon, J. ASEAN Economic Integration: Features, Fulfillments, Failures and the Future / H. Hill, J. Menon // ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. – 2010. – Vol. 69. – 44 p.

226. How Much Trade Transits the South China Sea? — Текст: электронный // CSIS. — URL: https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/ (дата обращения: 01.05.2024).

227. Mazza, M. An American Strategy for Southeast Asia / M. Mazza. — Washington: American Enterprise Institute, 2018. – 44 p.

228. Regional Reflections on the war in Ukraine Diplomacy, Conflict, and the Future of Southeast Asea. An AIIA Special Report. February 2023 / Edited by Kristie Barrow // AIIA reports. – 2023. – 24 p.

229. Söderbaum, F. Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field / F. Söderbaum. // KFG Working Paper. — 2015. – № 64. – 29 p.

230. Szczudlik-Tatar, J. Regionalism in East Asia: A Bumpy Road to Asian Integration/ J. Szczudlik-Tatar // PISM Policy Papers— 2013. – Vol. 64, No. 16. – 7 p.

Электронные ресурсы

231. АСЕАН Новый виток интеграции и позиции России — Текст: электронный // РСМД — URL: https://russiancouncil.ru/asean-russia (дата обращения: 01.05.2024).

232. Гусев М.Н., Илюточкин А.С. Индонезия стремится повысить свою роль в мусульманском мире. — Текст: электронный / М.Н. Гусев, А.С. Илюточкин // Институт Ближнего Востока. 17 апреля 2017. — URL: http://www.iimes.ru/?p=34095 (дата обращения: 01.05.2024).

233. Декларация на G20 устроила всех, заявил МИД. — Текст: электронный // РИА Новости. 18 ноября 2022. — URL: https://ria.ru/20221118/g20-1832482793.html (дата обращения: 01.05.2024).

234. Ефремова К.А. О ситуации вокруг Мьянмы и её членстве в АСЕАН. — Текст: электронный / К.А. Ефремова // Институт Китая и современной Азии РАН. 1 ноября 2022. — URL: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/4be31d30.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

235. Куклин Н.С. Председательство Индонезии в G20: новая заявка на глобальное лидерство. — Текст: электронный / Н.С. Куклин // РСМД. 10 марта 2022. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/predsedatelstvo-indonezii-v-g20-novaya-zayavka-na-globalnoe-liderstvo/ (дата обращения: 01.05.2024).

236. Лавров открыл в Джакарте постоянное представительство России при АСЕАН. — Текст: электронный // РИА Новости. 9 августа 2017. — URL: https://ria.ru/20170809/1500059569.html (дата обращения: 01.05.2024).

237. Саммит Россия - АСЕАН открывается в Сочи: от юбилея к стратегическому партнерству. — Текст: электронный // ТАСС. 19 мая 2016. — URL: https://tass.ru/politika/3293705 (дата обращения: 01.05.2024).

238. Abrams, A.B. Indonesia's $22 Billion Purchases of US, French Fighter Jets: How Russia's Su-35 Lost Out. — Текст: электронный // The Diplomat. 12 February 2022. — URL: https://thediplomat.com/2022/02/indonesias-22-billion-purchases-of-us-french-fighter-jets-how-russias-su-35-lost-out/ (дата обращения: 01.05.2024).

239. Accession criteria (Copenhagen Criteria). — Текст: электронный // European Union. — URL: https://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/accession_criteria_copenhague.html (дата обращения: 01.05.2024).

240. An Overview of US Trade and Investment in ASEAN. — Текст: электронный // ASEAN Briefing. — URL: https://www.aseanbriefing.com/news/an-overview-of-us-trade-and-investment-in-asean/ (дата обращения: 07.05.2025).

241. ASEAN Political-Security Community (APSC). — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2018/11/32.-November-2018-Fact-Sheet-on-APSC1.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

242. ASEAN, US to further strategic partnership for mutual benefit. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://asean.org/asean-us-to-further-strategic-partnership-for-mutual-benefit/ (дата обращения: 01.05.2024).

243. ASEAN-Russia Ministerial Meeting. — Текст: электронный // ASEAN 2019. — URL: https://www.asean2019.go.th/en/news/asean-russia-ministerial-meeting-2/ (дата обращения: 01.05.2024).

244. Association of Southeast Asian Nation (ASEAN). — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs Brunei Darussalam. — URL:

https://www.mfa.gov.bn/Pages/association-of-southeast-asian-nation-(asean).aspx (дата обращения: 01.05.2024).

245. Bose, N., Nangoy, F. U.S. Seeks no Conflict with China, says Biden as G20 leaders gather. — Текст: электронный // Reuters. 12.11.2022. URL: https://www.reuters.com/world/biden-says-wont-veer-into-conflict-with-china-firstsummit-ends-asia-2022-11-13/ (дата обращения: 28.02.2024).

246. BRICS membership to boost Indonesia's influence: MPR. — Текст: электронный // Antara News. — URL: https://en.antaranews.com/news/340694/brics-membership-to-boost-indonesias-influence-mpr (дата обращения: 25.04.2025).

247. Chalermpalanupap, T. Five Decades of ASEAN: The History of a Political Miracle. — Текст: электронный // The Diplomat. 27 December. 2016. — URL: https://thediplomat.com/2016/12/five-decades-of-asean-the-history-of-a-political-miracle/ (дата обращения: 01.05.2024).

248. Chinese Travelers Nihao Wonderful Indonesia Warmly Welcomes You. — Текст: электронный // Wonderful Indonesia. — URL: https://english.news.cn/asiapacific/20231107/7399ec403f724e4dae8309e785ebbd90/c.html (дата обращения: 01.05.2024).

249. Emmerson, D.K. Invisible Indonesia? — Текст: электронный // Foreign Affairs. 1 December 1987. — URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1987-12-01/invisible-indonesia (дата обращения: 01.05.2024).

250. Gershman, J. Is Southeast Asia the Second Front? — Текст: электронный // Foreign Affairs. July/August 2002. — URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/fa/fa_julaug02g.html (дата обращения: 18.02.2026).

251. Gultom, D. RCEP: The Opportunity for Indonesia and Steps of Its Implementation, An Insider’s Perspective. — Текст: электронный // CIPS. 22 December 2021. — URL: https://www.cips-indonesia.org/post/rcep-the-opportunity-for-indonesia-and-steps-of-its-implementation-an-insider-s-perspective (дата обращения: 01.05.2024).

252. Hayden, S. Heine, J. CPTPP: Can We Expect Additional Southeast Asian Members Soon? — Текст: электронный // The Diplomat. 10 March. 2022. — URL: https://thediplomat.com/2022/03/cptpp-can-we-expect-additional-southeast-asian-members-soon/ (дата обращения: 01.05.2024).

253. Hemmings, J. Understanding Hatoyama's East Asian Community idea. — Текст: электронный // EastAsiaForum. 22 January 2010. — URL: https://www.eastasiaforum.org/2010/01/22/understanding-hatoyamas-east-asian-community-idea/ (дата обращения: 01.05.2024).

254. Hettne, B. Globalization, the New Regionalism and East Asia: Selected Papers Delivered at the United Nations University — Текст: электронный // United Nations University. — URL: https://archive.unu.edu/unupress/globalism.html (дата обращения: 01.05.2024).

255. Indonesian President Says Wanted Country to Join BRICS Since 2014. — Текст: электронный // Sputnik International. — URL: https://sputnikglobe.com/20241118/indonesian-president-says-wanted-country-to-join-brics-since-2014-1120916469.html (дата обращения: 25.04.2025).

256. Intelligence chiefs pinpoint China as U.S.'s "unparalleled priority". — Текст: электронный // NBC News. — URL: https://www.nbcnews.com/nightly-news/video/intelligence-chiefs-pinpoint-china-as-u-s-s-unparalleled-priority-164743237854 (дата обращения: 07.05.2025).

257. Joko Widodo: "We must not let the World to plunge in a new Cold war". — Текст: электронный // The International Affairs Journal. November 2022. — URL: https://en.interaffairs.ru/article/joko-widodo-we-must-not-let-the-world-to-plunge-in-a-new-cold-war/ (дата обращения: 01.05.2024).

258. Jokowi explains rationale behind inviting Ukraine to G20 Summit. — Текст: электронный // Antara news. 29 April 2022. — URL: https://en.antaranews.com/news/227533/jokowi-explains-rationale-behind-inviting-ukraine-to-g20-summit (дата обращения: 01.05.2024).

259. Juwana, H. Insight: Jokowi's foreign policy: Assertive or nationalistic? — Текст: электронный // The Jakarta Post. 25 June 2015. — URL:

https://www.thejakartapost.com/news/2015/06/25/insight-jokowi-s-foreign-policy-assertive-or-nationalistic.html (дата обращения: 01.05.2024).

260. Kafura, C. Globally, Negative Views of Russia Predominate. — Текст: электронный // The Chicago Council on Global Affairs. 29 June 2022. — URL: https://globalaffairs.org/commentary-and-analysis/blogs/globally-negative-views-russia-predominate (дата обращения: 01.05.2024).

261. Lamarque, K. Why the EU Is Stuck in Perpetual Crisis? — Текст: электронный // Foreign Affairs. 10 December 2010. — URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2018-12-10/broken-europe (дата обращения: 01.05.2024).

262. Marsudi, R. Insight: Time to deepen Indo-Pacific cooperation. — Текст: электронный // The Jakarta Post. 20 March. 2019. — URL: https://www.thejakartapost.com/academia/2019/03/20/insight-time-to-deepen-indo-pacific-cooperation.html (дата обращения: 01.05.2024).

263. Martinez, L. Why the US Navy sails past disputed artificial islands claimed by China. — Текст: электронный // ABC News. 6 May 2019. — URL: https://abcnews.go.com/Politics/us-navy-sails-past-disputed-artificial-islands-claimed/story?id=60993256 (дата обращения: 01.05.2024).

264. McBride J., Chatzky A., Siripurapu A. What Is the Trans-Pacific Partnership (TPP)? — Текст: электронный // Council on Foreign Relations. 20 September 2021 — URL: https://www.cfr.org/backgrounder/what-trans-pacific-partnership-tpp (дата обращения: 01.05.2024).

265. Mearsheimer, J.J., Walt, S.M. The Case for Offshore Balancing. A Superior U.S. Grand Strategy. — Текст: электронный // Foreign Affairs. 13 June 2016. — URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/case-offshore-balancing (дата обращения: 01.05.2024).

266. Miyake, K. The 'Indo-Pacific' is nothing new. — Текст: электронный // The Japan Times. 4 June 2018. — URL: https://www.japantimes.co.jp/opinion/2018/06/04/commentary/world-

commentary/indo-pacific-nothing-new/#.XrSi14vVJQK (дата обращения: 01.05.2024).

267. MoU on China-Indonesia joint research laboratory of new energy materials signed. — Текст: электронный // Xinhua. 11 July 2023. — URL: https://english.news.cn/asiapacific/20231107/7399ec403f724e4dae8309e785ebbd90/c.html (дата обращения: 01.05.2024).

268. Muratshina, K. Indonesia's Accession to BRICS: The Non-Western World Continues to Consolidate. — Текст: электронный // New Eastern Outlook. — URL: https://journal-neo.su/2025/01/28/indonesias-accession-to-brics-the-non-western-world-continues-to-consolidate/ (дата обращения: 25.04.2025).

269. New Zealand sets out progressive and inclusive trade approach at CPTPP signing. — Текст: электронный // The New Zealand Government. 9 March 2018. — URL: https://www.beehive.govt.nz/release/new-zealand-sets-out-progressive-and-inclusive-trade-approach-cptpp-signing (дата обращения: 01.05.2024).

270. Nurmalasari, N. Vietnamese fishing vessels spotted in North Natuna Sea, violating EEZ agreement. — Текст: электронный // Indonesia Business Post. 19 April 2023. — URL: https://indonesiabusinesspost.com/insider/vietnamese-fishing-vessels-spotted-in-north-natuna-sea-defying-eez-agreement/ (дата обращения: 01.05.2024).

271. Pambagyo, I. Indonesia in Global Economic Map: Reflection from APEC Leaders' Week in San Francisco. — Текст: электронный // Jakarta Globe. 19 November 2023. — URL: https://jakartaglobe.id/opinion/indonesia-in-global-economic-map-reflection-from-apec-leaders-week-in-san-francisco (дата обращения: 01.05.2024).

272. Pant, H.V. Modi Was Right. India Isn't Ready for Free Trade. — Текст: электронный // Foreign Policy. 19 November 2019. — URL: https://foreignpolicy.com/2019/11/19/modi-pull-out-rcep-india-manufacturers-compete-china/ (дата обращения: 01.05.2024).

273. Parameswaran, P. Is Indonesia Turning Away From ASEAN Under Jokowi? — Текст: электронный // The Diplomat. 18 December 2014. — URL:

https://thediplomat.com/2014/12/is-indonesia-turning-away-from-asean-under-jokowi/ (дата обращения: 01.05.2024).

274. Parameswaran, P. What's Behind Indonesia’s Russia-Ukraine Peace Initiative? — Текст: электронный // ASEAN Work. 5 June 2023. — URL: https://www.aseanwonk.com/p/whats-behind-indonesias-russia-ukraine-peace (дата обращения: 01.05.2024).

275. Passeri, A. The Russia-Ukraine War is ASEAN’s Latest Political Headache. — Текст: электронный // AIIA. 9 June 2023. — URL: https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/the-russia-ukraine-war-is-aseans-latest-political-headache/ (дата обращения: 01.05.2024).

276. Peng, N. The Limits of the Expanding Indonesia-US Partnership. — Текст: электронный // The Diplomat. 21 November 2023. — URL: https://thediplomat.com/2023/11/the-limits-of-the-expanding-indonesia-us-partnership/ (дата обращения: 01.05.2024).

277. Pickrell, R. China is fixated on a mysterious US submarine incident in the South China Sea and keeps accusing the US of a cover-up. — Текст: электронный // Business Insider. 26 October 2021. — URL: https://www.businessinsider.com/china-keeps-demanding-answers-mysterious-us-submarine-incident-2021-10 (дата обращения: 01.05.2024).

278. Pivotal Player: Marty Natalegawa and U.S.-Indonesia Relations. — Текст: электронный // CSIS. 27 August 2021. — URL: https://www.csis.org/analysis/pivotal-player-marty-natalegawa-and-us-indonesia-relations (дата обращения: 01.05.2024).

279. President Joseph R. Biden and President Joko Widodo Announce the U.S.-Indonesia Comprehensive Strategic Partnership. — Текст: электронный // U.S. Embassy & C Consulates in Indonesia. — URL: https://id.usembassy.gov/fact-sheet-president-joseph-r-biden-and-president-joko-widodo-announce-the-u-s-indonesia-comprehensive-strategic-partnership/ (дата обращения: 01.05.2024).

280. Preventive diplomacy. — Текст: электронный // ASEAN Political Security Community. — URL: https://asean.org/our-communities/asean-political-

security-community/peaceful-secure-and-stable-region/preventive-diplomacy/ (дата обращения: 01.05.2024).

281. Preventive diplomacy. ASEAN Political Security Community. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://asean.org/our-communities/asean-political-security-community/peaceful-secure-and-stable-region/preventive-diplomacy/ (дата обращения: 01.05.2024).

282. Rachman, J. US-Indonesia Security Relations Flourish in a Changing Indo-Pacific. — Текст: электронный // The Diplomat. 14 September 2023. — URL: https://thediplomat.com/2023/09/us-indonesia-security-relations-flourish-in-a-changing-indo-pacific/ (дата обращения: 01.05.2024).

283. Ramani, S. Indonesia's Ukraine Peace Plan Makes Sense—for Indonesia. — Текст: электронный // World Politics Review. 15 June. 2023. — URL: https://www.worldpoliticsreview.com/indonesia-politics-foreign-policy-russia-war-ukraine/ (дата обращения: 01.05.2024).

284. Ramezani, F. Indonesia's Approach to BRICS: Opportunities and Membership Potential. — Текст: электронный // ASEAN Briefing. — URL: https://www.aseanbriefing.com/news/indonesias-approach-to-brics-opportunities-and-membership-potential/ (дата обращения: 25.04.2025).

285. Susilo, N. Indonesia Targets Increase in Trade Volume at the China ASEAN Expo. — Текст: электронный // Kompas. 23 August 2023. — URL: https://www.kompas.id/baca/english/2023/08/23/en-indonesia-target-peningkatan-volume-perdagangan-di-caexpo (дата обращения: 01.05.2024).

286. The ASEAN way and the rule of law. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://asean.org/?static_post=the-asean-way-and-the-rule-of-law (дата обращения: 01.05.2024).

287. Tran, B. A. Renewed Focus on Indonesia-U.S. Relations. — Текст: электронный // CSIS. 17 February 2021. — URL: https://www.csis.org/analysis/renewed-focus-indonesia-us-relations (дата обращения: 01.05.2024).

288. Trump VP Pick Vance Says China Is the ‘Biggest Threat’ to US. — Текст: электронный // Bloomberg. — URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-07-16/trump-s-vp-pick-vance-says-china-is-the-biggest-threat-to-us (дата обращения: 07.05.2025).

289. United States and Indonesia Sign Defense Cooperation Arrangement. — Текст: электронный // U.S. Embassy & Consulates in Indonesia. — URL: https://id.usembassy.gov/united-states-and-indonesia-sign-defense-cooperation-arrangement/#:~:text=Jakarta%20–%20On%20November%2016%2C,States%20will%20explore%20with%20Indonesia (дата обращения: 01.05.2024).

290. US Investment in ASEAN Hits Record High, Outstripping Traditional Markets. — Текст: электронный // KW Group. — URL: https://www.kwglobaltrade.com/post/us-investment-in-asean-hits-record-high-outstripping-traditional-markets (дата обращения: 07.05.2025).

291. What Is ASEAN? — Текст: электронный // ASEAN — URL: https://www.cfr.org/backgrounder/what-asean (дата обращения: 01.05.2024).

292. Yang, A. T. Y. Indonesia pushes for peace in Myanmar. — Текст: электронный // EastAsiaForum. 2 June 2023. — URL: https://eastasiaforum.org/2023/06/02/indonesia-pushes-for-peace-in-myanmar/ (дата обращения: 01.05.2024).

293. Zhenhua, L. Premier Sends ‘Powerful’ Signal for China to Join Asia-Pacific’s Largest Trade Pact. — Текст: электронный // Caixin Global. 29 May. 2020. — URL: https://www.caixinglobal.com/2020-05-29/premier-sends-powerful-signal-for-china-to-join-asia-pacifics-largest-trade-pact-101560855.html (дата обращения: 01.05.2024).

294. Zhihao, Zh. PLA slams naval drills in South China Sea. — Текст: электронный // China Daily. 1 May 2020. — URL: http://global.chinadaily.com.cn/a/202005/01/WS5eab62dca310a8b2411530ee.html (дата обращения: 01.05.2024).

Справочно-статистические публикации

295. A Special ASEAN Investment Report 2023. — Текст: электронный // ASEAN. 2023. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2023/12/AIR-Special-2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

296. ASEAN Key Figures 2018. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2018/12/ASEAN-Key-Figures-2018.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

297. ASEAN Key Figures 2019. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2018/12/ASEAN-Key-Figures-2018.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

298. ASEAN Key Figures 2023. — Текст: электронный // ASEAN. — URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/12/ASEAN-Key-Figures-2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

299. ASEAN Statistical Yearbook 2024. — Текст: электронный // ASEAN Data Science Explorers. — URL https://aseandse.org/asean-statistical-yearbook-2024/ (дата обращения: 25.04.2025).

300. External and intra-European Union trade. Statistical yearbook 1958-1997. — Текст: электронный // Eurostat. 1998. — URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/eastasian/pdf/2016/east-asian_e2016_06.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

301. EU population structure and ageing. — Текст: электронный // Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_structure_and_ageing/ (дата обращения: 25.04.2025).

302. Military expenditure by country as percentage of gross domestic product. — Текст: электронный // Stockholm International Peace Research Institute. — URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988–2019%20as%20a%20share%20of%20GDP.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

303. The State of Southeast Asia: 2025 Survey Report. — Текст: электронный // ISEAS. 2025. — URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/03/The-State-of-SEA-2025-1.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

304. The State of Southeast Asia: 2023 Survey Report. — Текст: электронный // ISEAS. 2023. — URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/07/The-State-of-SEA-2023-Final-Digital-V4-09-Feb-2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

305. Trade between China and Southeast Asia. — Текст: электронный // CKGSB. 2018. — URL: https://knowledge.ckgsb.edu.cn/2018/09/10/finance-and-investment/international-trade/trade-between-china-and-southeast-asia/
(дата обращения: 01.05.2024).

306. Young Southeast Asian Leaders Initiative (YSEALI). — Текст: электронный // US Embassy & Consulates in Indonesia. 2024. — URL: https://id.usembassy.gov/young-southeast-asian-leaders-initiative-yseali/ (дата обращения: 08.02.2026).